

ИТАН РОКОТАНСКИ

18+

НЕСТОР ШТОРМОВОЙ

Константин Штиль — менеджер в кофейне, ветеран Третьей мировой войны. У него есть любимая жена и спокойная, размеренная жизнь. Счастье и стабильность.

Все меняется в тот день, когда жена заболевает неизвестной миру болезнью — таинственной «хворью», лечения от которой не существует. Но действительно ли это так? Смогут ли супруги победить болезнь и через что ради этого придётся пройти?

Глава 1. Рефлекс

Только великое страдание есть последний освободитель духа.

Фридрих Ницше

...таким образом, после смерти императора Николая II и последующим за ней развалом Российской Империи было образовано НРГ — Новое Российское Государство, включившее в себя Россию, Беларусь, Украину и еще девять республик, разбившихся внутри на полноценные губернии. С тех пор каждый город имел и имеет своего градоправителя, а во всем НРГ есть двенадцать городов со специальным статусом. Столицей самой крупной страны в мире стала Москва.

Учебник Истории НРГ, Раздел: История Первой половины XX века

Несмотря на вечер пятницы в кофейне было безлюдно. Лишь несколько человек разместились у стеклянных стен: девушка в розовой кофте что-то быстро печатала в своём ноутбуке, порой отпивая из чашки горячий шоколад, который я приготовил ей до этого. Чуть поодаль, за одним столиком, сидели двое мужчин в строгих костюмах. Они о чём-то тихо беседовали, достаточно энергично при этом жестикулируя. Оба взяли американо. Помимо них, меня и уборщицы, Августины Ивановны, больше в кофейне не было никого.

Из колонок играла расслабляющая, спокойная музыка. Прислонившись к барной стойке, я взглянул на время. Половина десятого. Через полтора часа домой, а значит, нужно потихоньку закрываться. Менеджерские дела — а я работал менеджером — уже, по большей части, были выполнены, выходит, можно привести кофейню в порядок как бариста. Этим и занялся. Девушка в розовой кофте надела светлый плащ, спрятала в синий рюкзачок ноутбук и убежала через полчаса. Столик после неё остался идеально чистым. Мужчины в костюмах ушли за двадцать минут до закрытия, оставив пакетики с сахаром, сам сахар и скомканные салфетки на столе. Я усмехнулся. Наверное, они действительно какие-нибудь важные парни — люди, одевающиеся красиво, но имеющие скромный заработок, зачастую куда сильнее блюдут чистоту в общественных местах, чем те, кто действительно имеет большой заработок, хотя одевается также красиво. Очередной парадокс общества. Впрочем, он достаточно спорный и давно перестал меня удивлять.

Тут входная дверь открылась, прозвенел колокольчик, а вслед за этим с улицы потянуло холодом. Я повернул голову.

В кофейню вошёл здоровый мужик лет сорока пяти. Судя по его походке, товарищ был явно подвыпивший. Пройдя мимо нахмурившейся Августины Ивановны, собравшейся мыть пол, здоровяк подошёл к кассе и положил на стол двести рублей.

— Американо, — сказал он, как отрезал, дыхнув на меня перегаром.

— Я прошу прощения, — мягко сказал я, — но кофейня закрывается, кофемашину я уже помыл.

Он посмотрел на меня как на придурка.

— Так открой.

Я улыбнулся.

— Не могу. Она уже почистилась изнутри. Если хотите, можете приобрести бутилированную продукцию. Есть соки, Кола, лимонады. Можете купить выпечку.

Здоровяк смотрел на меня так, будто не он подошёл ко мне за кофе, а я среди улицы подошёл к нему в ливень и попросил сделать мне милкшейк, добавив сверху взбитые сливки

с радужной присыпкой.

— Не, ну вы вообще охренели, я смотрю, — повысил он голос, разведя большущие руки. — То кофе наливать отказываетесь, то знакомиться не хотите, то из маршруток выгоняете. Чё, мля, происходит? Сделай мне американо и не морочь голову.

Я ощутил, как по венам побежал адреналин, но все равно снова спокойно улыбнулся.

— Я сказал: кофе сегодня нет. Либо купите то, что есть, либо покиньте кофейню и не мешайте работать.

Товарищ словно сошел с ума. Хлопнув ладонью по барной стойке, он опрокинул монетницу. Августина Ивановна вскрикнула позади от испуга.

— Ты чё, самый крутой что ли? — прорычал здоровяк.

Я вздохнул и на мгновение прикрыл глаза. Затем аккуратно нажал на кнопку вызова охраны, находящуюся под кассой.

— Да, — тихо ответил я. — Да, я самый крутой. Выяснил? А теперь проваливай отсюда. Серьёзно, пока проблем не заработал.

Увернулся я не успел. Мои слова подействовали на верзилу, как на быка красная тряпка, хотя про тряпку, вроде бы, был миф, сделав резкий выпад, он схватил меня за затылок и что было силы приложил лицом о барную стойку. На мгновение стало очень темно, и всё исчезло, а затем я ощутил горячий и солоноватый вкус крови на губах. Голова загудела так, будто на неё надели котёл и хорошо прошлись по днищу и стенкам молотком. Качнувшись, я отстранился, пытаюсь рассмотреть что происходит впереди. Зрение тоже помутнилось. В ушах звенело. Мужик что-то орал, яростно махая руками, а затем начал обходить бар, очевидно, решив задать мне абсолютную взбучку. Тут сработали инстинкты — я схватил барную ложку и сжал в руке. Воспользоваться не успел. Здоровяк резко охнул и покачнулся, после чего раздался звук битого стекла. Он обернулся и за ним, к своему изумлению, на его фоне я увидел малюсенькую Августину Ивановну. Та кинула ему в голову чашку и имела такой успех, что с головы верзилы закапала кровь.

— Ну, бабка, Бог видит, я не хотел... — он начал было идти к ней, как тут двери кофейни распахнулись и ворвались два гвардейца. Быстро оценив ситуацию, они достали дубинки.

— Руки за голову, — сказал тот, что был пониже и с усами. — И лёг вниз, быстро. Бабуль, выйдите из кафе.

Августина Ивановна поспешила ретироваться.

— Придурки в шлемах, — фыркнул здоровяк и смачно сплюнул. — Ну, ладно, ваша взяла... — Он лёг на пол. Гвардейцы подошли к нему. Один из них достал, было, наручники, как тут бунтарь вскочил и резко толкнул того, что был выше. Служащий закона с грохотом отлетел на стол и свалился куда-то за него. Второй, который пониже, дважды ударил его по лёгким. Здоровяк согнулся и хотел уже броситься на него, как к делу подключился я и огрел верзилу по тому же затылку блендером. В этот раз эффект последовал больший: он свалился лицом вниз и больше не двигался. Пульс я проверять даже не стал. И так понятно что живой, паскуда.

— Ну дела, — выдохнул стоящий на ногах гвардеец. — Совсем охренели, алконавты. Спасибо вам, гражданин. Направим куда нужно письмо, вам премию выпишут.

— Лучше уборщице выпишите, — сказал я, аккуратно трогая нос. — Если б не она, вы может и не особо успели бы.

— Значит и ей выпишем, — кивнул служащий, затем взял в руки рацию. — Парни,

подгоните на А4 в кафешку, тут умника принять надо. А вам, — обратился он ко мне, — надо будет написать заявление, и уборщице тоже. Будете писать?

Я вздохнул. Дома, видимо, я буду уже нескоро.

— Куда ж денусь-то...

Дома я оказался уже за полночь. Зайдя в мрачный и тускло освещенный подъезд, прошёл к лифту, и, поднявшись на девятый этаж из двенадцати, вставил ключ в замочную скважину. Не успел я войти и закрыть за собой дверь, как на моей шее повисла жена, как всегда пахнущая клубникой и земляникой. Эти масляные духи всегда шли в комбинации и были у неё любимыми. Одета она была в любимый розовый халат с какими-то непонятным деревцами. Деревца напоминали очень тонкие дубы. Возможно, это были карагачи, но это не точно.

Отстранившись, она взмахнула гривой удивительно прямых и каштановых волос. Зелёные глаза замерли на моём носу с пластырем и следах кровоподтёка под ним.

— Его хоть увезли в обезьянник-то? — спросила она.

— Увезли, — ответил я, снимая свой бежевый плащ и вешая его на стенку. — Ему теперь светит обвинение по нескольким статьям. Даже заявление не хотелось писать, но нечего было столько пить, — добавил я, снимая ботинки. — Уверен, он бы и дальше ходил до людей домогался.

— И хрен с ним, — сказала Зоя Огнева, помогая мне снять рубашку. Я зашёл в ванную, после чего мы прошли в спальню и дружно плюхнулись на кровать. У меня даже не было сил на то, чтобы просто поест. Жена обняла меня, положив голову на грудь.

— Голодный? — тихо спросила она, словно прочитав мои мысли.

— Да, — выдохнул я, чувствуя, как её волосы щекочут мои шею и ключицы.

— Это отличная новость, потому что я сварила целую кастрюлю пельменей, которые ещё не успели остыть. А до того я сходила в магазин, — она пробежала пальцами по моей груди, — и накупила продуктов. Пельмешки будут со сметанкой. Еще есть салат с огурцов, помидоров и укропа. Но, думаю, тогда без сметаны.

— Ты идеальная жена.

— Знаю. Ещё я ходила к тёте Свете, она подарила нам трехлитровую банку компота. Стоит прохладный на подоконнике, — она поднялась и посмотрела на меня. На тонких губах появилась улыбка. — Найди силы хоть штаны снять, не то сама сниму.

— Звучит как вызов.

Зоя фыркнула.

— Сейчас принесу еду.

И упорхнула на кухню. Я закрыл глаза. Как же мне с ней повезло. Хотя, повезло ли? Везение — странная штука, я не был уверен в том, что оно действительно есть, полагал, что происходящие с нами события, вероятно, дело рук чего-то сверхъестественного. Может быть, Бога? Впрочем, вряд ли. На самом деле...

Я распахнул глаза, поняв, что рассуждения уводят меня в дрему. Сел в постели, стянул штаны. В комнате было достаточно свежо. Это была одна из причин, по которым я любил май — идеальная температура. Ни холодно, ни жарко. Не нужно носить меховую куртку, но и не умираешь от пекла даже в одной майке. Было бы славно жить в месте, где каждое время

года идеально себя бы показывало.

В комнату с подносом, на котором находились две тарелки и две кружки со столовыми приборами, впорхнула Зоя. Приземлившись на постель, жена посмотрела на меня. Я понимающе посмотрел на неё. Не сказали друг другу и слова — набросились на еду как голодающие.

Когда пельмени были полностью уничтожены, а мы с набитыми животами вновь улеглись, пытаясь отдышаться, я сказал:

— Получилось очень вкусно.

Жена кинула на меня довольный взгляд.

— Конечно. Богиня готовила.

Я улыбнулся.

— Факт.

— Как Августина Ивановна, кстати?

— Немного в шоке, но что ей будет... Она на своём веку, наверное, и не такого навидалась.

— Хоть возьмёт себе пару выходных?

— Да, следующим днём её подменит уборщица с другой точки. Но имя забыл.

— Ну и хорошо, — Зоя вновь положила голову мне на грудь. — Нам с тобой, кстати, — добавила она, — завтра предстоит куча дел. Помнишь, да?

— Помню, — я поцеловал жену в макушку. Она плотнее прижалась ко мне. — Но только после того как выспимся. Не часто выпадает утро, когда нам обоим никуда не нужно бежать. И я его не упущу, буду наслаждаться каждым моментом.

Я почувствовал, как уголки её губ разошлись в улыбке, но она ничего не ответила. Лишь натянула на нас плед и устроилась удобнее на груди. А ещё через некоторое время мы провалились в сон.

— И подростки сейчас ходят в этом?

Зоя кинула взгляд на дырявые джинсы, которые я вертел в руках. Мы находились в крупном торговом центре «Виссарион», располагавшийся в самом сердце Москвы — на Лубянке. Хотели прикупить немного летней одежды и просто прогуляться по магазинам. Я не был большим любителем торговых центров, но зато очень любил гулять с женой. А она, в свою очередь, любила всюду ходить и присматривать что-нибудь интересное. Закономерная связь.

— Ходят, — она кивнула и взяла такие же джинсы, только женские. — Мода сейчас такая. И выглядят, кстати, они вполне себе хорошо. Джинсы, то есть. Не подростки. Они не очень. Хотя... — На её красивое лицо легла тень задумчивости, и я улыбнулся. Всегда нравилось наблюдать, как она говорит о чём-то, а затем плавно уходит в рассуждения.

— Ну, хорошо, не хорошо, а я считаю, одежда с дырками — это бред, милая, — я вернул джинсы которые держал на месте, и также поступил с теми, которые держала она. — Тем более зачем они? Лето обещают жаркое, давай лучше посмотрим одежду полегче. Я хочу пару рубашек с короткими рукавами. М?

Зоя важно кивнула, проводив джинсы взглядом.

— Особых возражений не имею, Константин Аристархович Штиль, — сказала она.

Любит же она меня по полному ФИО называть! — Но сюда я ещё обязательно вернусь. С тобой или без тебя!

— Договорись, — я улыбнулся. — А теперь пошли смотреть рубашки.

«Виссарион», в конечном счёте, мы покинули с двумя большими пакетами одежды, два из которых удостоился чести нести я. По итогу у нас было три юбки, фиалковая, изумрудная и красная, две рубашки с короткими рукавами, обе с пальмами, одна чёрно-белая, а вторая — точная копия рубашки Томми Версетти из «GTA: Vice City», туфельки на небольшом каблучке, лёгкие, синие кроссовки и несколько футболок с классными артами: на одной был нарисован Желтоглазый Демон из «Сверхъестественного», на другой Фиби — из «Зачарованных», а на третьей Тони — из «Сопрано». Первые две для Зои, последняя для меня. Мы были большими любителями сериалов. Впрочем, а как по-другому? Мы являлись представителями того поколения, которое на них выросло.

— У меня есть деловое предложение, — сказала Зоя, когда мы очутились на свежем воздухе. На улице было по-весеннему тепло, и дул прохладный, лёгкий ветерок. Потoki машин неслись по широким улицам без остановки, немногочисленные деревья нависали над нами всюду зеленеющими, тонкими веточками. На небе не было ни облачка.

— Какое же?

— Поехали к Деду.

— К Деду...

Я задумался. Дедом мы называли нашего хорошего друга, Илью Березовского, который владел целой сетью своих шаурмечных. Купить там можно было не только шаурму — различные салаты также входили в меню. Но ездили мы туда не столько за шаурмой, сколько повидаться с Дедом. Это был очень интересный человек, эрудированный, начитанный и всегда невероятно опрятно выглядящий. Да и был он, говоря откровенно, совсем не дедом: ему шёл всего пятый десяток. Но, так как он был старше нас на добрых двенадцать-пятнадцать лет, а мудростью не уступал какому-нибудь старику, познавшему Дзен, мы звали его Дедом.

— Поехали.

На месте мы оказались достаточно быстро — находилась точка на фудкорте «ДИКИЙ ВАЛ», неподалеку от станции метро Крестьянская застава. Жили мы с Зоей недалеко оттуда, аккуратно на Юго-Восточной. Выйдя из метрополитена и добравшись до этого невысокого, но длинного здания, мы вошли внутрь, тут же очутившись среди миллиона разных звуков и запахов. Всюду ходили люди, играла музыка, шумели телевизоры, столики были заняты гостями. Вьетнамские супы, китайская лапша, казахские национальные блюда, польская кухня. Тут было всё. И, может кто-то мог бы сказать, что это место отнюдь не ресторан, но нам это было абсолютно безразлично. Рестораны мы особо не любили: во-первых, люди, обедающие в них, зачастую были через чур уж важными, даже с виду, а от пафоса, исходящего от них же, могло стошнить прямо в тарелку. А во-вторых, всё там было возмутительно дорого. И, конечно, да, это был не ресторан. Зато обставлено всё было почти как в ресторане!

Общий зал был разделён множеством стен, имеющих по центру одну общую стену. Таким образом получалось, что у каждого заведения был свой маленький зал, имеющий по четыре столика каждый. Когда мы добрались до шаурмечной Деда, носящей гордое название «Gods of Shayrm», тут же поставили пакеты на стульчики у первого столика. У него сегодня людей практически не было.

Дед в этот день работал один, без напарника.

— Ну привет, малыши, — сказал он, когда мы подошли к кассе. Точными и быстрыми движениями он нарезал помидоры, после чего отправлял их в специальный контейнер. Длинные, темные волосы с проседью, были сложены в аккуратный пучок. Рыжую бороду он недавно аккуратно подстриг. — Как дела?

— Пойдет, Дед, ты как?

— Тоже потихоньку. Сегодня один вот, надо дел сделать кучу, ну да ничего, людей тоже нет, потому управлюсь. Вам как обычно? С картошечкой?

— Да, но в этот раз нам максимально острую, обоим, — выпалила Зоя ещё до того, как я успел открыть рот.

— Про гастрит вы не слышали, да? — Дед хохотнул, а затем посмотрел на неё. — Это он тебя на неё подсадил, — он кивком головы указал на меня. — Король Ада, уничтожитель желудков, демон из Властелина Колец, но в реальности. Забыл, как его там звали.

— Балрог, — напомнил я.

Дед махнул и пробил на терминале две шаурмы.

— Можете оплачивать. Через минуток восемь будет готово.

Я приложил карточку. Аппарат пикнул, принимая оплату.

— Слушай, а чего у тебя тут так тихо? Даже музыки нет.

— Справедливо, — согласился Дед, раскладывая два чёрных лаваша на столе. — Сейчас всё устроим, — он включил висящий позади него телевизор. Экран показывал какую-то австралийскую передачу, где показывали жизнь акул в водах Сиднея. «Сейчас таких передач и не увидишь, — подумал я. — Или, точнее, увидишь. Другое дело, они мало кому нужны, тем более людям, смотрящим телевидение ради телевидения».

— Я слышала про какую-то акулу, — сказала Зоя, — которая живёт около трехсот семидесяти лет.

Дед кивнул, переворачивая щипцами ломтики мяса на гриле. Аккуратно рассыпав их по лавашу вдоль соуса, начал посыпать луком и остальными ингредиентами.

— Да, иногда удивляет, что живое существо может жить так долго. Вот эта акула живёт, считай, пять человеческих жизней. Недурно, да? И какая у неё жизнь, у этой акулы? Плавает по морю, ест, спит, и так десятилетие за десятилетием, сотня лет за сотней. Не скучно ей там, в морских водах? — Спросил он и положил две шаурмы обжариваться. — Может и хорошо, что век человека так недолговечен. Человеку, может, и не надо долго жить — он пришёл на Землю, сделал свои дела, ушёл. Вот и всё, — он пожал плечами. — Может, в этом есть какой-то смысл, может нет.

Он зыркнул на нас.

— И вообще, чёй-то мы про акул смотрим, интересней что ль ничего нет? — Дед взял пульт и переключил канал. Включился какой-то фильм отечественного производства про ведьм. — Дерьмо... — Дед переключил. — Дерьмо... Дерьмо... Дерьмо...

— Стой, — сказал я. — Верни обратно.

Он включил предыдущий канал.

— Мда... — Выдохнула Зоя.

На экране появилась колонна бронетехники, направляющаяся в неизвестном направлении. Позади неё находилась лесополоса, по бокам маршировали солдаты в полном обмундировании НРГ. Нашей страны. Затем фон сменился и появилась телеведущая.

«В настоящий момент обстановка на границе территории Польши накалилась, —

вещала она звонким, но притягивающим голосом, — войска НРГ с территорий украинских и белорусских губерний стянулись к границе. Похоже, заявления главы Европейского Альянса по поводу абсолютного железного занавеса оказались отнюдь не пустыми словами. Но когда это действительно вызывало опасения у объединенных народов НРГ?»

— Да уж... — Выдохнул я.

Дед положил на поднос перед нами две шаурмы.

— Компотик будете? Сделал сегодня. Из вишни и яблок.

Мы кивнули, оторвавшись от телевизора. Дед налил в стаканчики прохладный компот.

— Спасибо, родной, — сказали мы с женой почти синхронно.

— Приятного, малыши, — он подмигнул, затем отвернулся и выключил телевидение.

Включил Ютуб и поставил какой-то свой музыкальный плейлист. Заиграла песня Него группы Skillet, и Дед продолжил делать свои дела. Мы с Зоей сели за столик.

— Эта война не даёт мне покоя, — сказала Зоя. — Я переживаю из-за родителей, милый. Эти обстрелы границ...

— Знаю, родная. Но они сами выбрали там остаться, это их дом.

— Да. Дом...

Я взял её руку в свою и сжал.

— Чуть что случится, они всегда могут приехать к нам. Не переживай за них. Не думаю, что Альянс решит всерьез бомбить приграничные города НРГ. Тогда наши ответят и всё это пойдет по накатанной снежным комом, а этого бояться уже все.

— Да, ты прав.

— Конечно прав. Поедим? А то остынет. Горячую шаурму горячей девочке, — я ободряюще улыбнулся.

Зоя ответила улыбкой и смахнула едва появившиеся в уголках глаз слезинки. А затем с хрустом надкусила шаурму.

Прошло две недели как мы с Зоей выбрались за покупками. Несмотря на то, что близилось лето, на улице неожиданно похолодало. Небо затянуло серым покрывалом, порой покапывал какой-то непонятный дождик. Я также ходил работать в кофейню, а Зоя ходила преподавать в школу. Работала моя жена классным руководителем у начальных классов и учителем английского параллельно. Скоро у детей должны были начаться каникулы, значит и нагрузка на преподавателей должна была немного уменьшиться. Я в свою очередь планировал взять отпуск. У нас на это лето имелись планы. Жизнь текла своим спокойным и обычным чередом. Точнее, она текла так до тех пор, пока в ней не появился парень по имени Сергей Гаргарин.

Дело было уже поздно вечером, когда темнота опустилась на город, а шум и гам столицы начали постепенно стихать. Закрывался в тот день я и вовсе один, даже без Августины Ивановны. Людей, к удивлению, практически не было, потому она ушла на несколько часов раньше. Закрыв кофейню, я поднял воротник плаща, ибо ветер был прохладный, сунул руки в карманы и пошел к метро. Идти было недалеко, чуть меньше километра. Пройдя мимо нищего, просившего милостыню, вложил ему в руку полтинник. Кто-то скажет: он сам виноват в своем положении. Может быть. Я придерживался мнения, что то, как он очутился в таком состоянии, было не моим делом — моим делом было лишь

помочь, а куда он эти деньги денет меня уже особо не волновало.

Решив скоротать дорогу через дворы, я завернул за угол и пошел по темным, сырým подворотням, освещенным жёлтым светом фонарей. «Такое чувство, — подумал я, — что сейчас не конец весны, а середина октября. Только листва зелёная». Перейдя с одного тротуара на другой, заметил сидящего на заборчике чёрного кота. Тот тоже заметил меня, но не двинулся с места. Смотрел на меня зелёными глазищами. Медленно подойдя, я аккуратно протянул к нему руку, но, к своему удивлению, обнаружил что кота это ни капли не волнует. Странно. Обычно городские коты очень пугливые.

Коснувшись головы хвостатого, я почесал его за ухом. Кот начал тихо мурчать.

— Неплох, — пробормотал я. — И откуда ты, такой красивый? А, впрочем...

Тут мой едва начавшийся разговор с котом прервал неожиданный галдеж, раздавшийся из подъезда спереди. Оставив кота и пройдя немного вперёд, я остановился посмотреть что происходит.

Из подъезда семиэтажки выскочил молодой человек. Он имел светлые рыжие волосы, был чуть пониже меня: я обладал средним ростом, на носу у него имелся лейкопластырь, над верхней губой находились небольшие, такие же рыжие, но темные усы. С рюкзаком на спине и большой сумкой в руке, он прошел несколько метров и обернулся. Вслед за ним вышла пара, мужчина и женщина, обоим, судя по виду, было чуть больше пятидесяти.

— Чтоб больше я тебя здесь не видел, — проорал, брызжа слюной, мужчина.

— Хоть деньги за остаток месяца верните, — громко сказал парень.

— Хрен тебе! — Крикнула женщина. — Считай это возмещение ущерба. Недоносок!

— Пошел отсюда! — Мужик, закатив рукава, пошел на парня. Молодой человек усмехнулся, но сделал пару шагов назад. Затем развернулся и зашагал прочь. Шумная парочка, продолжая возмущаться, скрылась в подъезде.

— Эй! — Я окликнул рыжего.

Молодой человек обернулся. Я подошёл к нему.

— Какие-то проблемы? — Поняв, что прозвучало так, словно я на него наезжаю, добавил: — Могу чем-то помочь?

Он посмотрел на меня карими как янтарь глазами.

— Да нет... Точнее... Нет, особых проблем нет. Просто меня выперли из хаты, которую я снимал, и мне теперь негде ночевать, — он снова усмехнулся и погладил усы.

— Ясно. Раз особых планов на ночь нет, предлагаю сходить в бар, он здесь неподалёку, а там расскажешь подробнее.

— Мужик, ценю твою доброту, но не хочу тебя утруждать. Да и без обид, выглядишь уставшим, наверное, с работы идёшь.

Я отмахнулся.

— Ерунда, не утруждаешь. Только жену предупрежу, что приеду попозже. Пойдем потихоньку.

Мы двинулись дальше по тротуару, но вместо того, чтобы идти в сторону метро, я свернул налево и мы пошли по небольшой аллее. И тут, и там цвели красные, жёлтые и фиолетовые цветы.

— Кем работаешь? — спросил меня рыжий.

— Менеджером.

— Где?

— В кофейне.

— Неплохо.

— Да нет, иногда считаю это полным бредом. А ты? Учишься, работаешь?

— Ну... — Он на мгновение замялся. — Тут долгая история. Вообще учусь.

— На кого? — Я вернул руки в карманы. На улице будто стало ещё холоднее, а изо рта вырывались небольшие клубочки пара.

— На археолога.

— Ого, — тут я удивился. Тема археологии всегда была мне интересна. Особенно после того, как в детстве я впервые посмотрел «Парк Юрского периода». — Звучит здорово. Всегда была любопытно, что там в Земле находится. Да и не только.

— Да, это интересно звучит, — рыжий издал смешок и погладил усы. — Но конкретно в учёбе это не так интересно, как могло бы быть. Ну, знаешь, как в школе с уроками химии. Думаешь, что будешь взрывать всякие штуки в разных колбах и пробирках, а на деле пишешь конспекты.

— Да, справедливо.

Мы снова повернули за угол.

— А далеко идти?

— Нет, уже пришли.

Мы остановились напротив парикмахерской. Слева от неё был спуск в подвальное помещение. Над дверью висела вывеска «Рефлекс». Открыв её, мы спустились ещё ниже по лестнице и оказались в длинном зале, находившимся в абсолютном полумраке.

Вдоль всей барной стойки располагались высокие стульчики, у стены стояло с десятков столов с тёмными диванчиками. Большая часть бара, за исключением той территории, где и работал бармен, была подсвечена красными лампами. В некоторых местах разными огоньками мелькали светодиодные ленты, но их было совсем немного. Играла не напряженная музыка. Людей в баре было мало. По крайней мере для выходного дня.

— Ну, добро пожаловать в «Рефлекс», — сказал я и направился к барной стойке. Молодой человек последовал за мной. — Здоров, Петрович.

Бармен, до того спокойно натиравший бокалы, поднял голову. Это был человек достаточно крупного телосложения — можно было сказать, даже очень крупного. Широкие плечи, длинные ноги, большая голова с мощной челюстью. Умные серые глаза и седые усы. Так выглядел Петрович — лучший бармен из всех, что я знал. А ещё он был моим старым другом.

— Здоров, Арыч, — он кивнул. — С кем это ты сегодня?

— О... — Тут я понял, что не спросил, как зовут рыжего. — Это...

— Сергей, — сказал парень. — Сергей Сергеевич Гаргарын.

— Почти Галанин, — заметил Петрович. — Ну, я Кузьма Петрович Днепровский. Рад знакомству. А это, — он кивнул на меня, поняв, что я сам вижу рыжего впервые. Бармены. — Константин Аристархович Штиль. Итак, чего желаете, господа?

— Петрович, есть медовуха на розлив?

— Нет, закончилась утром последняя кега.

— А в бутылке?

— Есть, — бармен подошёл к холодильнику. — Какую?

— На цветочном меду которая.

— Остались на гречишном и вишнёвая.

Я тихо выругался.

— Давай две вишнёвых.

Он достал две бутылки, открыл.

— Спасибо.

Мы с Сергеем устроились перед баром. Петрович, стоя напротив, продолжил натирать бокалы.

— Ну, рассказывай. Петровича можешь не стесняться, он — лучший бармен.

Мы аккуратно стукнулись бутылками. Рыжий вздохнул и отпил.

— Ну... Зовут, как и сказал, меня Серёжа. Многие зовут Серым, но ещё чаще, вне повседневной жизни, меня называют Огоньком. Почему так? — Он заметил, как у нас с Петровичем поднялись брови. — Рыжий же. Почему вне повседневной? Тут уже сложнее. Как ты видел, меня сегодня вышвырнули с моей хаты. Ну, не с моей, то есть. С той, которую я снимал. Учусь я на археолога. Поступил очно, на бюджет. Во-первых, не хотелось, чтобы родители платили бешеные деньги за обучение, во-вторых, археология мне действительно интересна. Родители живут далеко, друзей у меня, толком, нет. Девушки тоже нет. Ну, как. Нравится одна, с универа, но мы пока только по-дружески общаемся.

— Так а за что вышвырнули-то? — спросил я.

Петрович, привыкший слушать и не перебивать, грозно на меня зыркнул.

— Ну... — Тут Сергей неожиданно, словно бы от облегчения, рассмеялся. — Они неожиданно ворвались с проверкой, мол, посмотреть чистоту и всё такое. Нет ли проституток, — он почесал усы, — или парней под наркотой. Наверное, они высокого мнения о молодом поколении.

— Ставлю на проститутку, — ляпнул я.

— На обкуренных, — заявил Петрович.

Сергей усмехнулся.

— Не, ни тех, ни других. Они обнаружили ванную комнату в крови. Саму ванну и раковину. Почему те были в крови? Я зашивал одного своего приятеля, ему сильно досталось, потерял много крови. Как позвонили и сказали, что едут с проверкой, пришлось его выставить — ну да ничего, есть куда пойти, залечить успел. А мне вот нет, — он снова отпил. — Медовуха ничего, кстати.

— А почему ты Огонёк? — Спросил я и сделал глоток.

Сергей немного помолчал, затем посмотрел по очереди на нас, словно оценивая.

— Расскажу, если дадите слово, что никому не скажете, — тихо сказал он.

— Слово бармена, — ответил Петрович.

— Слово друга бармена, — добавил я.

Рыжий снова усмехнулся.

— Приемлемо. Ладно. Вы что-нибудь слышали про подземные арены?

— Нет.

— Слыхал, — почесал усы Петрович. — Но немного. Говорят, собираются большие толпы болельщиков и болеют за одного из двух бойцов. Те бьются как дьяволы. И деньги получают соответствующие. Бывают летальные исходы.

— Ну, в общем-то так. Необязательно, чтобы было два бойца. Это зависит от арены, на некоторых и десяток уместится, но такие бои проводятся нечасто. Насчёт денег: тут уж от тебя зависит. Если ты бьешься сам, то есть без своего, так скажем, «сюзерена», то вряд ли много зашибешь. А если новичок, то вряд ли ты останешься живым после первого дня. С сюзереном проще. Он продвигает условную рекламу тебя как бойца, делает ставки, с ним ты

делишь доход.

— Ясно. И почему ты Огонёк?

Сергей пожал плечами.

— Я один из бойцов. Мое имя на арене — Огонёк.

Мы с Петровичем переглянулись.

— Давайте, скажите уже, что у меня странное имя для бойца подземных арен.

— Да нет, вполне крутое. Ну, милое, конечно, но почему бы и нет.

Петрович кивнул и погладил усищи.

— Там, небось, — говорит, — одни Гладиаторы, Волки, Кровопийцы и всё такое. А тут Огонёк. Это действительно здорово.

Тут к нему подошла женщина и немного заплетающимся языком попросила ещё литр разливного «Рижского». Петрович отошёл к кранам. Подставив бутылку, укрепил её в специальном гнёздышке. Спустив кран, наполнил её углекислотой. Бутылка с хлопком выпрямилась и стала идеально ровной. После этого он снова повернул кран и начал наливать пиво. Делал он это неспеша — в ином случае поднимался бы большой слой пены, которую пришлось бы долго и лишний раз откачивать сбросом давления воздуха. Это было лишь потерей времени. Ну и остатки, конечно, тоже подсчитывались в конце смены. Впрочем, на последнее Петровичу уже было полностью наплевать. Как я и сказал ранее, он являлся лучшим в своём деле.

Отдав пиво женщине, он вернулся к нам.

— И зачем же молодому человеку, учащемуся на археолога, бить рожи в подпольных боях? — спросил он и посмотрел на Сергея с его пластырем на носу.

Рыжий повертел полупустой бутылкой в руках. Я взглянул на свою. Моя была почти выпита.

— Скажете: молодой и глупый, но дело тут не в молодости и не в глупости. Просто хочу заработать нормально денег. Официальными способами это сейчас не особо легко. Хочется банально свою квартиру, свой собственный уголок иметь. Пришел, взял ключ, открыл: и ты дома. Никто ничего не скажет — ты не моешь пол, ты не так готовишь, ты не выкидываешь мусор. Ты сам себе хозяин. Это многого стоит, иметь свой дом. Но и стоит он соответствующе. Вот и всё.

— Ну, не так уж это и глупо, — сказал я. — Это даже похвально. Другое дело, можно коньки двинуть, а вот это будет уже не очень.

Петрович согласно кивнул.

— Выходит, ты просто хочешь купить себе дом? — спросил он.

— Дом, квартиру, что-нибудь. Пока не знаю. Ну и просто при деньгах быть хорошо.

— А как с законом? — спросил я. — Если собираются большие толпы зрителей, то вряд ли такие мероприятия могут быть неизвестными и незамеченными полицией.

Сергей улыбнулся и посмотрел на меня. До меня дошло.

— Ясно. Им платят.

— И немало. Организаторы могут себе это позволить. Если уж бойцы и сюзерены получают большие деньги, то что уж говорить за тех, кто всем этим заправляет? — он поставил пустую бутылку на барную стойку. Петрович тут же её выкинул.

— А у тебя есть сюзерен? — спросил я, и, допив медовуху, тоже поставил бутылку. Петрович повторил процедуру.

— Нет. Мне больше нравится действовать одному. Хотя с сюзереном проще.

— Понятно. А как это работает?

— Ну, как... — Сергей, казалось, смутился. — Когда ты один — так и делаешь всё сам, договорившись лишь с начальством арены. С сюзереном многое обсуждать надо. Против кого выходишь, какие тренировки, даже питание иногда нужно обговорить. Тут достаточно плотное сотрудничество. Можно сказать, это похоже на бои гладиаторов в Древнем Риме. Ты — боец какого-то дома, сюзерен — твой условный Батиат. Только ты не раб. Хотя, это, конечно, как посмотреть.

Наступила тишина, нарушаемая лишь мелодичной музыкой в баре. Даже люди, находящиеся вокруг, казалось, тоже молчали. Впрочем, это не было необычным явлением. В бар в первую очередь приходят пить.

— Петрович, — нарушил я тишину.

Бармен посмотрел на меня.

— Нам ещё медовухи. Теперь гречишную.

Когда бутылки были открыты и мы продолжили пить, я сказал:

— Выходит, ты подлечивал своего друга, но не успел убрать следы, это заметили хозяева квартиры и выгнали тебя.

Сергей кивнул.

Я вздохнул.

— И что, совсем некуда податься? — спросил Петрович.

— Ну, сейчас тепло, вот я и подумал...

Бармен отмахнулся.

— Тепло, не тепло, нормальные люди спят в домах.

— Согласен, — сказал я. — Ну что, Петрович, единогласно?

Мой друг кивнул. Рыжий недоуменно посмотрел сначала на меня, потом на него.

— Итак, Огонёк, мы знаем где ты можешь переконтиться. Сначала пару дней, потом уже от тебя зависит. Мы, в конце концов, только сегодня познакомились. Вдруг ты нам лапши на уши навешал? — видя, как рыжий открывает рот, я его перебил: — После того, как мы с Петровичем отслужили в армии, он вернулся в Москву и искал хату. Таковую нашёл: сдавала её одна старая бабулька. У бабульки той никого не было, а как пришло её время умирать, она возьми да и перепиши хату на Петровича. Мы в свое время немало ей помогали с ремонтом, уборкой и всем соответствующим. Так что: хата есть. Три дня там посидишь, а дальше видно будет. У Петровича сегодня ночная, потусишь с ним в баре до утра. Как время наступит, поедете вместе, он там всё покажет. Согласен?

Рыжий покраснел. Сложив руки в замок, он смущённо смотрел то на меня, то на Петровича.

— Если честно, я и не знаю что сказать. Не ожидал такого поворота.

— Повороты всегда резкие, — спокойно заметил Петрович. — А если они и не резкие, то это не повороты вовсе.

— Спасибо. Я вам очень благодарен, серьезно.

— Ерунда, — я встал со стула. Рыжий тоже встал. — Людям нужно по возможности помогать другу. Там капелька добра, там, так и накопится море. Может быть. — Я протянул Сергею руку. Он её пожал. Рукопожатие у него оказалось крепким. — Ну, доброй ночи вам, сидите, кукуйте. А меня дома жена ждёт.

— Давай, Арыч, добро.

— Пока!

Я покинул «Рефлекс» и, вновь подняв выше ворот, зашагал дальше к метро. Снова подул холодный ветер, зелёная листва зашелестела, словно каждый листик перешептывался друг с другом. Тучи на небе немного рассеялись и между ними выглянула большая, белая луна. На Москву опустилась ночь.

Глава 2. Отряд

...еще через некоторое время, на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, Северные Государства, включающие в свой состав Финляндию, Швецию и Норвегию, объединились в Союз, потрясший все мировое сообщество — Северное Трио, объявив своими государственными режимами нацизм и прямую диктатуру. Затем, через несколько часов, в воздух поднялись первые ракеты, озарив небо сотнями ярких и страшных вспышек. Так начался кошмар, которого боялся каждый ветеран любых боевых действий — Третья мировая война.

Йен Стогмельд, профессор Нью-Йоркского Государственного Университета им. Э. Ж. Пейджа

Утро выдалось пасмурным. Не менее и не более пасмурным, чем любое предыдущее. Складывалось чувство, что небо с каждым днём становилось всё более тёмным и серым, а дождь, льющийся именно тогда, когда в нём меньше всего была нужда, лил все чаще. Иногда бывало впечатление, что ещё неделя, максимум две, и тьма окончательно воцарится над землёй. Холодный и пробивающий до дрожи ветер только подтверждал такие мысли.

Шли долго и осторожно. Не знаю, сколько преодолели километров: я их не считал. Голова была забита совершенно другим. Остановились уже только к ночи, когда небо снова затянула тьма. Сегодня, к счастью, обошлось без происшествий, что было большой редкостью.

— Вереск, Хорнет, разведите костёр, — отдал приказ Ветрогон, командир отряда. — Кино, Хорвуд, приготовьте что-нибудь поесть. Док, Пламя, Невский и Стартрек, после ужина на позиции. Ночь проведем в долине. На рассвете двинемся дальше.

— Долго ещё идти, Кэп?

— Нет. Завтра выйдем к морю. Послезавтра достигнем точки.

Ужинали, почти не разговаривая. Ели жареную рыбу и консервы с томатами. Хлеб и мясо закончились несколько дней назад. Спасали сухие, как печенье, лепешки.

Когда большая часть солдат легла спать, а остальные скрылись в сумраке деревьев за наблюдательными позициями, я остался сидеть у костра. Пламя бросало снопы искр вверх. Те, моментально взлетая, падали и мгновенно гасли, соприкасаясь с сырой землёй.

— Штиль, верно? — раздался позади низкий голос.

Я обернулся.

Передо мной стоял грозного вида здоровяк. Лицо было покрыто небольшой щетиной, под носом располагались большие каштановые усы, уже почти наполовину выбеленные сединой. Прическа была аккуратной и короткой. Почти наголо выбритые бока, небольшой вверх. Всё, что я о нём знал, что его фамилия как-то была связана с рекой. В одном отряде мы находились всего несколько дней.

— Да. Константин, — я встал и протянул руку.

— Кузьма Днепровский, — здоровяк крепко её пожал. — А по отчеству тебя как?

— Аристархович.

— Мощное имя у твоего отца.

— Было, — я сел обратно. — Умер несколько лет назад.

— Мне жаль.

— И мне. Но я уже свыкся: рано или поздно все умрём. Он прожил хорошую жизнь.

— И это главное, — здоровяк уселся рядом, чуть не касаясь длинными коленями костра. Свесив большие ладони над огнём, он добавил: — Я Петрович, кстати.

— Тоже ничего отчество. Вроде всем знакомое имя, но Петров уже нигде и не встретишь.

— Да, пожалуй.

Мы немного помолчали. Ветви и поленья тихо, но без перерыва потрескивали в гудящем пламени. Взяв палку, я немного поворошил ей в костре. Тот вспыхнул ярче, словно бы загудев с новой силой, бросив в небо очередной сноп искр.

— Как ты здесь очутился? — спросил Кузьма.

— Мобилизовали, как и остальных.

— Разве студентов мобилизуют? Просто по виду ты студент.

— Нет, не мобилизуют. Но я не студент. Пошел добровольцем.

Здоровяк внимательно посмотрел на меня большими, серыми глазами.

— Отчаянный, да?

Я пожал плечами.

— Дело не в этом. Мне хочется верить, что мы делаем хорошее дело. Ради этого не страшно умереть.

Кузьма задумчиво хмыкнул.

— У тебя нет никого, да?

— Да.

— Ясно. У меня тоже.

Мы снова недолго помолчали.

— А ты как очутился здесь?

— Ну, — громила чуть отстранился от костра и почесал щетину. — Тут всё обычно: пришла повестка. Делать было нечего, пошёл. Думаю, может, хорошее делаем дело. Ради которого не страшно было бы умереть.

Я усмехнулся.

— Ну, будем надеяться, это так. А ещё будем надеяться, что всё это скорее закончится и мы вернёмся домой.

Кузьма Петрович почесал в затылке. Я внимательно посмотрел на него.

— Не видишь смысла?

— Да.

— Ясно.

Неожиданно я понял, что мне нравится общаться с этим человеком, даже несмотря на то, что он был в два раза старше. Нам не нужно было толкать большие речи и что-то разъяснять: всё и так было понятно. Такое редко встречается. Я не стал спрашивать его о том, как так вышло, что в свои сорок с чем-то он не видит большого смысла жить. Если захочет, когда-нибудь расскажет сам.

— Ну, есть смысл там, нет смысла, не знаю. Но что знаю, нам нужно сделать то, зачем мы здесь, а для этого нужно отдохнуть и набраться сил. Предлагаю лечь спать. Нам менять часовых.

Здоровяк некоторое время задумчиво смотрел в огонь, а потом кивнул.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Утро выдалось точно таким же, как предыдущее, с тем лишь отличием, что едва на

востоке забрезжил рассвет, начал моросить мелкий дождь. Группа снова двинулась в путь. В этот раз я шёл рядом с Петровичем. Единственным неудобным моментом за исключением грязи и слякоти было то, что приходилось задираť голову, когда он о чём-то говорил — Кузьма Днепровский действительно был двухметровым. Разговаривали, тем не менее, мало. Во-первых, не было настроения, во-вторых, мы с каждым шагом становились всё ближе к цели. Через несколько часов ходьбы по холмам, обросшим достаточно плотным лесом, наш отряд, наконец, вышел к морю.

Перед нами, во всем своем могуществе, раскинуло свои объятия Норвежское море. Из лесу, который мы не спешили покидать, было видно, как тяжёлые, тёмные волны разбиваются о холодный берег. Вдалеке, но вместе с этим так близко, слышались крики голодных чаек, пытавшихся выцепить в ледяной воде рыбу. «Странно, — подумал я. — Разгар осени, близится зима, а они до сих пор здесь. Или в Северном Трио птицы не улетают на юг?» На мгновение мне стало смешно с того, что я не знаю ответа на такой глупый, казалось, вопрос. Но я действительно не знал.

— Бойцы, все ко мне, — сказал командир Ветрогон. Две дюжины бойцов скучковались вокруг него.

Капитана Иосифа Ветрогона я знал дольше, чем всех остальных, даже без учёта того факта, что остальных я знал от силы пару недель. Это был человек роста чуть выше среднего, достаточно крепкий, с красивыми и мощными руками. Темно-русые волосы формировали собой аккуратную, короткую причёску, похожую на стрижку Петровича, только немного длиннее. Мне он напоминал молодого Алёна Делона, но с более резкими чертами лица.

— Итак. Мы почти добрались до поселения Омессун — оно находится на пару километров левее нас. Место это небольшое, но достаточно запутанное, имеет много улочек, закоулков и дворов, в которых довольно просто заблудится. Это не было бы для нас проблемой, не будь посёлок полон злых норвежцев, готовых пустить на нас всю мощь своего нацистского арсенала. По нашим данным их там около пяти десятков. Сидят в домах с мирными. В которых — я не знаю. Как доберёмся до поселения будьте предельно аккуратными. Это ясно?

Бойцы понятиливо загудели.

— Хорошо. А теперь напоминаю нашу задачу. Цель: Йокир Мейгбун, один из военных председателей Норвежского Содружества в Северном Трио. У него должен быть чемодан со всеми имеющимися планами и раскадровками совместных операций норвежцев и шведов на Северных морях. Сидит он, по данным разведки, в центре поселения, в главной башне небольшой крепости. Добудем чемодан и возможно, только возможно, сможем обратить ход войны в сторону НРГ. По крайней мере в Северном океане. Это ясно?

Повторился понятийный гул.

— Хорошо. Итак, план мы обговаривали, но повторю его снова. В Омессун из города раз в неделю ездят два грузовика с провизией, вооружением и всем соответствующим. Все это передаётся на закате катеру, приходящему с моря, который увозит это на морскую базу норвежцев, на одном из островов. Разведка сообщила, что неподалёку от посёлка грузовики становятся на дозаправку в лесистой местности. Эта заправка — блокпост. Находится она недалеко. Восемь бойцов, — Ветрогон назвал по позывным солдат, среди которых оказался и я. — Проникнет в грузовики незамеченными, по четверо в каждый. Повторяю: важно попасть внутрь незаметно. Там, где лежит провиант и оружие, насколько известно, врага нет, но все равно будьте осторожны. Если не получится — уничтожьте всех норвежцев

за исключением водителей. Они, под вашими прицепами, провезут вас в город и проедут через блокпост. Даже если они закричат, едва вы приедете на место, это будет менее опасно, так как вы будете уже внутри Омессуна.

— А как гражданские? — спросил парень с позывным Кино. Его мы так звали потому, что он был очень похож на вокалиста одноименной группы и иногда напевал себе под нос «Пачку сигарет». Кино также был среди тех кто участвовал в миссии по оккупации грузовика. — Это ж нацистское село. Вдруг они будут помогать норвежцам? Они уже довольно долго живут в этом режиме.

— Маловероятно. Швеция — центр нацисткой угрозы. Хотя эти три страны и маленькие, но в таких поселениях, как Омессун, хочется думать, простые деревенские жители осуждают это течение. Только сделать ничего не могут — несколько лет назад тут собиралась армия сопротивления, но она была полностью ликвидирована нацистами. Теперь дело стоит за нами.

— Скорее всего, — тихо кашлянул парень, которого звали Хорнетом. Невысокого и худощавого телосложения, он был одним из самых быстрых и ловких бойцов нашей группы. — Несмотря на наш план, командир, в посёлке развернется бойня. Вряд ли мы сможем её предотвратить. Гражданские, даже если они хорошие гражданские, могут пострадать.

Ветрогон внимательно осмотрел отряд. Затем вздохнул.

— Да, ребята. Но вы должны понимать, зачем собрались здесь. Наше дело правое. Положить конец войне. Этого мы все хотим. Но весь ужас войны в том и заключается, что страдают как раз-таки те, кто никоим образом её не хотел.

Заправка, на которой должны были заправиться военные грузовики, выглядела абсолютно обычно и находилась в такой же густой части леса, через которую мы шли несколько дней. Это было преимуществом для нас, ибо спрятаться за высокими деревьями или в высокой траве, находясь достаточно близко к грузовикам, было достаточно просто. Проблема заключалась в другом. На заправочном блокпосте находилось больше военных, чем мы предполагали.

Одна группа из четырех человек спряталась в траве, рядом с транспортом, вторая, также из четырёх человек, чуть дальше, за деревьями. Я был среди тех, кто расположился в траве. Видимость отсюда была неплохой, а увидеть нас было достаточно затруднительно. Расположившись в укрытии, мы наблюдали за норвежцами.

Разведка всё же кое в чём не ошиблась — в грузовиках, которые, кстати, были куда длиннее и больше, чем обычные грузовики, почти не было солдат. По водителю и ещё двум бойцам в каждом, все располагались на передних местах. Видимо, у норвежской армии было не так много людей, чтобы размещать их ещё в грузовом отсеке, либо нацисты были уверены, что в этой области безопасно и противника быть не может. Нам это было на руку.

— Предлагаю так, — тихим, низким голосом сказал солдат с позывным Палач, — по двое быстро и аккуратно залезаем в грузовики и прячемся. Водители уже вышли, сейчас они столпились у блокпоста. Пока перекурят, поедят, успеем добраться. Времени у нас более чем достаточно, — бойцы кивнули. — Главное действовать быстро. Как окажемся внутри, — он погладил черную бороду, — прячьтесь где сможете. Ехать недолго, но при осмотре нас не

должны обнаружить.

Так мы и решили. Хотя план звучал достаточно просто, но выполнить его оказалось немного сложнее — хоть один лишний шумок, лишнее движение, и всё могло закончиться кровью. Более чем возможно, что нашей.

Первыми отправились мы с Хорнетом. Целью выбрали первый грузовик — он был дальше к нам и ближе к солдатам, но тем, кто спрятался за стволами деревьев, до него пришлось бежать бы ещё больше. Норвежцы о чём-то говорили в паре десятков метров от нас, но разобрать их речь, и тем более понять её мы не могли. Оказавшись позади машины, мы аккуратно поднялись на неё, перемахнули через специальный бортик, и, подняв тент, оказались внутри.

— Вот дают... — Тихо выдохнул я.

Едва ли не во всю длину грузовика, по центру, стояло крупнокалиберное орудие. Могучее, черного цвета, и, несомненно, невероятно тяжёлое, стояло оно на железных гусеницах, сжатых специальными подпорками, чтобы этот зверь никуда не укатился во время транспортировки. Как и всё остальное — бесчисленные ящики с едой, боеприпасами, ручным оружием, зенитка была накрыта тентом. Хорнет подошёл ближе и приподнял его. Белым по чёрному выходила надпись «Dronning Maeve».

— Королева Мэйв, — шепнул Хорнет. — Да уж, теперь понятно, чем эти ушлепки сбивают наши самолёты.

Тут позади нас тент поднялся и мы с Хорнетом дернулись, схватившись за штурмовые винтовки — но это оказались Кино с Палачом. Вернув пространство в полумрак, они тоже усталились на зенитку.

— Гребаный в рот, — выдохнул второй.

— Точнее и не скажешь, — буркнул Кино.

— Штиль, её надо будет уничтожить, — сказал Хорнет и глянул на меня.

— И тогда мы себя обнаружим.

— Мы и так, скорее всего, себя обнаружим, — снова буркнул Кино.

Я вздохнул.

— Будем решать проблемы по мере необходимости. Ладно? Сейчас предлагаю спрятаться под любой тент и...

— Når vi kommer frem skal vi garantert knulle et par jenter(*Когда вернемся, надо обязательно трахнуть пару баб — норвеж. яз.*), — раздался близко сиплый, но громкий голос. Мы с парнями мгновенно скрылись в дальнем углу грузовика. Места хватило каждому. Я, сжавшись в комок, чуть не уткнулся носом в ящик с консервами. Тут раздался второй голос, не сиплый, но тоже не особо приятный:

— Korrekt. Her er jentene det du trenger! Og forresten, rent blod!(*Обязательно. Девушки, которые нам нужны! И, кстати, чистокровные!*)

Тут они оба рассмеялись.

— Det er på tide å gå. Kast den jævla sigaretten din og la oss gå til setene.(*Пора ехать. Выброси свою чертову сигарету и давай по местам.*)

Затем раздался какой-то шорох и хлопанье дверей. Потом грузовик неожиданно затрясся и зарычал. Следом точно такой же звук раздался чуть дальше, но мы его почти не слышали. Ещё через две минуты тронулись. Оставалось только гадать, успела ли вторая группа занять места в первой машине. Но что-то мне подсказывало, что нет. Норвежцы решили ехать слишком рано. И теперь нам это не было на руку.

Остановился грузовик лишь через полчаса. Мы снова слышали возгласы на норвежском, но теперь голосов стало ещё больше. После переклички норвежцев машина вновь тронулась — мы въехали в поселок Оммесун. Грузовик несколько раз поворачивал, после чего окончательно остановился. Двигатель заглох, вновь послышалось хлопанье дверей. Затем раздался звук удаляющихся шагов, очередные переговоры норвежцев, а после мы, видимо, остались одни.

Я с тихим кряхтением вылез из-под тента, вдыхая относительно свежий воздух малого пространства. Запахи железных банок и старых, деревянных корзин за эти полчаса успели мне удивительно осточертеть. То же проделали и напарники — силуэты Кино, Хорнета и Палача вырисовались в полумраке грузовика.

— Вы как, готовы? — шепнул я.

— А как иначе-то, — пробормотал Хорнет.

Палач и Кино просто кивнули.

— Тогда нужно двигать к башне. Осадить её и дать остальным сделать свою работу.

— У меня есть подозрение, — сказал Палач, — что вторая группа не попала на грузовик.

— Это мы сейчас и проверим. Но, как бы там ни было, придерживаемся плана. А теперь — на выход. И давайте аккуратно, тут больше пятидесяти вооружённых норвежцев.

Первым пошел Палач. Аккуратно приподняв тент, он выглянул наружу, повертел головой и покинул грузовик. Следом пошел Кино, затем Хорнет. Замыкал процессию я.

Омессун, к моему удивлению, очень походил на какой-нибудь городок из центральной Европы. Маленькие, мощёные улочки, тесные, прижатые друг к другу домики. Ни о каком широком пространстве тут не было и речи — а значит, когда начнётся перепалка, стрелять нужно максимально осторожно. Второй грузовик стоял аккуратно перед нашим. Подойдя к нему мы подняли тент и никого внутри не обнаружили. Никого, за исключением ещё одной Королевы Мэйв и такого же склада боеприпасов и еды.

— Дерьмо, — тихо ругнулся Хорнет.

— Так, — сказал Палач и огляделся вокруг. Ни одной живой души помимо нас не было ни видно, ни слышно. Вытащив из внутреннего кармана куртки карту, он развернул её. — Мы находимся неподалеку от крепости, башня находится с северной стороны. Пробраться туда незамеченными будет тяжело, тем более без второй группы, но выхода нет. Будем надеяться, они все-таки доберутся и прикроют нас. Штиль, Хорнет, когда мы разберемся с часовыми — там уже все зависит от вас. Пистолеты с глушителями использовать только в крайнем случае. Всё ясно?

Мы с Хорнетом кивнули.

— Тогда пошли. Держимся стен, кустов и деревьев. Нас не должны обнаружить до того, как вы получите кейс.

Когда мы оказались в нужном месте, поднялся сильный ветер, трепавший верхушки высоких и больших елей. Наша четвёрка стояла аккуратно напротив канализационного стока, вода из которого уходила в реку, уходящую куда-то в лес, а затем к морю. Решётки не было. Путь был свободен.

— Ну, удачи вам, ребята, — сказал Палач. Кино просто кивнул нам. Мы с Хорнетом

вошли внутрь.

К нашему удивлению, хотя удивляться, в действительности, было особо нечему, здесь практически не было каких-то неприятных запахов, мусора было минимум, а крыс не обнаружилось и вовсе. Это была действительно чистая канализация. Чистая, но совершенно тёмная, ибо никаких решёток сверху от канализационных стоков наверху не было. Пришлось включить фонари.

— Тьма хоть глаза выколи, — тихо сказал Хорнет, аккуратно идя вдоль стены.

— Моли Бога чтобы снова её увидеть, — пробормотал я. — А то сердце у меня не на месте.

— Не ссы. Моя чуйка редко подводит. Достанем мы кейс, да и обратно выберемся. Хоть, наверное, и не все. Но миссию выполним.

Шли мы по канализации минут десять, считая и запоминая каждый поворот, отмечая их красными стрелками с помощью маркера. Немногим позже мы наткнулись на лестницу, ведущую вверх, к закрытому люку. Мы остановились, подсветив фонарями чуть дальше, вглубь туннеля. Через метров пятнадцать находилась ещё одна, точно такая же лестница.

— По плану, — сказал Хорнет, — лестница должна быть одна.

— Откроем не ту...

— И можем напороться на кучу злых норвежцев. Круто, — закончил напарник. — Какую выберем?

— Эники-беники...

— Серьёзно?

— Есть идея получше?

— Нет.

— Ну и у меня нет.

— Давай хотя бы поднимемся, головы прижмем. Вдруг услышим чего?

Я согласился. В данной ситуации эта мысль была дельная. Я взобрался по ближней к нам лестнице, Хорнет по дальней. Практически не различая друг друга, мы попытались приложиться ухом к ведущим на поверхность люкам. Я не услышал ровно ни черта — зато Хорнет через полминуты слетел со своей лестницы.

— Над моим два-три человека, — негромко сказал он. — У тебя что?

— Ничего.

— Тогда открывай.

Я вздохнул. Все равно было немного боязно. Приложив усилия, я с трудом приоткрыл ведущий наружу люк. Никаких действий сверху не последовало. Ни одного звука. Приоткрыв его шире, я выглянул наружу.

Мы находились в какой-то небольшой, заставленной всякими ящиками и шкафами комнате, наружу вела закрытая деревянная дверь. Я вылез и дал руку Хорнету. Аккуратно закрыв люк, мы подошли к двери. Прислушались. Слышно никого не было. После этого я приоткрыл дверь и выглянул уже из-за неё. Коридор. В одной стороне была дверь, из-за которой раздавались голоса — очевидно, за ней и находился второй люк, а в другой был поворот направо. В коридоре горела одна единственная лампочка. Сам он был полностью пуст. По плану нам нужно было как раз идти дальше.

— Чисто, — шепнул я и двинулся вперёд. Сняв с кобуры пистолет с глушителем, я со спокойствием и удовлетворением ощутил в руках надёжную рукоять. Страх уже не так сжимал сердце. Хорнет последовал моему примеру. Мы завернули за угол. В этот раз

коридор выдался куда длиннее и уходил вдалеке в холл, по левую и правую руки находились множество дверей, в которые нам, вроде как, заходить было не нужно. Дело обстояло в другом — хоть бы из них никто не вышел. Мы двинулись вперед.

Первая дверь, вторая, третья. Шли практически беззвучно. Через минуту вышли в широкий холл. Наверх вели две спиральные каменные лестницы. Шириной они были в метра три. Мы начали подниматься по ближайшей. Внимание было максимально сосредоточено на окружающем: прекрасные витражи замка в окнах, каменные монументы, портреты неизвестных нам, но, видимо, каких-то важных в истории этого места людей. Наконец мы достигли верха замка, так никого и не встретив: к башне вёл очередной и длинный коридор. Мы двинулись по нему. Стены были залиты серым светом дня, падающим через широкие окна. Тут одна из дверей открылась, из неё вышел норвежец с автоматом за спиной. Нас он не заметил, ибо пошел в ту же сторону, куда двигались мы. Мы с Хорнетом переглянулись, держа пушки в руках. И тихо, едва ли не на цыпочках, но стараясь поспеть, двинулись за ним.

Норвежец свернул налево. Мы добрались до очередного поворота и осторожно выглянули. В десятках двух шагов от нас находилась дверь, по сторонам которой стояли двое часовых. Норвежец прошел через дверь. Часовые остались на местах.

— Ну класс, — шепнул Хорнет, — даже если успеем дать по пуле каждому, они с грохотом упадут.

— Не ссы, — прошептал в ответ я. — У них, кажется, пересменка. Или один просто в туалет отходит.

Так это и выглядело — один из солдат у двери направился в нашу сторону. Мы с Хорнетом спрятались за углом и выхватили ножи, после чего стали слушать шаги. Действовать предстояло молниеносно.

На наше счастье сторожевой шел достаточно громко и быстро. К нам за угол он зашёл едва ли ни как смерч, резко пришедший с моря. Мы успели увидеть, как выпрямляется его лицо, как глаза, и без того достаточно большие, становятся ещё больше. Но до конца удивится он не успел — взмахнув рукой, я погрузил нож ему прямоком под подбородок. Хорнет схватил его за плечи, чтобы он не упал. На мою руку полилась горячая кровь, а нож, довольно длинный, с хрустом ушёл по рукоять. В голове успела пронестись мысль, что лезвие, наверное, если и не пробило мозг насквозь, то определено в него вошло. Сдерживая немалых размеров норвежца, мы аккуратно уложили его на пол и прислушались: никаких звуков вслед за этим не последовало. Значит, второй сторожевой ничего не заподозрил.

— Затащим его куда-нибудь? — шепнул Хорнет.

Я покачал головой.

— Нет смысла, тут все в кровищи. Любой пройдет и поймет, что произошло.

— А второго как уберём?

— Просто. Если выстрелим в него, он упадёт и шум услышат остальные. Но если сделать так, — я неожиданно постучал кулаком по углу. — То он придёт сам.

— Nilef, slutt å tulle(*Нилеф, заканчивай шутить*), — послышался голос норвежца.

Я постучал снова, ещё громче. Раздались шаги.

Серые глаза Хорнета увеличились вдвое. Чувствуя, как уровень адреналина ещё больше повышается в моей крови и вытащив нож из убитого, я встал в позицию. Но напарник меня опередил.

— Нет, — шепнул он. — Мой черёд.

Я взглянул на него, затем кивнул. Шаги становились всё громче. Если и нести груз убийства, то напополам — и Хорнет это понимал также, как я.

Три. Два. Один.

Но в этот раз все пошло по-другому. Второй охранник не вышел из-за угла также быстро, как предыдущий — и, в отличие от прошлого, он смотрел в пол, а не прямо. Хорнет взмахнул ножом, но сталь лишь со свистом рассекла воздух. Противник отскочил на шаг назад и резким ударом ноги толкнул Хорнета на меня. Или мне просто повезло, или я вовремя среагировал, но мне получилось не дать закричать норвежцу. Нож, пущенный в него, не попал в цель — противник успел отвернуть голову и схватить острие голыми руками. Тем не менее, сталь чиркнула его по шее, вызвав кровотечение. Норвежец застонал и зарычал от боли. А затем посмотрел на нас безумными глазами, не в силах что-либо поделать. Хорнет, выхватив пистолет, с глухим звуком всадил ему пулю прямо в лоб. На стенку позади брызнула кровь. Враг, откинувшись назад, медленно сполз по каменной стене.

— Охренеть, — только и выдохнул Хорнет, стараясь отдышаться.

— Ты как?

— Ничего. Но надо действовать. Обыскивать будем?

— Нет, у нас всё есть. Пошли.

Перед входом в башню оказались быстро. Переглянулись.

— Времени ждать нет, — сказал я.

— Их может быть больше, чем двое.

— И все же времени у нас нет.

Хорнет вздохнул и взял в руки пистолет. Я сделал тоже самое.

— С Богом.

Ударом ноги я выбил дверь. Она распахнулась и мы вбежали в залитую серым светом комнату, видимо, представляющую из себя кабинет.

Их действительно в комнате было двое. За столом сидел тот самый Иокир Мейгбун — мужчина лет шестидесяти, широкий, лысый, но с большой и седой бородой. На носу у него находились очки. Перед ним стоял тот человек, которого мы видели недавно. Высокий, в полном снаряжении, он резко развернулся, когда мы ворвались в комнату, но ничего сделать не успел — я дважды нажал на курок. Одна пуля попала в грудь, другая ушла в шею, из которой сзади вырвался очередной фонтанчик крови. Здоровяк повалился на стол позади себя.

— Руки, — крикнул по-английски Хорнет, направляя на противника пистолет. Я закрыл дверь. — Руки за голову!

Тот послушался.

— Чемодан с данными всех операций на море. Где он?

Иокир улыбнулся.

— Да, вы глупее, чем я думал, — сказал он куда более тонким голосом, чем ожидаешь от человека такой комплекции.

Хорнет подошёл к нему сбоку и уткнул дуло оружия норвежцу в висок.

— Повторять не стану, — в серых глазах разведчика сверкнули искры. — Где?

— Нет никакого чемодана, мой милый мальчик, — засмеялся старик. — Всё у меня в голове! Она и есть кейс.

— Не морочь мне голову, — прорычал Хорнет. — Где он? Говори, пока не украсил твоими мозгами этот прекрасный интерьер!

— Я сказал правду.

— Если так, — сказал я, — пойдешь с нами. Так даже лучше.

— Ну, — старик снова улыбнулся, после чего многозначительно посмотрел на нас. —

Это вряд ли.

Неожиданно из коридора послышался топот множества ног, после чего на улице, где-то неподалеку, прогремел взрыв. Тут же послышались крики, плач и яростная стрельба. Встав с боку от двери, я опрокинул под неё стоявший рядом шкаф. Схватив ближайшее кресло, подставил его под дверь. Хорнет убрал оружие от лица норвежца и взялся за наручники.

— Раз так, пойдешь с...

Договорить напарник не успел. Мейгбун настолько резко и быстро ударил его кулаком в челюсть, что Хорнета откинуло к стене. Я схватил пистолет.

— Руки за голову!

Норвежец и слушать не стал. Таким же молниеносным движением он сунул руку куда-то под стол и выхватил оттуда пистолет. До этого момента я даже не представлял, что человек может быть настолько быстрым. Мгновение секунды — и черный ствол смотрит уже на меня. Но и я не медлил.

Вероятно, жизнь мне спасло то, что я выстрелил на миллисекунду раньше, чем Йокир Мейгбун. Пуля ушла ему в левую часть груди. Он вздрогнул, нажал на спусковой крючок. Сначала я ощутил толчок — словно бы кто-то ударил меня в плечо. Потом пришла острая, но в то же время невероятно тупая боль. Через секунду я уже лежал на каменном полу.

— Штиль! Ты живой?!

— Да! Хорнет, Мейгбун!

— Мёртв!

В комнату ломились. Помутневшим зрением я видел, как шкаф и кресло дрожат от ударов по двери, как они по сантиметру отодвигаются ближе ко мне. Я взглянул на плечо. Подо мной успела появиться целая лужа крови.

— Хорнет Ветрогону, — говорил в рацию напарник, прижавшись спиной к шкафу. — Нас зажали в кабинете, на самом верху башни, требуется поддержка...

Снова раздался взрыв, от которого задрожали стены и потолок комнаты. А ещё через мгновение гроыхнуло, Хорнет отлетел кубарем ко мне и норвежцы ворвались в комнату. Последним, что я увидел, был черный ботинок противника, летящий мне в лицо.

Холодная вода медленно и методично капала на правую щеку.

Кап. Кап. Кап. Я вдохнул носом неожиданно сырой, но одновременно свежий, влажный воздух. Голова гудела. Ещё через несколько мгновений я стал различать звуки. Первым уши уловили стук ударов капель о кожу, вслед за ней — тихий и нарастающий гул голосов. Через минуту слух вернулся ко мне полностью. Я разлепил глаза и попытался подняться. И тут же, охнув от боли, осел на сырой пол.

— Не спеши, приятель, — я прищурился и смог разглядеть Кино, аккуратно взявшего меня за плечи и облокотившего о холодную стену. — Ты как?

— Голова гудит.

— Это ты свою рожу не видел, — послышался голос Хорнета.

— За своей бы следил, — раздался голос Палача.

— Моя некрасивая временно, а твоя постоянно.

— Замолчите оба, — теперь говорил Ветрогон. — Не до этого сейчас.

Палач фыркнул. Протерев заслезившиеся глаза, я осмотрелся вокруг.

Место, где мы находились, напомнило какое-то злое подземелье. Низкий потолок, капающая с него вода, непонятные цепи, свисающего с него же. В помещении горело два факела, оба у единственного входа внутрь, деревянной двери с решетчатым окошком. А ещё под нами находилось воняющее сено. И рядом несколько вёдер для отходов. Не нужно было обладать большим мозгом чтобы понять очевидную вещь. Мы находились в темнице.

— Штиль, ты как? — Ветрогон опустился рядом и глянул на мою, видимо, разбитую рожу.

— Жить буду.

— Хорошо.

— А вот это ещё неизвестно, — пробормотал Кино.

Ветрогон проигнорировал комментарий.

— Нам нужно выбираться отсюда.

— Да. А где все остальные? — Только сейчас я понял, что в комнате находилось не больше восьми человек — я, Ветрогон, Хорнет, Кино, Палач и ещё трое — Геркулес, получивший свой позывной за соответствующую древнему полубогу фигуру, и Рокки, кудрявый черноволосый мужик, смахивающий на Сталлоне. В свободное время он занимался вольной борьбой, а то, что персонаж актера занимался боксом, никого, в принципе, уже не волновало. Позывного третьего я не знал. Это был очень высокий — но не такой высокий, как Петрович, — мужчина с веснушками. С такой физиономией самое то светится на обложках каких-нибудь модных журналов. Позже меня просветили, что называли его Гонец. Не потому, что он мог быстро до куда-то добраться. Как через некоторое время объяснил Хорнет: «Потому что иногда он городит такую лютую херню, что даже у меня рот открывается. Но всегда интересно, кстати. Интеллигентного человека грех не послушать».

— Ну, — Ветрогон тут же помрачнел при моём вопросе и сдвинул брови. — Всё пошло не плану, но это, впрочем, очевидно. Во-первых: вторая группа не попала в грузовик, что вы и так знаете. До посёлка им пришлось добираться пешком. Во-вторых: здесь оказалось куда больше людей, чем мы думали. И военных, и гражданских. Когда началась заварушка это сильно помешало действовать. А в третьих... — Капитан вздохнул. — Норвежцы оказались умнее, чем я думал. Тут уже моя вина. Наивно было полагать, что у Омессуна такая слабая защита — наш отряд обнаружили ещё на улицах деревни. Просто стрелять начали только тогда, когда наши зашли на улицы, вроде как, все. Стоит отдать должное Мейгбуну. Этот мужик идёт на десять шагов впереди. Большую часть он перебил на улицах, а остальных запер здесь. Где другие выжившие я не знаю.

— Ну, сейчас-то он мёртв. У них должен появиться новый главный?

— Мёртв? — Ветрогон поднял брови. — Он навещал нас, едва мы сюда попали.

— Что?

Я посмотрел на Хорнета. Сероглазый покачал головой.

— Тот дед, в которого ты пару пуль всадил, сдох. Но, оказалось, это был не Мейгбун. Сукин сын нас и здесь опередил.

Я закрыл глаза. Да, ну и вляпались.

— Что делать-то будем?

— А что остаётся? — буркнул Хорнет и аккуратно потрогал рассеченную бровь.

Видимо, ему с ноги прилетело не хуже, чем мне. — Только ждать.

— И ждать, видимо, долго не придется, — подтвердил Ветрогон и поднялся. — Не будут они нас тут держать. Нацисты нацистами, а средства на содержание лишний раз тратить не хочется.

— Нацизм — это не просто политическое движение, — впервые подал голос Гонец. — Нацисты не столько следуют к какой-то определенной цели, сколько наслаждаются дорогой к ней. Цель нацизма — нацизм, также как цель власти — власть.

Мы с Хорнетом переглянулись. Я поднял бровь. Он пожал плечами. Неожиданное изречение здоровяка с веснушками прозвучало вполне убедительно.

— Так или иначе, — Ветрогон подошёл к решетчатому окошку. — Долго мы здесь не просидим.

— Почему?

— Потому что... Так, подождите, — командир неожиданно припал к двери, разглядывая то, что происходит снаружи.

— В чём дело, Кэп? — Палач погладил бороду.

Капитан не ответил. Я поднялся, опершись о каменную стену, и с помощью Кино подошёл к нему.

За дверью располагался достаточно длинный и тёмный коридор, также освещаемый светом факелов. Неподалеку дрались два человека в одинаковой униформе: норвежской. У обоих были ножи. Вот очередной взмах, ещё один выпад, рывок: человек, который был гораздо меньше, чем его противник, всаживает нож врагу в горло. Он падает на бок и больше не движется. Человек, устранивший его, вынул нож, вытер кровь, после чего двинулся дальше по коридору, внимательно осматривая двери. Через некоторое время он остановился напротив нашей. Тут мы и поняли, что он на самом деле не он, а она.

Девушка, лицо которой было скрыто темной маской, посмотрела на нас карими глазами. Затем с очевидным акцентом произнесла:

— НРГ?

— НРГ, — подтвердил Ветрогон.

— Вас велено освободить, — сказала она и вытащила из карманов связку ключей.

— Кто?

Кареглазая не ответила, подбирая нужный ключ. Затем вставила наиболее крупный в замок и дважды провернула. Дверь отворилась.

— Следуйте за меня и не шумите, — девушка вынула из-за пазухи небольшой пистолет с глушителем. — Их всё ещё много, нас может слышать.

— Куда мы идём? — прошептал Кино. По двое мы вышли из темницы и пошли за девушкой. Проходя мимо мертвого охранника, забрали у него нож и пистолет. Пахло сыростью и плесенью.

Девушка снова не ответила. Мы с Хорнетом переглянулись.

Шли недолго. Минули один коридор, затем второй, после попали в третий. На повороте в четвертый ход шёл вверх, откуда виднелся серый свет.

— Это выход? — спросил Кино.

Девушка бросила взгляд на парня.

— Да. Но мы уйдем через другой, — ответила она и неожиданно свернула в одну из дверей, расположившихся справа. Подождав, пока отряд зайдет в темную комнату, где не было видно ни зги, она включила фонарь и заперла за нами дверь.

— Что мы здесь делаем? — Палач оглянулся вокруг, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Девушка проигнорировала. Подойдя к каменной стене, на которой висела большая картина во весь рост, она вручила фонарь капитану, после чего сняла картину и поставила её рядом. За ней находился туннель.

Заметив, как Хорнет выдвигает губы трубочкой, чтобы присвистнуть, я отвесил ему лёгкий подзатыльник. Свист мог разойтись очень далеко. Товарищ кашлянул.

— Прямо как в «Побеге из Шоушенка», — сказал он.

Остальные согласно прогудели.

— Следуйте за мной, — прошептала девушка и двинулась вперёд. Мы вновь отправились за ней. Рокки, шедший последним, аккуратно повесил картину обратно.

В этот раз шли дольше. По двое следовали за нашей неизвестной спасительницей, и чем дальше заходили, тем сырее и промозглее становилась атмосфера вокруг. Порой ход замедлялся, ибо двигались мы, видно, куда-то вверх, иногда ускорялся, когда, видимо, спускались. В голове пронеслась мысль, что мы прямо как хоббиты в пещерах Мглистых гор, только вместо Торина Дубоцита у нас была прекрасная дева. Хотя, я не знал, прекрасна ли она, ведь она была в маске. Лишь потом удалось убедиться, что так оно и было.

Со временем мы вышли к крупной, железной двери, когда коридор неожиданно сузился, а земля вокруг стала абсолютно сухой. Девушка постучала по ней дважды, затем последовала небольшая пауза, и она постучала по ней четырежды. По ту сторону что-то загрохотало, задребезжало, и дверь отворилась.

Яркий свет сначала резанул по глазам, но мы быстро к нему привыкли и через секунд десять уже видели, что открылось перед нами дальше. В метре стоял высокий и пожилой мужчина с седой бородой и густыми, такими же седыми волосами, отворивший нам дверь. А за ним...

— Бог ты мой, — выдохнул Геркулес.

Люди. Маленькие и старые, стоячие и лежащие, несколько десятков. Вооруженные женщины и мужчины, смотревшие на нас с отчаянием, но бесстрашно и гордо одновременно. Растворяющиеся в тусклом свете ламп, в тенях от двухэтажных, старых кроватей, в дыму и паре от готовящейся на кострах и брандспойтах еды. Сопротивление.

— Нас не так много, — сказала наша спасительница, когда дверь за нами отворилась. — Но мы боремся каждый день.

Она сняла маску с лица. Тонкие губы, тонкий, маленький нос. Острые скулы. Карие глаза тоже были некрупными, но сверкали в свете огней как янтарь.

— Кто у вас главный? — спросил Ветрогон.

— Я, — тихим, хриплым голосом сказал пожилой человек, отворивший нам дверь. Мы обернулись к нему. — Меня зовут Филипп, господа. Я лидер Норвежского сопротивления. Вот уже несколько лет мы сражаемся с нацистами, захватившими нашу родину. Но скоро этой войне придет конец, — старик улыбнулся в седую бороду, — ибо победами не за горами. И вы поможете нам её одержать.

Глава 3. Бойцовский клуб

...в результате боевых действий, и, соответственно, по окончании войны, а иногда и еще раньше, некоторые страны закрыли свои границы, став независимыми от остального мира крепостями-государствами. Например, НРГ и Япония. Ну, как. Знаете, это те страны, в которые все же можно было где-то пролезть, проскочить. А были и другие — Малайзия, как вариант. Я думаю, она и по сей день является самым непруступным местом в мире.

Ричард Шахд, интервью каналу JDM

— Двести пятьдесят рублей за капучино ноль три, — возмущению Деда не было предела. — Да чтоб в моё время отдавали такие деньги за кофе! То ли дело у нас, раньше: оно совсем по другому было. Вспомнить, к примеру, две тыщи четвертый...

Мы находились в пабе неподалёку от Крестьянской заставы. На дворе стоял тёплый июньский вечер, солнце уже заходило за вершины многочисленных серых и ничем непримечательных зданий. Прошёл месяц с тех пор, как мы познакомились с Огоньком. Он оказался более чем нормальным парнем, в чём мы и не сомневались, проблем никаких от него не было, потому Петрович разрешил ему жить на квартире столько, сколько тому понадобится. Я ничего против не имел. Рыжий поддерживал чистоту, наводил порядок, но достаточно редко находился дома, из-за чего Петрович его практически и не видел. Я же с ним в принципе не встречался с момента нашей первой встречи. Впрочем, в ближайшее время этому факту предстояло измениться.

— Нет, ты представляешь, — разглагольствовал Дед, сидя напротив меня со здоровенным бокалом пива. — И это даже без сиропа! А видел, сколько добавка сиропа стоит? Сорок рублей! Сорок! Даже не тридцать.

— Ты б и тридцати возмущался, — я отпил из бутылки своей любимой медовухи.

— Важен не факт наличия эмоции, а факт яростного экономического превосходства кофейных корпораций!

— Господи!

— Именно!

В пабе было шумно. Все столики были забиты людьми, а на некоторых из них тоже сидели люди, в частности девушки. Шел чемпионат мира по футболу, бармены еле успевали готовить напитки, кричали через шум и грохот, спрашивая паспорта у тех, кто выглядел помоложе. Алкоголь лился рекой. Мы с же с Дедом были из той удивительной категории людей, которых футбол не интересовал. По крайней мере меня. Мой товарищ всё же поглядывал на телевизоры, иногда фыркая и качая головой. Он говорил: "сейчас в футболе одни дебилы. То ли дело раньше".

Тут кто-то забил гол, и паб радостно и единогласно взревел, едва ли не заходив ходуном. Какого-то мужика при толкучке отшвырнуло на наш столик, стоящий прямо у стены, но мы отпихнули его обратно.

— Ладно, — Дед закончил словесно уничтожать ту кафешку, о которой рассказывал мне до этого. — Я всё, по фактам ту отрыгаловку для буржуев раскидал, теперь доволен. Вы собирались куда-нибудь поехать летом отдохнуть?

— Собирались к её родителям в деревню на недельку, — я снова сделал плоток. — Сам знаешь, в деревне отдых — это работа, но всё равно там отдыхаешь, когда работаешь.

Дед кивнул и поправил пучок своих чёрных волос.

— В принципе, приемлемо. Заодно со свежими продуктами в город вернётесь. Ляпота.

— Точно.

— Слушай, Малыш, — он наклонился через весь стол по мне и зыркнул прямо в глаза. — Я у тебя спросить хотел. Ты слыхал про бойцовские клубы?

Я удивился.

— Да, допустим.

Дед оглянулся по сторонам, проверяя, не подслушивает ли нас кто, но все были увлечены футболом.

— Ты, случайно, не хочешь сгонять со мной в один? Я знаю одного бойца, он тот ещё зверь. Просто лютый! Сделаем ставки, деньгу поднимем.

— Нет, сам знаешь. Я не любитель такого.

— Знать-то я знаю, да ты подумай! Я-то понимаю: спокойная жизнь. Но сходить хоть позыркать разочек можно. Я ж тебе не говорю самому на ринг лезть. Раз: и копейка другая в кармане. Ну?

Я вздохнул, сверля взглядом бутылку.

— Посмотрим. Когда это будет?

— В вечер пятницы.

Через два дня.

— Завтра тебе скажу.

Дед кивнул.

— Договорились.

Тут зал снова взревел, только на этот раз разочарованно. Посыпались маты и возмущения. Дед взглянул на телевизор.

— Эти придурки забили гол сами себе. Ладно, Малыш, — он допил своё пиво и поставил бокал на стол. Я сделал тоже самое. — Пойдем отсюда, только покурим сначала. Пошли через чёрный ход.

Еле протиснувшись через орущую, напряжённую толпу, мы вылезли к пустому пространству у выхода и вышли через задний выход из паба. На улице было тепло и практически стемнело. Тот участок неба, где догорал закат, мы не видели, а над головами уже растеклась чёрная ночь.

Мы находились в небольшом переулке, которых в этом районе города было хоть отбавляй. Вывеска паба, который назывался «Ирландский дом», горела в темноте синекрасными светодиодами, едва ли не затмевая свет единственной лампочки, горевшей над дверью. Под порывами лёгкого, тёплого ветра, она покачивалась взад-вперёд. Я задался про себя вопросом, как часто её меняют.

Дед сунул в рот сигарету и чиркнул зажигалкой. Дед курил «Кент 8» и ничего, кроме «Кент 8», признавать не хотел — за исключением синего «Честера». Но это, впрочем, было логично. Синего «Честера» любили все, как и «Уинстона». Отличие было в том, что последний, как выражался тот же Дед, был для «буржуев с деньгами». Несмотря на то, что я неплохо зарабатывал в кофейне, а у Деда была своя небольшая сеть в общепите, денег у нас почти никогда не было. Так уж оно работало — спроси у бедного, сколько ему нужно денег в месяц на прожить, он назовет минимум, спроси то же у богатого, тому и миллиона не хватит. Деньги — штука, постоянно куда-то уходящая, а самое глупое, что уходят они зачастую на то, что нам и вовсе не нужно. Тут снова подул лёгкий ветерок, от сигареты в

зубах Деда пошел дым, кончик загорелся в пламени, превращая табак в пепел. Я молча глядел на это. Сам не курил. Совсем.

Дед зыркнул на меня серыми глазами. Хотел было что-то сказать, как тут дверь в паб распахнулась и из неё в переулочек хлынули пятеро парней. Все лысые, тот, что шёл спереди — видимо, главный, как обычно, здоровяк. Через несколько секунд они образовали вокруг нас полукольцо. Тут я понял, что смотрели они не на меня, а на Деда.

Мой товарищ выпустил дым изо рта и вопросительно глянул на бритоголового здоровяка. Тот смотрел на него спокойно.

— Помнишь меня?

Голос у него был максимально сиплый.

— Нет, — Дед глядел на оппонента не менее спокойно.

— Тогда объясню кратко, — лысый скривил губы. — Год назад я пришёл в свою квартиру, захожу в комнату, смотрю — моя голая баба сидит на кровати, а ты в одних трусах выскакиваешь на балкон и прыгаешь с первого этажа вниз. Дошло?

Тут дошло даже до меня. У Деда действительно была такая история. Только рассказывал он её так, будто спрыгнул не с первого этажа, а с пятого, причём на дерево, а когда с него слез, сел на коня и голопом ушёл в закат. Да, нормально, мы влипли.

— Дошло.

— И что скажешь?

— Во-первых, я не знал, что у неё есть шкаф-купе, причём лысый, — Дед кинул окурок на землю и придавил туфлей. — А, во-вторых, если б и знал, то я предпочитаю всё-таки распашную мебель.

— Ах ты, придурок!

— Малыш, спина к спине!

Если бы я начал вспоминать, как часто мы бывали с Дедом в передрягах, то, наверное, рассказа там вышло б не на одну страницу. И эта передряга ничем не отличалась от остальных — вечер, лето, задний двор бара, недоделанные «скины» и кулаки, рассекающие со свистом тёплый воздух.

В этот раз нам здорово повезло. Не смотря на численное превосходство противника, они не могли противостоять нашему опыту. Вышло так, что на Деда пошло трое — одному он тут же прописал мощный хук с правой. Невысокий и худющий противник отлетел к мусорному баку и больше не вставал. Дальше я уже не следил, был занят моими двумя. Один из кулаков пролетел в сантиметрах от моего уха. Я выкинул вперёд ногу и оттолкнул противника к стене, не забывая при этом про второго, уже летевшего на меня. В отличии от первого, он был куда быстрее и неплохо зарядил мне по лицу — челюсть обожгло, из глаз посыпались искры, меня толкнуло к противоположной стене. Помог адреналин. Через мгновение я сделал в сторону противника два выпада. Один цели не достиг, а второй превратился в прекрасный апперкот. «Скин» оторвался от земли и врезался прямо в первого, уже идущего на меня. Медлить не стал. Набросился, зарядил ему в челюсть, чтобы не поднялся точно, а затем кинулся к Деду.

У него дела обстояли не очень. Здоровяк мощно засадил ему под дых, а его напарник, уже с разбитым носом, схватил Деда за руки сзади. Главный ударил ему по лицу, после чего повторил. С разбега я схватил его за торс и вместе с ним полетел к стене. Кубарем мы скатились на валяющиеся повсюду картонки и коробки. Огромной ладонью он крепко зарядил мне по уху, отчего моментально зазвенело в голове. Причем так громко, что я

подумал, что сейчас потеряю сознание. Замахнувшись головой, я со всей силы ударил ей здоровяка по лицу. «Скин» тут же дернулся и сполз с меня, плюхнувшись рядом.

В глазах ещё некоторое время было темно. Потом звуки начали возвращаться, и я ощутил ладонь на плече.

— Малыш, живой?

— Да, — я сплюнул кровью на землю и с помощью Деда поднялся. Тот, что недавно держал его за руки, валялся под стеной в отключке. — Сам как?

— Пойдёт, но этот верзила нормально мне тыкву к Хэллоуину приукрасил.

— Да, видел.

Дед похлопал меня по плечу и достал из кармана влажные салфетки, которые носил с собой как раз на такие случаи.

— Держи. Приводим себя в порядок и уходим отсюда. На сегодня приключений хватит.

Мы двинулись по переулку. Снова подул ветер, бросая нам под ноги кипы каких-то бумаг и фантиков. Пройдя так несколько улочек, мы остановились неподалеку от спуска в метро. Деду туда было не нужно — он жил неподалеку.

— Ты всё-таки подумай насчёт бойцовского клуба, ладно?

— Ладно.

— Только ставки, не больше.

— Хорошо.

— Давай, Малыш.

— Давай, Дед.

— Я с тобой.

— Ну уж нет.

— Возражения не принимаются.

— Родная, нет.

Тут мою рассеченную бровь сильно защипало, и я охнул от боли. Зоя, наклонившись надо мной с ваткой и перекисью, сидя при этом рядом, глянула на меня своими зелеными глазами. Иногда в них можно было утонуть, что я и с радостью делал. Но только не сейчас.

— Константин Штиль, ты являешься домой с физиономией, которую словно бы набил Майк Тайсон и заявляешь, что собираешься с Дедом в какой-то подпольный бойцовский клуб. Неужели ты и в правду думаешь, что я отпущу вас одних?

Я вздохнул и закрыл глаза. Можно, наверное, было бы сказать, что я слабый человек, мужчина без своей воли, или вовсе подкаблучник, но так уж повелось у нас с женой — мы никогда ничего друг от друга не скрывали, тем более процедуры, которые могли быть потенциально опасными. И всё же я был против того, чтобы она с нами шла. Но Зоя была невероятно упёртой женщиной. А если уж начиналась какая-нибудь заваруха — она была тут как тут. Сразу на месте со своими сверкающими глазами.

— Милая, мы просто сделаем пару ставок, посмотрим на бой и свалим.

— Дорогой, у вас с Дедом «просто» не бывает.

— А вот это не правда.

Она просмотрела на мое лицо и изогнула тонкую бровь едва ли не круче Дуэйна Джонсона.

— Ага.

Я снова вздохнул.

— Давай-ка, — я перегнулся на постели через неё и взял в руки пульт. — Посмотрим какой-нибудь фильм. Ладно? — Я направил пульт на телевизор.

— Я иду с вами.

— Детка, если вдруг мы с Дедом отхватим, я не хочу, чтобы прилетело ещё и тебе. В конце концов, я должен всегда защищать тебя. И не смотри на меня так. Оберегать свою женщину — обязанность каждого мужчины. Он хранит её, а она хранит его. Всё просто.

— Вот именно. Обязанность каждой женщины — оберегать своего мужчину. И как я буду это делать, если ты только и делаешь, что подвергаешь себя опасным авантюрам, так ещё и без меня? — Она снова принялась обрабатывать мое лицо. Когда я открыл рот, чтобы возразить, Зоя положила указательный палец мне на губы. — Не спорь. Я всегда знаю что делаю.

Я промолчал. Через несколько минут она закончила и поднялась с постели.

— Я иду на кухню. В холодильнике стоит огромный салат, на плите — громадная сковородка жареной картошки. Но пришел ты поздновато, нужно разогреть, — она двинулась в сторону кухни.

— Смотреть-то что будем? — крикнул я вслед. Была её очередь выбирать.

— «Звёздные Войны»!

— Ладно!

Тут я был всеми руками за. Вечер обещал быть хорошим.

— Не толкайся, молодняк!

— Это твоя старая жопа туда-сюда виляет.

— Согласна.

— Господи, и почему современное поколение такое буйное?

— Дед, ты старше всего на десяток лет.

— Десяток! Целая вечность и всего лишь миг одновременно.

— Понеслась...

Наступил день, когда мы отправлялись в бойцовский клуб. Зою переубедить я так и не смог, позвонил Деду. Тот сказал что он сто раз бывал в таких местах, главное в них — держаться от арены подальше. А так, говорит, вполне себе безопасно. Цивильно, добавляет. Закончил он фразой «Чё ты ссышь? Мы два величайших воина в истории! Она с нами не пропадёт». На том и порешили, хоть я от такого решения в большом восторге и не был.

Спустились в метро, встретились на одной из станций с Дедом. Оттуда рванули дальше грохочущими вагонами. Было достаточно жарко, потому мы с Зоей распахнули наши толстовки, а Дед растегнул верхние пуговицы рубашки. Куда бы этот старый волк не направлялся, почти всегда он выглядел так, будто ехал на свадьбу. Но, наверное, это было одним из его плюсов.

Ехали мы недолго, почти не разговаривали: в метро нормально и не поговоришь. Сошли на одной из юго-восточных станций и поднялись на поверхность.

На улице было хорошо. В этом районе города даже в час пик людей было немного — не смотря на широкие улицы и не менее объемные площади, старые дома прятались в гуще

зелёных деревьев, покачивающих своими ветвями под порывами летнего ветра. Я любил такое время, такую погоду. Это было чем-то особенным, тем мгновением, которое мог ощутить лишь человек, родившийся на постимперском пространстве — тишина и гармония среди спокойных старых панельных домов, в каждом окне которого пряталась своя история, уходящая в глубину и легенду этих самых зданий. Стоит приглядеться — и вот ты подростком идёшь домой, а чуть дальше твой друг, но уже спустя пару лет, зовёт тебя курить первые сигареты за обветшалые, ржавые гаражи, по которым вы бегали в четвертом классе. О! А это же панелька Аньки. Именно с ней произошел первый секс — в её квартире, пока родителей не было, со смущёнными лицами и несчастными попытками надеть нормально презерватив. А за её домом когда-то располагался синий ларёк, в котором можно было купить карточки «Человека-Паука», или пару вкусных леденцов. А еще лучше — семечки от бабушки, сидящей слева. Да, хорошее было время.

Хорошее было время, несмотря на то, что многого из этого уже давно нет. Ни ларька, ни карточек, ни тех гаражей, ни Ани. Только панельки стоят по прежнему в объятиях деревьев. Но и им предстояло когда-то исчезнуть, хоть и не скоро. Когда нас самих, наверное, уже и не станет. Я вздохнул и провел ладонью по спине жены. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. Оставалось лишь жить настоящим. И я был этому рад.

— Молодежь, мы почти пришли, — подал голос Дед. Мы свернули в дворы, укрывшись от света вечернего солнца под кронами деревьев, бросающих повсюду солнечных зайчиков. — Я напоминаю, это место нелегальное. У входа будет стоять охранник. Мы называем пароль, заходим, платим за вход, потом идём в главный зал. Внутри от меня ни на шаг. Людей там будет уйма и потеряться проще простого, так что держимся вместе. Поняли?

— Поняли, — ответили мы синхронно.

— Отлично. Тогда готовьтесь, ибо будет жарко. Мы почти на месте.

Пройдя ещё один двор, мы оказались напротив длинного и невысокого здания, напоминающего большой ангар. Если идти быстрым шагом, будучи погруженным в свои мысли, его можно было и не заметить. Рядом стоял ряд гаражей и старая детская площадка с чередой кустов, облепивших здание со всех сторон. Оглянувшись по сторонам, Дед подошёл к железной двери и дважды в неё постучал по два раза с коротким интервалом. Изнутри раздался голос:

— Что сказал Бродский на слова судьи про стихосложение?

— «Я думал, это от Бога».

Послышался звук снимаемых железных засовов и дверь отворилась вовнутрь. Перед нами стоял огромный охранник, лица которого мы не видели в сумраке помещения.

— Проходите.

Внутри всё оказалось не совсем так, как мы представляли. Вместо огромного пространства ангара мы попали в маленький закуток, в углу которого вниз уходила крутая, винтовая лестница. Остальную часть здания перегораживала огромная стена. Сам закуток освещала иногда мерцающая, жёлтая лампа. Я видел, как от неё вверх уходили нити паутины. Самого паука видно не было.

— Подвигали, — Дед двинулся по лестнице вниз, а мы за ним. Шли удивительно долго — примерно полторы-две минуты, пока не услышали крики и громкую музыку. Ещё через минуту наш путь, освещаемый такими же жёлтыми лампами, завершился, и мы вышли в небольшой холл. Перед двустворчатыми дверьми стоял, судя по цвету, кедровый стол, а за ним сидела пышная женщина. Оглядев нас равнодушными, жабыми глазами, она сказала:

— Поздновато вы, бои давно начались.

— Пламя тлеющего табака — последний свет, — Дед подмигнул ей.

Она посмотрела на него ещё более равнодушно, если это было возможно.

— Девятьсот рублей.

Дед выложил деньги.

— Идите.

Едва мы отворили дверь, раздался такой рёв, что мне показалось, будто мы попали в ад. Но я ещё не подозревал, что так оно в действительности и было.

Пространство, которое мы увидели, ошеломило нас. То есть нас с Зоей, Дед-то тут уже бывал. Огромное помещение, словно зал для чемпионата мира по боксу, только всё-таки в более скромных масштабах. Несколько рядов трибун, и, по меньшей мере, три сотни человек. В центре и находилась та самая арена. Роль канатов, ограждающих ринг, играли обычные веревки, привязанные к железным столбам. И внутри было двое. Два бойца. Пройдя чуть дальше вглубь толпы, мы остановились рядом с мужиком смахивающем на какого-то мексиканского торговца наркотиками. Дед хлопнул его по плечу.

— А, мой добрый друг, это ты! — сказал он с лёгким акцентом. Точно мексиканец. — Привёл друзей?

— Точно. Это Штиль и Волна, а это — Мерокко.

— Рад знакомству, — мы пожали руки. — В первый раз здесь? — Тут один из бойцов упал и толпа оглушительно взревела.

— Да, — я глянул на упавшего человека. Из носа на подбородок у него текли две кровавые струи.

— Ну, добро пожаловать в «Преисподнюю», — мексиканец улыбнулся и почесал свою типичную мексиканскую эспаньолку. — Это Первый Бойцовский Клуб Москвы.

— Вот как...

— Друг мой, ты пришел делать ставки? — Наш новый знакомец обернулся к Деду.

— Верно. Следующий бой между Датчем и Элленом?

— Именно.

— Я хочу поставить семь пятьсот на Эллена, — Дед повернулся ко мне и многозначительно поднял брови.

— Мы ставим пятнадцать тысяч на Эллена, — сказал я Мерокко.

Мексиканец присвистнул.

— Вы, видно, доверяете своему другу. Что же — доверие штука ценная, хоть и редкая. Уверены? Это будет очень интересный бой. Датч сильный боец.

— Сильный, но всё-таки Эллен даст ему пизды, — встрял Дед. — Эти два парня дерутся почти как Гатти и Уорд. Но мы уверены в выборе.

— Хорошо, — барыга вытащил из кармана рубашки папиросу и задымил. Мы отдали ему деньги. — Тогда ждём боя, недолго уже осталось. Походу Лепина сегодня порвут в клочья...

Лепин, парень, у которого из носа текла кровь, повис на верёвках. Его противник, здоровяк с эспаньолкой, схожей на бородку Мерокко, нанёс ему оглушительный и мощный удар в челюсть. Молодой человек грохнулся на пол и больше не шевелился.

— А он злой, — заметил я.

— Очень злой, — согласился мексиканец. — Злость хороший источник энергии.

— Но не всегда надёжный, — подала голос Зоя.

Мерокко посмотрел на неё уважительно.

— Да, миледи, это точно.

Бой был завершён. Толпа начала расходиться, снова сходить, менять свое положение. Мы протиснулись чуть ближе к рингу и сели, Дед с нашим новым знакомым чуть ближе, мы с Зоей прямо над ними, в шаге позади. Был своего рода перерыв между боями. Кто-то ходил покупать алкоголь к бару, который мы заметили лишь сейчас — в другом углу зала находилась достаточно широкая барная стойка с длинным рядом стульев. А ещё неподалеку от неё находились несколько дверей, но куда они вели мы не знали, хотя предположения и были. Вообще, только теперь, наконец, мы внимательнее осмотрели помещение. Над самим рингом была огромная лампа-прожектор, светившая бледным, жёлтым светом вниз, по форме она напоминала огромную солнечную батарею. Стены Преисподней были забиты бесчисленным количеством плакатов с изображениям различных бойцов, среди которых нашли свое место Брюс Ли, Рокки Марчиано, Жан-Клод ван Дамм и многие другие люди, так или иначе имеющие отношение к боевым искусствам. Где-то висели боксёрские груши. Видимо для того, чтобы во время поединков болельщики могли выпустить пар. Освещалось всё это миллионом тусклых лампочек, горящих в темноте как звёзды в туманную ночь — их свет был слаб, но всё же этого было достаточно, чтобы видеть куда идти. Невольно я вспомнил одну из ночей на фронте, которую мы с сослуживцами провели неподалёку от моря, но тут же выбросил эти мысли из головы. Я не хотел об этом вспоминать.

Но всё же время от времени вспоминал.

Тут неожиданно, непонятно откуда, на весь зал проиграло мощное гитарное соло.

— Это сигнал к бою новых бойцов, — объяснил нам Мерокко. Люди начали сходить в ожидании появления своих фаворитов. — Сейчас будет самое интересное, господа и дама. Это один из самых ожидаемых боёв последних месяцев.

— Если не самый ожидаемый, — пробурчал Дед и нервно сунул в рот сигарету. Чиркнул спичками — забыл зажигалку — и дым маленькими клубочками начал уходить к потолку. Тут мы с Зоей заметили, что закурил сейчас не только наш друг, а несколько десятков человек вокруг. Не мы одни боялись потерять деньги.

На арену вышел человек в деловом костюме. На вид ему было около сорока, одет был в серую рубашку с закатанными рукавами и черную жилетку. Красный галстук почти полностью опускался до чёрных брюк. Внешне он чем-то походил на Джоша Хэмилтона, только несколько дней не бритого.

— Итак... — начал он достаточно звонким, медийным голосом. — Вечер сегодня был что надо, все участники были великолепны. Но впереди нас ожидает главный бой — Эллен против Датча!

Толпа взорвалась аплодисментами.

— Я напоминаю, — сказал он, сверкнув белоснежной улыбкой. — Что этот бой покажет нам предстоящего чемпиона Турнира Бойцовского Клуба. А тот, кто станет Чемпионом, будет иметь честь попытаться стать уже Чемпионом Смертельной Битвы!

Толпа снова разорвалась криками и хлопаньем в ладони.

— Что ещё за Смертельная битва? — прокричал я, стараясь быть громче чем люди вокруг.

— Чемпионат всех Бойцовских клубов столицы! — крикнул Мерокко. — Часто с летальным исходом. Победитель получает титул Гладиатора, высшей награды, какую может получить боец. А ещё сто тысяч долларов в придачу.

— Нехило, — пробормотала Зоя, но услышал её только я.

— Итак, — человек в костюме поднял вверх левую руку. — Вашему представлению... Неустрашимый Эллен!

Только тут я увидел две двери, спрятавшиеся по обе стороны от ринга. Одна из них распахнулась и появился человек, обернутый вокруг шеи синий полотенцем. У него были кудрявые, длинные волосы. Торс был оголен, обуви не было, лишь черные штаны. Он поднял руку также, как сделал до него белозубый, и улыбнулся. Этот боец выглядел дружелюбно. Поднявшись к арене, он перемахнул через веревки и скинул с себя полотенце. Рядом уже находился ещё один человек — некрупного телосложения, гладко выбритый. Видимо, его тренер.

Человек в костюме улыбнулся во всю ширь своих белоснежных зубов.

— Слово нашему славному бойцу, — сказал он и передал микрофон Эллену.

— Буду краток, — тихим, мягким голосом произнес кудрявый. — Для меня это не столько коммерческое шоу ради денег, сколько приключение — и сейчас, как и вы, я ощущаю этот дух. Дух Бойцовского Клуба. Дух первооткрывателей. Я рад, что могу попытаться стать лучшим. И сделаю всё, что в моих силах, чтобы таковым стать, — он отдал микрофон.

Толпа ответила возбуждёнными аплодисментами.

— Прекрасные слова, — прокомментировал человек в костюме. — А теперь вашему вниманию хочу представить... — Он сделал паузу, внимательно оглядывая зал. — Железного Датча!

Толпа снова взорвалась аплодисментами. Мы с Зоей тоже похлопали. Дед не шевельнул и пальцем. Дверь по другую сторону ринга распахнулась и из неё вышел коротко стриженный здоровяк. Вокруг шеи он был обернут тёмным полотенцем и, также как его противник, одет был лишь в черные штаны. Масса его мускул впечатляла — мне самому становилось интересно, кто же из двух бойцов победит. Когда он поднялся на арену, их можно было сравнить лучше. Датч был немного выше Эллена, но гораздо крупнее и мощнее. Эллен на его фоне выглядел хоть и не берёзой, но уж явно ушёл не далеко. Кудрявый боец, вероятно, был очень быстрым.

По итогу на ринге собралось пять человек: тип с микрофоном, двое соперников, их тренера, которые, в свою очередь, были едва ли не копиями друг друга. У меня пронеслась дурацкая мысль, что на небесах тренеров, наверное, делают на специальном заводе и отправляют в материнские утробы в специальных капсулах. А как ещё можно было объяснить их одинаковость?

Небритый Джош Хэмилтон вручил микрофон мускулистому здоровяку.

— Буду краток, — он скривил губы и уставился на Эллена тёмными глазами. — Я изобью его так сильно, что он больше не сможет ходить в бойцовские клубы в принципе.

Толпа взорвалась криками, как восхищенными, так и возмущенными. Дед фыркнул.

— Краткость — сестра таланта. Тренеры, можете дать последнее напутствие.

Бойцы наклонились к своим учителям, после чего вновь выпрямились. Мы, конечно, ничего из их слов не слышали.

— Бойцы, можете пожать друг другу руки.

Эллен с Датчем стукнулись кулаками, обмотанными белыми бинтами. Ведущий удалился со сцены на безопасное расстояние и его место занял другой человек — высокий и пожилой, гладко выбритый. Видимо, рефери.

— Итак... Начали!

И началось.

Так начиналась история — история не самая веселая и не самая длинная, но, хочется думать, действительно интересная. Я, Зоя, Дед и Мерокко, огромный зал, бой между Датчем и Элленом, свет тусклых ламп, прогорклый и лезущий в глаза дым сигарет, крики толпы. Живой интерес. Интерес не столько из-за поставленных денег на кудрявого парня — интерес к бою, к механике, к ударам и поворотам, к правилам. Все это было чем-то, что уходило за серость будней, чем-то интересным и необычным, хотя и не сказать, что в новинку. И нам это нравилось. Это действительно завлекало.

Датч не стал церемониться. Огромной громадой он бросился на Эллена, дважды выкинув вперёд кулаки, оба — кверху. Не смотря на то, что и первый и второй раз он промазал, его это ничуть не волновало. Громовыми шагами, буквально налётами, он нападал на соперника, разрывая воздух огромными кулаками. Страшно было представить мощь его удара. Но Эллен действительно был быстрым. Боец уклонялся каждый раз, и каждый раз, когда он это делал, толпа вздыхала и выдыхала, настолько близкими оказывались выпады Датча. И тут он ударил сам — ударил неожиданно и хлётко, ударил до тех пор, пока здоровяк не выжрал всю его энергию бегом. Кулак Эллена пришёлся аккурат в челюсть верзилы. Тот, не ожидавший удара, на мгновение отпрянул, странно дёрнув головой. И разозлился ещё больше. И снова налетел, ещё яростнее и быстрее. Эллен убегать не стал и тоже начал бить, так и начался первый мордобой между двумя бойцами.

Иногда не нужно принимать участие в самом событии, чтобы ощущать, как твое сердце бьётся быстрее, на коже выступает пот, вены горят огнём. Я был, как и Дед, не из робкого десятка, но драка действительно возбуждала. Я сжал ладонь жены и почувствовал, что она сделала тоже самое. Мы искренне болели за Эллена.

А ему, в свою очередь, нещадно прилетало от Датча. Удар, удар, укрылся, удар, укрылся. В плечо, в грудь, в другое плечо. Кудрявый парень берёт свою голову. Его противнику на свою было плевать. Как и оппонент, он регулярно уходил в защиту, но делал акцент на атаке, а не укрытии. Белые бинты обоих давно пропитались кровью. Тут неожиданно проиграло гитарное соло, но на этот раз немного другое. Бойцы отскочили друг от друга.

— Что происходит? — спросила Зоя.

— Время, — ответил Дед. — Каждый раунд длится не больше двух минут. Как и во многих классических боях.

Эллен и Датч отошли в разные углы. Оба пили воду. Тренера протирали их лбы платками, о чём-то говорили и яростно жестикулировали. Толпа возбуждённо гудела и напоминала своей подвижностью волны во время прилива на озере. Люди откатывались вперёд и назад, обсуждая поединок. Тут я понял, что что-то не так.

— Дед, а где комментатор?

— Люди — главные комментаторы! — Ответил на вопрос Мерокко. — В легальных боях, в том же боксе, комментаторы озвучивают происходящее на ринге во многом для тех, кто не особо понимает, как всё устроено. В подземных аренах девяносто процентов людей разбираются в драках, хотя бы теоретически.

— Ещё, — добавил Дед, — проигрывающий боец все же чувствует какую-никакую опору в комментирующем, хоть и не всегда. Тут же твой моральный дух зависит от народа. А хорошо это или плохо, решать уже бойцу.

Мне это показалось не особо логичным, но спорить я не стал. Эллен и Датч снова

встали на позиции. Вокруг опять начали вспыхивать огоньки поджигаемых сигарет. Табачный дым, казалось, застилал свет лампочек, хотя курило не так много людей, пускай и не мало. Рефери поднял одну руку. Резко опустил. Бой продолжился.

Датч опять атаковал и в этот раз удачно. Было непонятно, ожидал ли Эллен второй яростной атаки здоровяка, но кудрявый боец дважды сильно получил по лицу и едва не запутался в собственных ногах. Тем не менее, ему удалось взять свое тело под контроль. Отступив к верёвкам, он начал успешно защищаться от мощных ударов противника. Ещё через некоторое время он ударил сам. И попал точно в цель.

Риск в драках, как бы логично это ни было, дело действительно рисковое. Если он не достигает своих результатов, расплата, как правило, бывает очень горькой. Риск Эллена окупился. Боец, перестав защищаться, рванулся вперёд и врезал Датчу в переносицу. Громила, не ожидавший такой выходки, зажмурился и отступил. Этого оказалось достаточно, чтобы кудрявый перешёл в контрнаступление и провёл серию крепких ударов в корпус врага. Голову Датч умудрялся защищать — что не стало проблемой для Эллена.

После сильного удара в печень накаченный боец согнулся, на мгновение показав лицо. И парень, за которого болели мы, тут же ударил его в подбородок. Датч повис на верёвках. Толпа взорвалась криками. Но это был ещё не конец.

Рефери объявил раунд в победу Эллена, после чего было проведено ещё шесть раундов. Три из них забрал Датч, четыре Эллен, один ушёл в ничью. В последнем оба были уже на исходе сил: бинты на руках с разбитыми костяшками пришлось менять несколько раз. Лица опухли и кровоточили. В конечном счёте Эллен придушил Датча сзади и тот уже не смог сопротивляться. Здоровяк потерял сознание и Эллен победил. Наша тройка вместе с Мерокко сама стала частью шторма, охватившее озеро зрителей. Мы чувствовали кровь, бьющую в нас ключём, мы чувствовали саму жизнь и радовались победе. А ещё мы начисто забыли о деньгах, кроме, конечно, Деда. Он, в свою очередь, был невероятно доволен выигрышем.

На ринге снова появился мужчина с микрофоном. Он, видимо, все время находился где-то неподалеку — деловая одежда на нём была немного в неряшливом виде, глаза горели, а на лице сверкала белоснежная улыбка. Тут я понял, что он и сам болел за Эллена. По крайней мере, наверное.

Он объявил, что это был невероятный бой, с гордостью назвал победителя Чемпионом Турнира Бойцовского Клуба. Эллен с распухшей физиономией и усталыми глазами улыбнулся и поднял руки — в правой ладони он держал маленький, золотой кубок в форме чаши. Толпа встретила его овациями. Он коротко поблагодарил всех, а потом исчез в той же двери, откуда пришёл. Датча, так и не пришедшего в сознание, вынесли на носилках.

— Мои поздравления, Березовский, — сказал Мерокко, когда мы вчетвером переместились к барной стойке. Мексиканец достал огромную стопку денег и отсчитал семь с половиной тысяч Деду, после чего сунул по такой же стопке мне и Зое. — Сегодня вам повезло, ребята.

— Дело не в везении, дело в трезвой оценке ситуации, — Дед сунул деньги куда-то за пазуху.

— Говори как знаешь, — Мерокко развёл руками. — В любом случае, сегодня ваш день. Ну, рад был познакомиться! А мне пора.

Мы попрощались с носителем эспаньолки и он тут же растворился в толпе. Дед покачал головой.

— Вечно он так, бабки отдаст и свалит. А раньше хотя бы потусоваться успевали.

— Ты никогда про него не рассказывал, — сказала Зоя.

— Я и про арены никогда не рассказывал.

— Справедливо.

— Ну, малята, — Дед допил своё пиво и поставил пустой бокал на стол. Мы с женой сделали тоже самое. — Пойдем отсюда потихоньку?

— А во сколько это место закрывается? — спросила Зоя, когда мы направились к выходу.

— К шести утра тут никого нет. А после боёв, особенно крупных, народ всегда остаётся развлекаться. Само место открыто с семи до семи.

Мы протиснулись через толпу людей и пошли обратно вверх по лестнице с тусклыми лампочками. Сложилось впечатление, будто мы по ней спускались не несколько часов назад, а как минимум несколько дней. Иногда мы проходили мимо людей, остановившихся покурить. Одна парочка, встав в одном из тёмных углов, слилась в поцелуе. Ещё через пару минут, пройдя мимо того же огромного охранника, лицо которого тонуло в темноте, мы выбрались на улицу.

Снаружи было хорошо. Ночь дохнула на нас бодрым, чуть прохладным ветром. Мы набрали полные лёгкие летнего воздуха и медленно двинулись по тропинкам и аллеям дворов — летом в этой части Москвы, если хорошенько приглядеться, можно было рассмотреть и звёзды. Небо сегодня как раз было безоблачным. Кроны деревьев, свисающие над нашими головами, нисколько не мешали. В конце концов тот, кому надо посмотреть на звёзды, обязательно найдет способ на них посмотреть.

— Ну чё вы, как процессоры? — спросил Дед.

— Отлично, — Зоя была очень довольна. — Но очень много табачного дыма. Курильщики вонючие!

— И не говори! — от души согласился Дед. — Курить — это плохо.

— Сам бы бросал!

Друг отмахнулся.

— Я в этой жизни уже всё видел, малышка, к чему-то особому не стремлюсь. Если вдруг помру — не так уж страшно будет, жизнь я прожил славную.

Зоя замахнулась. Дед отбежал в сторону.

— Как стукну щас!

— Своего вон стукни! Идёт, молчит, хмурится, — Березовский вернулся на позицию и зашагал с нами дальше. — Малыш, как оно?

— Нормально, Дед, — задумчиво протянул я. — Хороший вечер получился.

— Согласен.

Зоя поцеловала меня в щеку и взяла за руку.

— Ну что, куда вы щас? Метро уже закрыто, смекаете ли.

— Прогуляемся ещё немного, а там такси вызовем, — я посмотрел на жену и она кивнула. — А ты?

Дед махнул.

— Мне надо ещё с некоторыми вопросами перетереть, — мы остановились и пожали друг другу руки.

— Ночью? — ехидно спросила Зоя.

Дед важно посмотрел на неё, затем на меня.

— Самые важные дела, как раз таки, и решаются ночью! Всему вас учить надо.

— Бывай, Дед.

— До встречи, малыши.

— Пока!

Березовский быстрым шагом пошёл в противоположную нашему направлению сторону и растворился в зелёных кустах.

— Жаркий вечер сегодня, правда? — тихо спросил я, аккуратно коснувшись носом щеки жены и обняв её. Она улыбнулась и попыталась высвободиться, тут же засопев.

— Ты колючий! Когда брился последний раз, ну?

— Ну...

— Ну-ну! — она щёлкнула меня по носу. — Всему тебя учить надо.

Я рассмеялся. На душе стало очень хорошо.

— Учи-учи. Уверен, твой процессор сообразительней моего.

Тут мы рассмеялись оба и двинулись дальше.

— Знаешь, — вдруг сказала она. — Нам надо почаще так выбираться. Не только в какие-то такие места, а ещё уезжать из города.

— Да. Прости, что не хотел говорить тебе. Я думал, это может быть опасно.

— Это, наверное, и есть опасно. Но, думаю, большая часть людей, которые туда ходят, имеют какой-то кодекс чести. Вряд ли бы они сделали что-то женщине.

— Да, пожалуй, ты права.

Мы шли по зелёной аллее, всюду пахло распустившимися цветами, жёлтые фонари выстроились в ряд по обе стороны, освещая дорогу. Кроме нас двоих не было ни души. Мы сели на одну из скамеек. Жена положила голову мне на плечо.

— Неплохое начало лета, правда? — сонно спросила она.

— Правда.

— Пойдем туда ещё раз?

— Не думаю, милая, что это лучшая идея.

— Выходит, пойдём?

— Выходит, пойдём.

Я почувствовал, что Зоя засыпает.

— Я вызову такси, — шепнул я и коснулся губами её виска.

Она кивнула.

Такси приехало достаточно быстро. Через минут двадцать пять мы уже были дома. Таксист во время поездки не проронил ни слова.

Когда жена улеглась в постели, свернувшись клубочком под одеялом, я отошёл в ванную, готовясь лечь вместе с ней. Снял футболку. Не сказать, что я обладал совершенным телом — лишь потихоньку занимался спортом, от чего был немного подкачанным. На левой стороне груди виднелся длинный, бледный шрам. На мгновение я ушел в свои мысли, вспоминая, как получил его. Затем умылся и собрался лечь в постель, как тут завибрировал телефон.

Я посмотрел на экран и взял трубку.

— Алло.

— Арыч, — раздался голос Петровича. — Здорово.

— Здорово, Петрович. Ты чего так поздно?

— Да, извини. Помощь твоя нужна. Не так, чтобы срочно, но если завтра вечером

подъедешь, было б хорошо. А то мало ли, планы какие.

— Я приеду.

— Буду ждать. Давай, Арыч.

— Давай, Петрович.

Глава 4. Да упокоится душа твоя

Вам не передать, сколько по Земле ходит ублюдков. И ладно бы, скрывай они свое ублюдство где-то внутри, опасаясь закона, Бога, или чего-нибудь еще: но некоторые из них действуют. Действуют без ограничений, без промедлений, без тормозов. И даже убийство, само по себе ужасное, они превратят в проклятый ритуал — в своего рода Пляску смерти.

Николас Милл, военный журналист. О событиях на Сицилии перед началом специальных военно-наступательных операций

Волны находили приливами. Приливы разбивались о груды камней, больших и совсем маленьких. Миллионами брызг они атаковали норвежский берег, абсолютно безлюдный, совершенно холодный. Складывалось впечатление, что в этом месте никогда не было людей, настолько одиноким и безмолвным оно казалось. Не было даже птиц — возможно, были рыбы, но если и так, они не спешили появиться из-под воды. В море, наверное, им было комфортнее. В отличие от нас.

— Рокки Гонцу, — тихо повторял в рацию кудрявый солдат. — Как слышно?

— Слышно нормально, — раздался знакомый голос. — Как у вас дела?

— Мы ничего не нашли.

— И мы тоже.

— Тогда возвращаемся на исходную. Конец связи.

— Принял. Конец связи.

Напарник посмотрел на нас с Хорнетом.

— Ну что, обратно?

— Пошли.

И мы пошли.

Несмотря на холод было достаточно безветренно. Отойдя от линии деревьев, от которой рукой было подать до моря, мы скрылись в гуще леса, после чего пошли неприметной, каменистой тропкой на восток. Шагали тихо и быстро, не сбивая дыхания. Сегодня вновь ничего не удалось.

Минула неделя с тех пор, как мы попали в плен к нацистам-норвежцам, после чего были освобождены норвежцами-сопротивленцами. Главным у них был человек с именем, совсем как норвежское не звучащее — Филипп. Это был высокий человек с седыми волосами и седой бородой. На вид ему было около шестидесяти, может, шестидесяти пяти лет. Он поведал нам о Сопротивлении — последнем народном оплоте Северного Трио в борьбе с нацистами. Филипп рассказал нам, что осталось уже не так много людей, готовых сражаться за свободу. Некоторые привыкали к войне и тоталитарному режиму. В этом заключался один из ужасов всех схожих времён — человек привыкает даже к самому настоящему аду, если котёл, в котором он варится, не так уж сильно горяч. Но дело было не только в этом. Война есть война, люди умирали, рук становилось недостаточно для ведения активных действий против власти. Несмотря на всё это, бойцы Сопротивления шли до последнего. А затем появились мы. Несколько дюжин выходцев НРГ, из которых в живых осталась только одна. И то, не полностью.

Филипп поведал нам свой план. Для нас — в особенности для Ветрогона — было удивительным, что старик сразу нам доверился. Но, с другой стороны, причин не доверять у него тоже не было. «Будь вы нашими врагами, — сказал он, — не сидели бы в подземелье за

решёткой». Враг моего врага — мой друг. А если так, значит надо с ним объединиться и дать прикурить уже врагу настоящему.

План заключался в следующем. В распоряжении Филиппа находилось несколько сотен человек, способных держать в руках оружие. Это, в действительности, не так много, если считать тех, кто не мог быстро передвигаться и годился лишь для защиты. Дополнением имелся наш небольшой отряд, состоящий из меня, Хорнета, Ветрогона, Петровича, Геркулеса, Рокки, Гонца, Кино, Вереска и Палача.

Когда нас скромно накормили и выдали одежду, забрав постирать старую, Филипп провёл нас в свою небольшую каморку, напоминающую кабинет. Позади его стола находилась доска с подробной картой Норвегии. Нас интересовала лишь её небольшая часть — поселение Омессун и близлежащие к нему территории.

Дело обстояло так.

Замок Ноар-Нур, в который мы пробрались с Хорнетом, находился посреди поселения. Человек, которого мы пытались найти, Иокир Мейгбун, был одним из главных норвежских лидеров на северном фронте. В большей степени — на море. Если наша изначальная задача как бойцов НРГ была выкрасть планы последующих операций на морской глади, то у Сопротивления задача была куда прямолинейней и мощнее. Совместно с Союзниками, находящимися сейчас за пределами страны, они хотели начать крупное, полномасштабное наступление по всей Норвегии на важные точки нацистских штабов, нейтрализовав при этом самого Мейгбуна. Среди них находился и Омессун. Но, конечно, всё было не так просто, как могло показаться.

Как мы успели убедиться лично, Омессун кишел врагами. Взять замок штурмом было достаточно проблематично, и беда была даже не в численном преимуществе врага, если брать ещё и тех, кто находился в близких к Омессуну точках. Заборы, стены замка — у них была более выгодная позиция чем у нас. А ещё куча гражданских, мешающих развернуть в городе полномасштабную бойню.

Филипп придумал то, что в дальнейшем в истории назвали СТОНСФ — Специальную Тактическую Операцию На Северном Фронте. Первый её этап заключался в перекрытии всех наземных дорог ведущих к Омессуну. Задачей Сопротивления было уничтожение каждого грузовика, или любого транспортного средства нацистов, направляющегося в поселение. Это позволило бы пусть несильно, но ослабить укрепление места — врагу пришлось бы отправить определенное количество бойцов на разведку. Второй этап заключался в том, чтобы пробраться в Омессун через сеть подземных туннелей, через которые нас вытащили из плена. Многие из них вели в жилые дома, но противнику вряд ли было об этом известно. Дальше по возможности тихо устранить наибольшее количество врагов и взять самого Мейгбуна. Желательно живьём. Так мы бы уничтожили важный стратегический пункт Северного Трио, а вместе с этим получили планы операций на море, как хотели изначальное.

Этим мы и занимались последнюю неделю.

К Омессуну вели целых пять дорог. Одна шла прямо вдоль берега, две шли сквозь холмы, через которые мы вышли к поселению изначальное, ещё две через густые леса. Ветрогон с Филиппом выставили бойцов на каждую из дорог, небольшие отряды по шесть человек. Но ни грузовиков, ни мотоциклов, ни чего-то ещё не было с тех пор, как нас взяли в плен. Видимо, Мейгбун доложил о произошедшем, и в руководстве решили лишний раз не рисковать. Но долго так продолжаться не могло — на море нужны были припасы, а все

припасы проходили, в основном, через Омессун.

И они действительно высунулись. Стоило только подождать.

— Говорит Къёрн, Линия Б, — раздался голос в рации, которую нёс Хорнет. Къёрн был одним из бойцов Сопротивления, расположившихся на одной из дорог в холмах. — Видим отряд. Два грузовика, перед ними мотоцикл с коляской. Вооружены. Минимум четыре человека. Что делать?

— Пропустите, — раздался голос Ветрогона, который был в группе у морской дороги. — Пусть ощутят безопасность. Нам не будет много толка от одного уничтоженного конвоя. Будем бить по всем дорогам.

— Принято, — раздались четыре голоса.

Мы возвращались к нашим парням, расположившимся у одной из лесных дорог — Гонцу и двум членам Сопротивления, Диккеру и Тортасу. Эти парни почти не понимали русского языка и являлись друг другу братьями. Первый был старшим и поменьше, второй младшим и крупнее. Впрочем, по статистике так и выходило, что младшие братья и сёстры зачастую крупнее старших.

Мы осматривали местность на поиск норвежцев-лазутчиков, но не обнаружили ничего. А ещё минут через пятнадцать вернулись к лагерю, который до этого разбили у реки. Несмотря на холод осени, костер разводить не стали. Он мог нас выдать. Дорога находилась в поле нашей видимости.

— Парни, как оно? — спросил Хорнет, когда Диккер, Тортас и Гонец появились в поле нашей видимости.

— Тихо, — буркнул первый.

— Очень, — подтвердил второй.

— Ни души, — подвёл итог третий.

Я вздохнул. Не было ничего томительнее ожидания, даже на войне. Нет. На войне — тем более.

Но наше ожидание в осеннем лесу, ожидавшему приход зимы, продлилось недолго. Всего неделю мы провели более-менее спокойно в окрестностях Омессуна. То, что случилось дальше, многим из нас — тем, кто остался в живых — позже снилось в кошмарах.

— Йогер, Гонец, — по рации раздался голос Ветрогона, который тут же исчез в помехах.

— Капитан? — Гонец придвинулся к рации. Стоял вечер и небо уже темнело.

— ...ю, на дорогах...

Эфир снова зашёлся помехами.

— Проклятье, — ругнулся Хорнет и легонько стукнул радиопередатчик.

Тот тут же заработал.

— Хочешь чтобы что-то заработало — просто слегка тресни, — сказал Хорнет.

Прозвучало вполне себе мудро.

— Повторяю, — чётко раздался голос Ветрогона. — Враг идёт по всем дорогам! Полная боевая готовность! В бой не вступать!

— Что? — спросил удивленный Хорнет. — Сколько их?

— Десятки. Видимо, решили не рисковать. Повторяю, в бой не вступать! Только наблюдение, и то — осторожно! Если жгли костры, немедленно тушите!

Тут послышался звук приближающегося транспорта. Мы тут же повскакивали со своих мест. Оружие было уже в руках, но вот что делать мы не совсем понимали. Закинув рюкзаки

за спины и вооружившись, мы бросились под землю и аккуратно подползли к точке, из которой было удобно наблюдать за дорогой.

По ней ехал конвой. Пять автомобилей. Хорнет вздохнул.

— Просто смотреть будем?

— А что нам ещё остаётся?

Хорнет вздохнул снова.

— Даже не думай.

— Да-да. Больно много...

— Ждём.

— Чего ждёте?

Несмотря на то, что некоторые из нас знали друг друга всего неделю, каждый понял, что голос, раздавшийся позади, принадлежал чужому. Обернулись молниеносно, но это ничем не помогло. Они уже успели подобраться к нам.

Их было много. Втрое больше нас. Одетые в экипировку норвежских солдат, они кинулись на нас в рукопашную, так быстро, что мы не успели сделать хоть что-то. Удары наносили прикладами автоматов и ногами. Я видел, как рядом упали братья, как справа опрокинулся Гонец, получивший в челюсть, и мгновенно потерявший сознание. Я успел отразить лишь два удара, пока сам не получил под дых. Упал лицом в грязь и чуть влажную, сырую землю. Услышал, как приземлился где-то слева Хорнет. Попытался поднять голову, но в который раз увидел ботинок, летящий мне в лицо. А затем вновь наступила тьма.

Было холодно, но чувства одиночества не было: мои ноги упирались во что-то твердое, рядом ворошился кто-то ещё, кто-то монотонно бурчал, а, может, говорил вполне ясно, но я этого пока не понимал. Слух возвращался постепенно. Затем вернулся окончательно. Я открыл глаза. Следующим пришедшим чувством было дежавю.

Рядом находились Диккер, Тартас и Хорнет. Гонца не было. Вокруг — тесная коморка с двумя двухэтажными кроватями, чей срок годности, очевидно, давным-давно вышел. На них имело место быть грязное бельё. Хорнет сидел рядом, братья сидели на кроватях напротив друг друга.

— Что за дерьмо? — спросил я.

— Окружили сзади, отрубили, вернули в тюрьму, — вяло ответил Хорнет. — Только в другую, видимо. Это не подземелье.

— Опять двадцать пять.

— Но это ещё не всё.

— О чём ты? — я поднялся с пола и облокотился спиной о стену.

— Нам песьец, — ответил Тартас.

— Полный, — подтвердил мрачно Диккер.

Я поднял брови.

— Они хотят прилюдно нас казнить.

— Что?!

Я встал.

— Что слышал. Этот Йокир соберёт все население Омессуна и будет играть в короля. Сегодня вроде.

— Откуда знаешь?

— Сами сказали, когда нас сюда бросили. Ты вроде в отключке был.

Я начал ходить взад-вперёд. Нужно было что-то делать. Коснулся руками холодных стен. Немного пощупал.

— Бесполезно, мы уже всё проверили. По-моему, это только в фильмах работает.

— Ну уж нет, должна быть лазейка...

— Да нету, говорю тебе.

— И что теперь, сидеть смерти ждать?

Дикер с Тартасом мрачно переглянулись. Хорнет вяло пожал плечами.

— Да что это с вами?

— Как высадились сюда, — Хорнет встал. — Так всё пошло по одному месту. Все эти военные лозунги, слава, слова генералов о победе — надоело. Куча пафоса и торжества на фоне бессмысленной резни. Я устал, приятель.

Я уставился на него.

— И?

— У меня нет желания рваться вперёд с флагом, но есть желание жить. Хватит. Если и драться — так на смерть.

— Что предлагаешь?

— Как придут за нами — попытаться вырваться.

— И сразу по пуле получим.

— Не получим, мы им для показательной казни нужны.

— Ладно, вырвемся. Потом?

— Остальных найдем. Всяко неподалеку где-то.

Я посмотрел на норвежцев.

— А вы что думаете?

Те снова мрачно переглянулись.

— Согласны.

— Но делаем всё быстро, — Хорнет потянулся. — Нельзя чтоб они подняли тревогу.

Тут из коридора послышался какой-то шум, после которого к нашей камере начал кто-то приближаться. Хорнет сделал вид, словно он в один момент ослабел, после чего припал к стене. Остальные сделали тоже самое.

«Мда. Актерское мастерство на высшем уровне».

В замочную скважину вставили ключ. Через мгновение дверь отворилась. В неё вошли четверо. Пятый, открывший её, остался снаружи.

— Всем встать к стене, руки назад.

Конвоиры говорили по-русски. Мы выполнили указание.

Ну, сейчас или никогда.

Мы с Хорнетом развернулись одновременно. Диккер с Тартасом не подвели. Но они были к этому готовы.

Возможно, для конвоиров все сложилось бы хорошо, если бы пятый, открывавший дверь и стоящий снаружи, забил бы тревогу. Но он бросился в драку. Это нас и спасло.

Наши удары с Диккером попали точно в цель — двое противников отлетели к противоположной стене и больше не поднимались. Хорнету с Тартасом повезло меньше. Их удары блокировали, затем сразу контратаковали. Но шансы все равно выровнялись в нашу пользу. Трое на четверых.

Один из конвоиров врезал Тартасу под дых. Норвежец скорчился, но больше урона не получил. Диккер пришел к брату на помощь и двумя мощными ударами отправил врага во тьму. Хорнету, получившему по лицу, удалось уложить другого. Третьего, открывшего дверь, добил я — пусть он и успел дать мне по виску. Голова протяжно загудела. Это уже начинало надоедать.

— Обыскали и на выход!

Обыск закончился очень хорошо. Каждый был вооружен. Хоть и всего лишь пистолетами, что странно, но это лучше, чем ничего. Мы вышли в коридор.

В нем было пусто. Окон не было. Мы отправились направо, откуда, вроде бы, пришли конвоиры. Я прижался ухом к первой двери. Абсолютная тишина.

— Готовы, парни?

Парни кивнули, взяв пистолеты удобнее. Я резко открыл дверь.

Светлый, небольшой холл. Внутрь из окон проникал холодный, серый свет, внутри горели несколько факелов. Людей не было.

— Странно, — буркнул Хорнет.

— Все на казнь, наверное, пошли.

— Все равно странно.

Я подошёл к окну и выглянул наружу.

На узкой улочке было пусто. Ни одной живой души.

— Никого нет.

— Тогда выходим и к центру. Если казнить кого-то и будут, то явно не своих.

Идти по пустым улицам к центру места, захваченного врагом, оказалось чем-то безумным. Оказалось чем-то безумным во второй раз — и снова мы по пути никого не встретили, до тех пор, пока не подобрались ближе к центру поселения. Сначала мы слышали голоса — их было немного, но по мере приближения они становились громче и их количество увеличивалось. Когда мы подобрались максимально близко к центру, я остановился.

— Стойте.

Хорнет посмотрел на меня.

— Предлагаю залезть в этот дом, — я кивнул на постройку, находящуюся слева. — И хотя бы осмотреться.

— Мы можем просто слиться с толпой.

— Можем. Но все же лучше осмотреться для начала.

Хорнет кивнул. Предосторожность лишней не бывает. Я толкнул дверь. Та оказалась открытой. Это тоже показалось странным. Не может же быть такого, что абсолютно все жители находятся на центральной площади?

С оружием наготове мы осмотрели помещение. Пусто. Ни одной души, ни звука, и вместе с этим рёв толпы буквально за стеной. Рёв, от которого чуть ли не дрожали люстры. Где, чёрт побери, вся охрана? Неужели норвежцы настолько уверены в своей несокрушимости, что даже часовых не выставили нигде? Или мы их просто пока не заметили, как и в прошлый раз?

Мы поднялись на второй этаж и вышли к балкону. Тартас отодвинул занавеску. Зрелище, представшее нашим глазам, впечатляло.

Количество людей, столпившихся на центральной площади Омессуна, сосчитать было тяжело. Сотни — это точно. Может быть даже тысяча. Может, две. Люди в нацисткой форме

были всюду, всегда стоя небольшими кучками. Людей в гражданской одежде было в разы больше. В самом центре стоял крупный деревянный эшафот. Эшафот не пустовал.

— Проклятье, — выругался Хорнет.

На коленях стояли десятеро. Пятерых из них мы никогда не видели — или, по крайней мере, не видел я. Зато остальные пятеро...

Гонец, Кьерн, один из норвежцев-сопротивленцев, Геркулес, Палач и Ветрогон. Побитые, в грязи и оборванной одежде, с руками за спинами. Очевидно, в наручниках.

Толпа ревела. Казни требовали не только нацисты — среди гражданских в том числе находились и те, кто выступал за смерть «оккупантов».

«Ну да, конечно. Это мы-то оккупанты». Нужно было что-то делать. Вот только что?

— Надо идти к ним, — Тартас подвигал мощными плечами. — И попытаться отбить наших.

— Прямо во враг толпе? — Диккер хмыкнул.

— Других вариантов не вижу.

— Надо устроить диверсию, — предложил я. — Отвлечь толпу.

— Хуерсию, — Хорнет взял пистолет и прицелился в одного из противников, находящихся прямо у эшафота. — Ничего мы с этими пукалками не сделаем. Но попытаться можно.

— Хорнет, давай-ка мы сначала хорошо обдумаем...

Договорить я не успел. Тут толпа под балконом взревела пуще прежнего. Мы поискали причину бурных оваций и достаточно скоро её нашли. Теперь всё встало на свои места.

Иокир Мейгбун выглядел как смесь Брэда Питта и Гая Пирса. Светлые, чуть отросшие волосы, достаточно высокий, хотя и не слишком. В том, что глаза у него были светлые, я был уверен и так, хотя отсюда не было особо видно. В руках он что-то держал. А когда заговорил, стало ясно, что это был микрофон.

— Надо же... — Английский язык. Пауза. Улюлюканье толпы. — Сколько вас здесь собралось, — даже в голосе красавца-нациста слышалась улыбка. — Прямо-таки неожиданный сюрприз, — Иокир кратко посмеялся. Одет он был в абсолютно черную, красивую форму с какими-то серебряными символами на плечах. Позже я узнал, что это были изображения волчьих, ощеренных морд. На шее находился то ли синий шарф, то ли шейный платок. — Ни для никого не секрет, мои дорогие, что сегодня мы здесь для того, чтобы казнить нескольких придурков, решивших, что они смогут победить нас. Нашу идею. Нас, участников Великого Северного Трио. Нас! — Это «нас» он выкрикнул. — Истинных, коренных норвежцев, с честью и достоинством защищающих свою историю и свой мир.

Люди послушно соглашались с каждым его словом. Где-то даже мелькали плакаты. Плакаты добавляли этому недо-шоу еще больше безумия.

— Но разве нас... — Снова улыбка в голосе. — Я прямо представил, как сверкают его идеальные, белые зубы. — Можно победить?

Толпа единодушно заявила, что сделать это невозможно.

Я закрыл глаза. Ситуация оказалась гораздо сложнее, чем мы ожидали. И казалась абсолютно безвыходной.

— Сегодня, — сильный голос Мейгбуна гремел, наверное, на весь Омессун, — мы покажем захватчикам, что будет с теми, кто снова попытается проникнуть на территорию Норвегии. Или Швеции. Или Финляндии, — нацист ходил взад-вперед перед стоявшими на коленях пленниками. Тут из-за серых туч выглянуло солнце, и мне показалось, что даже оно

отражается в сияющих берцах Мейгбуна.

Тут он остановился. На эшафот поднялся один из людей в форме с каким-то длинным свёртком в руках и протянул его лидеру норвежцев. Тот через несколько секунд вытащил это что-то наружу. Оно буквально засияло в блеклом, солнечном свете.

— Что это? — Диккер прищурился, вглядываясь. Я сделал тоже самое.

— Лом, — Тартас сплюнул.

— Не лом, — голос у Хорнета был тихий. — Монтировка. Кажется, из чистого серебра. Только нижняя часть острая, как кол.

Мейгбун поднял монтировку вверх. А затем сказал:

— Ну что, начнём?

Толпа взревела. Я почувствовал, как напрягаются мышцы моего тела. Нацист подошёл к одному из пленников, которого я не знал.

— Хочешь что-нибудь сказать перед смертью?

Пленник ничего не говорил.

— Может быть, ты хочешь извиниться перед норвежским народом?

Человек на коленях сплюнул прямо на блестящие берцы Мейгбуна. Мейгбун рассмеялся, поднесу к своему лицу ладонь. Повернулся к толпе, кричащей, чтобы он прикончил оккупанта. А затем кинул микрофон куда-то в центр площади, резко развернулся, и, замахнувшись сверкнувшей монтировкой, обрушил удар прямо на голову сидящего слева от пленника Геркулеса. Здоровяк, как подкошенный, упал лицом вниз. Через секунду он попытался встать. Скованные руки не позволили ему это сделать. А потом на его голову обрушился следующий удар. И следующий, а затем еще, пока от его головы не осталось ничего, кроме нескольких кусков мяса в луже крови.

Толпа напоминала собой бушующее море, точно такое же, что раскинулось неподалеку отсюда. Мейгбун, выпрямившись, взмахнул окровавленной монтировкой. Кусочки мозгов Геркулеса полетели в толпу.

Хорнет резко поднял пистолет.

— Хорнет, стой!

В следующее мгновение произошло сразу несколько вещей. Во-первых, Хорнет нажал на спусковой крючок. Пуля блондина с серебряными наплечниками не настигла — однако он все равно резко пригнулся. Только не от грохота выстрела, его никто не услышал. От резко спикировавшего где-то над нашими головами боевого самолёта, устремившегося вниз. Пулемёты застрекотали, превращая толпу в кровавое месиво. А потом начались взрывы. Со всех сторон. Омессун начали штурмовать.

Пол затрясся. Стеклянная люстра задребезжала так, будто началось землетрясение. В одно мгновение город превратился в ад.

— Надо освободить их, — Хорнет бросился обратно из дома. — Пока этот придурок остальных не прикончил!

Мы тут же бросились за ним.

Улица. Шум. Давление. Стрельба. Где свои, где чужие, было непонятно. Пробиваемся сквозь толпу гражданских, которые и сами не знали, куда они бегут. Раз — впереди выскочил норвежец-нацист. Ручной пулемёт поднялся вверх.

Громыкнуло. Пуля вошла противнику в лоб. Я и не знал, что Диккер может настолько быстро стрелять. А еще я не помнил, где он успел взять пулемет. Тартас забрал оружие и мы побежали дальше. Над головой снова спикировал самолёт. Только на этот раз другой... Мир

утонул в крови, огне, и пороховом дыму.

— Парни! — Ветрогон выскочил прямо перед нами. Глаз у капитана был подбит.

— Кэп! Где остальные?

— Не знаю. Первый самолёт разрушил эшафот и нас всех разделило.

— Что делать будем?

— Пробиваться к южным воротам! — капитан кивнул в нужную сторону. — Точка сбора там. У вас оружие есть?

Тартас кинул ему свой пистолет.

— Тогда вперёд! Сильно не разделяйтесь!

И мы двинулись к южным воротам. Однако единственное, и, казалось бы, простое указание Ветрогона выполнить не удалось. Толпа достаточно быстро разделила нас.

— Хорнет! Диккер!

Я споткнулся. Поднялся. Пошел дальше, стараясь не сбиваться с указанного капитаном направления. А потом люди разом словно расступились и впереди оказалось небольшое пространство, в котором время будто замерло. Или, может быть, оно действительно замерло.

Светлые волосы растрепались. Чёрная форма, сидевшая до того идеально, была вся в пыли и грязи. Одного волка на плече не было. На земле лежал Кино. Несколько ударов он уже получил — и посмотрел на меня налитыми кровью глазами. Подняться не мог. Монтировка уже пробила несколько костей.

Мейгбун тоже посмотрел на меня. И по форме понял, что я не свой. А затем время замерло повторно.

Я бросился на него. Скорость. Сила столкновения. Гравитация. Мы полетели, с грохотом распластавшись по земле.

— Ещё один придурок, — сказал, усмехнувшись белоснежными зубами, Мейгбун. Синий шейный платок развевался на ветру. — Что вам, вшивым грязнокровкам, здесь надо? — Монтировка уже была у него в руках.

Я встал. Попытался нащарить пистолет в кобуре, но его там, естественно, не оказалось. Блондин хмыкнул.

— Умрёшь ради желтопузого азиатишки? — Он снова подошёл к лежащему Кино. — Стоит он того?

Я не ответил. Просто снова побежал на него. Но в этот раз он среагировал иначе и ударил плашмя — наотмашь, словно битой. Удар пришелся точно под дых. Не почувствовать, как треснули несколько рёбер, было невозможно. Я упал в пыль и какое-то железо. Кто-то пробежал по моей спине и я застонал.

Мейгбун снова хмыкнул.

— А ты ничего, приятель, — он присел на корточки рядом. — Боевой, это похвально. Но Чистая кровь всегда побеждает грязную, — он сделал будто бы грустное лицо. А затем улыбнулся так, будто все было просто замечательно. — Но ничего, вся жизнь — это большое разочарование. Наблюдай, — нацист встал и лёгкой походкой подошёл к Кино. А затем поднял вверх монтировку и с громким хрустом проломил ему череп.

Через мгновение я потерял сознание.

Тишина. Мягкая и теплая пелена, обволакивающая со всех сторон. Блаженное

беспамятство. Отсутствие мыслей.

Затем гудение. Ненавязчивое, где-то неподалёку. Позже цвета, различающиеся под закрытыми веками. Яркие, блеклые, темные. Прохладное дуновение... Ветер? Нет, не ветер. Что-то другое. Ветер сейчас злой и холодный, осенний. Осенний же? Стоп, где я и что происходит? Почему ветер приятный?

Я открыл глаза. На короткий миг зажмурился от света. А затем открыл их снова.

Больничная палата. Слева аппарат, который, видимо, просчитывал данные моего тела через несколько проводов, подключенных к моей груди. Чуть дальше, также слева, окно с светло-серым небом. Оно было приоткрыто сверху. Спереди стоял вентилятор.

— О, очнулся наконец.

Я повернул голову. Хорнет сидел справа с какой-то книжкой в руках. Одет был также в больничную пижаму.

Я попытался что-то сказать и приподняться, но тело тут же обожгла вспышка боли. Я снова зажмурился.

— Лежи и не дергайся, — друг хмыкнул. — У тебя сломана куча рёбер. Сейчас дам попить, только не поднимай торс, — он встал, взял стакан воды с тумбочки и прислонил к моим губам. Прохладная вода будто вдохнула в меня жизнь обратно.

— Хорнет...

— Что?

— Что произошло?

Он посмотрел на меня. Затем сел обратно.

— Войска союзников, наших и ополченцев штурмовали Норвегию. Всю.

Сердце у меня в груди заколотилось, больно стуча о разбитые ребра, но я не подал виду.

— Много людей погибло. В том числе гражданских.

Я не перебивал.

Хорнет развернул книгу, но читать не продолжил. Посмотрел в окно, затем снова на меня.

— Норвегию взяли. Но на Финляндию и Швецию сил не хватило — такого яростного сопротивления за эту войну ещё не было.

— Мейгбун, — выдохнул я.

— Ушёл.

Теперь я почувствовал, как в моей груди заклокотало от ярости.

— Эй. Я понимаю, что он убил Геркулеса — я сам в ярости — но тебе нельзя сейчас злиться...

— Он съёл голову Кино на моих глазах. Я попытался его остановить, но не смог.

Хорнет помолчал. Лицо у него было словно высечено из мрамора — только огни серебристых глаз казались живыми.

— Это он тебя так...

— Да.

Снова тишина.

— Ветрогон сказал, — Хорнет помедлил, — что по имеющимся у нас данным, он сбежал во Францию.

— Во Францию?

— Да. Почему туда, не знаю. Сам знаешь, половина Франции сейчас захвачена. В том числе Париж. Но, может, теперь, когда одна часть Северного Трио отвалилась...

— Неважно.

— Что?

— Хрен с Норвегией. Сейчас нам надо во Францию.

Хорнет посмотрел на меня.

— Да, надо. Но не только мстить.

— О чём ты?

— Командование дало новое задание. Ветрогон собирает отряд, кто согласится — поедет.

— Что за задание?

Друг усмехнулся.

— Вывести из строя, — в дверях палаты появился сам Ветрогон, — ядерные боеголовки, находящиеся сейчас на военной базе в сердце Парижа.

— А Мейгбун?

Капитан прошел к центру комнаты. Выглядел он побитым, но походка уже была твёрдой и уверенной.

— А он, с несколькими важными шишками, закрепился как раз в центре города — прямо над оружейным комплексом.

— Его надо уничтожить, капитан.

Кэп посмотрел на меня. Я не отвел взгляд.

— Его, Штиль, нужно взять живым.

— Кэп...

— Да, знаю. Знаю, что он сделал. Будем действовать по обстоятельствам, ладно? Главная цель — боеголовки. Мейгбун — побочное задание. Мне и самому не терпится его прикончить, но нам нужно выиграть в этой войне, понимаете? Иногда нужен холодный ум. Не всегда горячего сердца достаточно.

— Поэтично, — буркнул Хорнет.

— Как есть, — капитан чуть улыбнулся. — Вы со мной?

Мы с Хорнетом кивнули одновременно.

— Отлично. Тогда поправляйтесь и готовьтесь — через три с половиной недели мы отправляемся во Францию.

Глава 5. Розы, книги и хот-доги

Во время ожесточенных сражений в Африке большим спросом пользовались снайперы. Было их, правда, не так много, как хотелось бы — ладно бы занимать определенную позицию, это одно дело. Но совсем другое — постоянно заниматься этим под палящим солнцем диких пустынь, зачастую без должного количества воды и других припасов. Это тоже своего рода война, прямо в войне. Битва на истощение. Моральное и физическое.

Алексей Кулагин, командир 256-го полка морской пехоты НРГ

— Петрович, да не буду я работать в баре! Из меня бармен — как из тебя президент.

Возмущению Петровича не было предела.

— Ты в своей кофейне, считай, хрен без соли доедаешь, а у меня человек уволился. Чего тебе там в этих бумажках сидеть? Шо там напитки, шо там напитки. Только тут ещё и медовуха есть. Смекаешь? Медовуха. Это тебе не капучино! А капучино и здесь есть!

— Я все равно больше раф люблю!

— А он тут тоже есть! И делается, между прочим, чисто на сливках!

Я вздохнул. Да, вот же вляпался.

Сегодня в «Рефлекс» было достаточно шумно. Большая часть столиков была занята, играла музыка, люди вокруг танцевали и умудрялись петь песни. Я это всё не любил. Однако, большую часть времени бар пустовал, что делало пребывание здесь тихим и спокойным. Барменом работать, конечно, всяко интереснее, чем менеджером. Да и ставка тут должна быть выше. Я посмотрел на усатого здоровяка.

— Петрович, неужели тебе совсем позвать некого?

— Почему некого? Есть кого. Знаешь сколько оболтусов просится? Упаси Бог. Но они либо за выпивкой халявной, либо чтоб девок цеплять, смекаешь? А мне нужен человек ответственный. Ты, конечно, молодой...

— Петрович, да мы войну вообще-то вместе прошли!

— Вот именно! Видишь как хорошо, ну!

Я отмахнулся. Вечно с ним так — выпалишь аргумент, а он сделает вид, будто так все и должно быть. Провалится в люк — скажет, что искал там четырех черепах и крысу.

— И вообще, почему это из меня должен быть плохой президент?

Петрович смешно дёрнул усами. Я не выдержал и засмеялся. Он подхватил.

— Ладно, старик. Уговорил.

— Старик?!

— Но у меня есть условие.

— Какое?

— До полночи меня не забалтывать. Жена будет убивать.

Друг важно и понимающе кивнул.

— Договорились.

Тут Петрович неожиданно посерьёзnel и улыбка пропала у него с лица. Он бросил взгляд куда-то за мою голову. Я обернулся.

У одного из столиков у стены, неподалеку от входа в бар, сидела компания из шестерых человек. Все они были вполне обычные и непримечательные, что-то пили и ели. За исключением одного, единственного в компании лысого.

— Кто это, Петрович?

Друг снова дёрнул усами, только было уже не смешно.

— Это Эрвин.

— Ага, ясно. А дальше?

Петрович вздохнул и начал натирать стаканы.

— Эрвин дерётся в бойцовском клубе за одного сюзерена. Он очень мощный боец.

— Ладно, — я посмотрел как засиял стакан, после того как Петрович его протер. Он взялся за следующий. — И почему это тебя напрягает? Или ты с ним драться собрался?

Друг зыркнул на меня из-под нахмуренных бровей.

— Следующий крупный бой будет между Эрвином и Огоньком.

Теперь всё стало понятно.

— Вон оно что.

Я снова посмотрел на компанию у стены.

— Боишься, что Эрвин настучит товарищу Гаргарьину по тыкве?

— Не смешно, Штиль. Серёга — классный парень. И драться умеет. Но этот лысый придурик может его разорвать на две части.

— Ну, если умеет драться — значит, всё уже не так уж и плохо.

— А ещё толпа уважает Эрвина. И, скорее всего, большая часть людей будет оказывать поддержку ему.

Я помолчал. Да, очень неприятно, когда во время драки все поддерживают твоего соперника, а не тебя.

— А когда драка?

— В четверг следующий.

— Я приду тогда.

Петрович на меня благодарно посмотрел.

— Хорошо.

— А в каком из клубов это будет?

— В том, который как ангар, на оранжевой ветке.

Я кивнул. Там я уже был — это, в принципе, единственный бойцовский клуб, где мне пока довелось побывать.

— А сколько их всего, кстати? Клубов.

— В Москве вроде пять.

— Ладно.

Мы помолчали немного, а потом я встал из-за барной стойки.

— Давай, Кость. Спасибо, что согласился поработать.

— Ага. Надеюсь, не пожалею об этом!

На выходе из бара я встретился глазами с этим самым Эрвином. Они у него оказались темные, внимательные, и словно бы безразличные. Почему-то это безразличие мне не понравилось.

— Господи, милая! Ну какую куртку!

— Слушай, что она говорит, — поддакнул Дед, проходя мимо стеллажа. — Когда женщина настаивает — отказаться нельзя, верная смерть наступит.

Мы находились в одном из торговых комплексов на юге Москвы. Говоря проще, это

можно было бы назвать рынком, только с немалым количеством точек с едой. Горячие пирожки, шаурма, багеты, пицца, здесь можно было найти всё что угодно. Но сегодня мы были здесь не за едой.

— Осень на носу, — Зоя грозно сверкнула глазами, — а у тебя кроме старого ободранного плаща ничего и нет.

— Эй, да он как новый!

Дед покачал головой. Мол, помянем парня. Из глаз жены посыпались искры.

— Быстро!

Я взял из её рук куртку. Ей оказалась чёрная, новенькая косуха. Можно было сказать, иссиня-черная, настолько было видно, что она новая. Никаких косых карманов и кучи застёжек у неё не нашлось. Даже ремня. Простая чёрная куртка с косой молнией. Её простота меня и подкупила.

— Ладно.

Зоя засияла, как солнце, когда резко открываешь занавески после долгого пребывания в темноте.

— Отлично! Теперь померь.

Я послушался. Косуха села идеально. Даже Дед хмыкнул — мол, неплохо, приятель. Я снял её и повесил себе на руку.

— Хорошо, берём.

Мы двинулись дальше.

— О, а вот это явно моя тема.

Тут Дед тоже достал из стеллажа косуху. Не успел я и рта открыть, как он уже нацепил её на себя.

— Ну и чего, и как я, а?

Эта куртка оказалась с миллионом карманов, и косых, и «конвертиков», с ремнём, и сверкала ярче, чем олимпийский огонь. Глядя на Деда, с его длинными черными волосами, можно было подумать, что это самый настоящий панк. Только высоких берц не хватало.

— Что тут говорить? Мы — братья по косухам, — мы отбили с Дедом кулачки.

— Нет-нет! Мы — косые братья! — поправил он и засмеялся. Выглядел Березовский действительно хорошо.

Зоя покачала головой, но с улыбкой. Мы оплатили у продавца, молодого парня, куртки, и двинулись дальше. Тут Дед заметил прилавок с хот-догами — точь в точь как в американских фильмах. Небольшая тележка и пожилой человек возле неё.

— Ну что, мои косые воины, навернём по хот-догу? — не дожидаясь ответа, Березовский направился напрямик к своей цели. Ага, мы тут не за едой. Конечно. Я и Зоя пошли следом за ним. — Здравствуйте, уважаемый, вы, думаю, должны быть если не королём хот-догов, то как минимум принцем.

Старик, к моему удивлению, и не думал обижаться или оскорбляться. Усмехнулся в седые усы и сказал:

— Сынок, я не король хот-догов, я их бог. Поэтому вы сегодня заявили в Рай.

— Значит нам сказочно повезло, — Дед повернулся к нам и улыбнулся. Затем обернулся обратно к продавцу. — Исландский получится сделать?

— На пиве, на медовухе? — старик открыл холодильный отдел в своей тележке. Тут у Деда глаза, таки, округлились — он явно не ожидал, что у старика окажется алкоголь в тачке. Я сдержал смехок.

— На пиве, — гордо ответил Дед.

— Отлично. А вам? — продавец посмотрел на нас.

— Мы, если честно, не особо разбираемся в хот-догах, — ответила Зоя. Дед уже открыл было рот, чтобы начать объяснять, но уса́тый старик его опередил:

— Ну, тогда кратко объясню. Ваш товарищ взял исландский — он состоит из сосисок, вымоченных в пиве, жареного лука, горчицы, кетчупа и одного соуса. У нас в стране его нет, поэтому мы делаем на альтернативе. Вы можете попробовать аризонский: это один из классических хот-догов, делается из сосиски, завернутой в бекон и булочки. Могу добавить вам соус поострее.

Зоя улыбнулась.

— Тогда нам две штуки. Да? — жена посмотрела на меня.

— Да, спасибо, — я улыбнулся старику. — Только не слишком остро, пожалуйста.

Продавец кивнул.

— Ожидайте несколько минут, — и принялся готовить.

Хот-доги оказались действительно очень вкусными. Даже Дед, демонстративно стоящий до этого в стороне, попробовав, определенно их заценил.

— Ладно, — нехотя, сказал он старику. — Ты действительно хот-дожий Господь.

Продавец улыбнулся.

— Я воздух понапрасну не сотрясаю, старый уже для этого. Приходите ещё, ребята.

Мы заплатили ему, попрощались и ушли. Хороший оказался мужик — побольше бы таких в сфере обслуживания.

— Ну, — сказал Дед, — курток красивых накупили, хот-догов вкусных поели, теперь мне пора, малыши. Увидимся... — Дед заговорщицки посмотрел на нас. Я рассказал ему про бой между Огоньком и Эрвином. Он обещал придти. — Сами знаете где. Мы кивнули. Зоя тоже была в курсе.

— До встречи, Дед.

Берёзовский растворился в толпе людей, направившись к выходу из торгового комплекса. Мы с Зоей тоже направились к выходу, но к другому.

— Интересно, а какой хот-дог самый классический? — задумчиво сказала она вслух.

— Чикагский, — не задумываясь, ответил я. — Ещё очень популярный французский, но классическим его не назовёшь. Хотя они тоже очень вкусные.

Зоя удивлённо вытаращилась на меня.

— Ты в них разбираешься!

— Не особо. Просто довелось попробовать пару разных, давным-давно, ещё с Петровичем.

— И почему я об этом не знала?

— Ну... — Я вздохнул. — То давно было, милая. Ещё на войне.

— Ясно, — жена коснулась губами моей щеки. — Значит, в следующий раз возьмём французский. Да?

— Конечно, — я улыбнулся. — А потом чикагский... Эй, погоди-ка, — я остановился.

— М?

— Просто стой здесь и не двигайся, — я взял руку жены в свою и поцеловал её. — И отвернись, смотри в другую сторону. Срочно!

— Ты чего задумал, а?

— Жди! Три минуты, на больше.

Вернулся я к ней с небольшим, но очень аккуратным букетом фиолетовых, почти что синих роз. Цветы я любил и мог выцепить их глазами где угодно, особенно на рынке. Это и сделал, увидев небольшую палатку с ними. И эти розы, конечно, заметил тоже моментально.

— Ох, родной... Синие розы, — Зоя взяла букет и внимательно посмотрела на меня. Я кивнул.

— Наши розы, малышка. Красивые, правда?

— Очень, — Зоя коснулась носом аккуратных лепестков. — Спасибо, милый.

— Не за что, красotka. Ты выглядишь чудесно.

Солнечный свет падал через светлые занавески на пол, касаясь кровати, шкафа и даже одной стены. Я чувствовал его тепло — аккуратное, ласковое, будто он говорил: "Отдыхай, приятель. Ты это заслужил. Но и встать не забудь, сегодня чудесный день. Нужно прогуляться, посмотреть город". Я устало улыбнулся через полудрёму. Всё, что нужно для счастья, это гармония и спокойствие. Для того, чтобы их получить, порой достаточно и одного солнечного тепла.

Я открыл глаза и сел в постели. Часы на стене, по форме напоминающие звезду, показывали четыре часа дня. Я натянул какую-то толстовку, за ней джинсы, носки. Есть не хотелось. Да и было особо нечего. Затем я подошёл к окну и открыл его. Пахнуло дождём.

Двор утопал в зелени. Цветущей, яркой, пахнущей самыми разными запахами. Её было столько, что она почти вылезала за железные перегородки, отделяющие сады от прохожей и проезжей части. Впрочем, несмотря на то, что город, где я находился, был одним из самых крупных в НРГ, машины или другой транспорт проезжали здесь редко. Зато достаточно часто ходили мамы с колясками, или бегали детишки. Их простой вид заставлял сердце радоваться. Тем более после войны. Это был просто питерский двор.

Я оставил окно приоткрытым и вышел из квартиры. Затем покинул дом. Так. Мокрый, но тёплый асфальт. Да, безусловно. Что может быть лучше этого? Я чуть улыбнулся сам себе. Девочка лет семи, проходящая мимо с темно-зелёным велосипедом, это заметила и тоже улыбнулась. Надо же. Такое чувство, будто и не было никакой войны. Город святого Петра был чудесен. Или, возможно, мне просто так казалось. В конце концов, так ли это важно?

Я пошел гулять дворами, которыми раньше никогда не гулял. Всё, что я знал, это что двинусь куда-то к центру города. Наверное. Или, может, так и было. Дворы постепенно выводили меня на более широкие улицы, на улицах было больше людей, а с ними было больше машин. Всё вокруг сверкало так, что даже немного резало глаза. Недавно прошел дождь, небо было всё ещё темным, почти чёрным, но тучи постепенно рассеивались, и солнце, заливающее город, отражалось в окнах мокрых машин, домов, луж, и во всём, чём только было можно. Будто отдавало свечением даже от жёлтых и темных стен, на которых хорошо отображалась влага дождя.

Через некоторое время я, как ни странно, снова попал в очередной двор. Внешне он никак не отличался от предыдущих: квадрат пространства, окружённый высокими, жёлтыми домами с миллионом деревьев, кустов, и цветов под ними. Но небольшое отличие всё же было: маленькая и протоптанная тропка вела через океан мокрых кустов. Недолго думая, я пошел по ней, а затем вышел к небольшому проходу внутри здания. «Хитро припрятали». Прошел по нему. Очередной двор, точно такой же, как предыдущий. Выход справа выводил

на какой-то проспект. Судя по шуму машин, который, почему-то, не особо проникал в пространство дворов. «Наверное, высокие здания не пропускают шум, а тот, что все же проходит через входы и выходы, глушит в себе листва». Это объяснение показалась мне абсолютно логичным. И тут я заметил магазин. Или что это?

Обойдя небольшой сад, я подошёл к двери. Вывеска гласила «Библиотека им. Е. М. Инир». Рядом с надписью, из стали, было выведено изображение женщины в профиль с длинными волосами. Надо же, я о такой никогда и не слышал. Но, наверное, она чудесный человек, раз в честь неё назвали целую библиотеку, хоть и небольшую. Я вошёл внутрь.

Над головой тихо звякнул колокольчик. Я прошел чуть дальше и искренне удивился, ведь библиотека оказалась куда крупнее, чем казалась снаружи. Длинные ряды книжных стеллажей уходили куда-то в сердце помещения. Из малочисленных окон падал солнечный свет, в котором кружились пылинки. Людей, на первый взгляд, не было. Но разве бывает так, что в открытой библиотеке нет людей?

Я выбрал случайный стеллаж и двинулся вдоль него внутрь библиотеки. Тут оказался раздел с поэзией. Великие поэты двадцатого века собрались здесь: Есенин, Маяковский, Ахматова, Бродский, Цветаева, Рождественский... О, тут не только классики. Я достал одну книжку. На синей обложке надпись «Борис Рыжий. Лучшие стихи последнего поэта двадцатого века». Почему последнего? Мне стало интересно и я почитал биографию автора, находящуюся в самом начале, а с ней и стихи.

Да, жаль. Хороший был поэт. И стихи писал очень интересные. Родные какие-то... Не каждый так сможет.

Я вернул книжку обратно и достал следующую. Книга была очень старой. Чёрная, твердая обложка, золотым тиснением выведено: «Нестор Штормовой». И больше ничего. Я хмыкнул. Про этого тоже никогда не слышал. Провел пальцами по корешку и открыл случайную страницу:

«ты красива, детка, спору нет,
удивляешься, сидишь, моей отваге,
но, малышка, не права ты. сколько лет? я всего-то напосто поэт.
я рисую нежность на бумаге.

я рисую — ты же мне внимаешь,
я художник тела твоего,
только одного не понимаешь,
мы с тобою, все же, не одно.

мы с тобой всего лишь две пылинки,
два огня, что догола раздеты,
мы горим, горим за тем,
чтобы навсегда сгореть до смерти.

мы горим — и я тебя рисую,
мы огонь — в полуночном бреду,
я, поверь, нисколько не тоскую,
что тебя уносит на ветру.

и пока тот ветер рыщет,
рыщет ветер перемен,
я тебя рисую. слышишь? слышишь?
ничего, поверь, не жду взамен.

не ищу я для себя спасенья,
я поэт — бродяга между лилий,
и пока с тобою мы раздеты,
я художник нежных твоих линий.

и пока с тобою мы горим,
то направо, то налево,
я тебя рисую сам,
изучая твое огненное тело.»

Я снова хмыкнул. Неплохо, хотя и похоже на Есенина. Перелистнул несколько страниц:

«Ухожу от больших городов, от несбыточных мечт,
от несбывшихся — тоже.
Ухожу, что твой пёс, навсегда, и навряд ли вернусь.
Я всего лишь прохожий, одет в чёрную кожу,
на проспектах широких мелькну, а затем растворюсь.

Растворюсь, пропаду, обо мне твои мысли рассеются,
погрустишь в тишине, позже вовсе забудешь — совсем.
Во двор поглядишь, где кошки под солнышком греются,
и пойдешь разгребать целый ворох своих проблем.

Я исчезну почти что безмолвно;
почти что. Парочка дел остаётся. Потом...
Тишина, сизый дым, алые зарева, поселения.
Выход дам мыслям и чувствам дурным.

Выход дам чувствам и мыслям,
пусть летят без остатка.
Пусть летят хоть куда, я нисколько их не коплю.
Всё что мне нужно, по правде, — лишь ты, да сладкая вата.
Но об этом я так никогда тебе и не скажу...»

А вот это стихотворение мне очень понравилось. Надо бы ещё как-нибудь почитать этого автора. Но в другой раз. Я вернул книжку на место и двинулся в следующий отдел.

Зарубежная фантастика. Неплохо, но не фанат. Следующий отдел... Фэнтези. Я прошёл пару метров, аккуратно касаясь пальцами корешков. «Хоббит, или Туда и обратно». Книга детства. Рядышком стояли три тома «Властелина колец» — их я тоже читал, хоть и гораздо позже, чем «Хоббита». Как давно это было... Я открыл последнего и начал читать с первой страницы. Солнечный свет, падающий на пол неподалеку длинным

прямоугольником, давал достаточно света для чтения. Я и сам не заметил, сколько времени провел за книгой, когда рядом неожиданно что-то грохнулось, и я вздрогнул, оторвав глаза от страниц.

— Извините, — в целом облаке пыли, поднявшимся с пола от кучи книг, появилось лицо девушки. Когда пыль чуть рассеялась, я увидел, что у неё каштановые и удивительно прямые волосы. Глаза были зелёные. А ещё лицо у нее было таким красным, будто она съела перец чили и решила не запивать его молоком. — Я случайно...

— Ничего, — я отложил «Хоббита» в сторону и стал помогать ей собирать книги обратно в стопку. Чтобы замять неловкую тишину, спросил: — Собираете материал для учёбы?

— А? Нет-нет, я работаю здесь... Ну как, подрабатываю, точнее, — она смущённо улыбнулась. Лицо у неё было по-прежнему красным. Я почему-то тоже смутился, и, отдавая ей стопку книг, сказал:

— Тогда мне повезло, — попытался улыбнуться, чувствуя, как начинают гореть уши, — я было подумал, что кроме меня в библиотеке никого нет.

Неожиданно девушка засмеялась, и её звонкий смех полетел между стеллажами и полками, пока она не прикрыла рот ладонью — мол, забыла, что в библиотеках нельзя шуметь.

— Нет... Ну, то есть, не бывает ведь такого, чтоб в библиотеке никого не было. Ну, в открытой, в смысле.

Я чуть не выпучил глаза, потом пробормотал:

— Да, я тоже самое подумал, когда заходил. Эта, как её, миндальная связь, не иначе.

Из глаз девушки посыпались весёлые искорки.

— Ментальная.

— Что?

— Ментальная связь. Миндаль — это орешки такие.

— А, да. Что-то я совсем... Ну, да. Я помогу вам книги донести, если вы не против. Куда?

— Пойдёмте со мной.

Мы прошли несколько стеллажей, потом повернули налево, а затем вышли к той части библиотеки, где были большие, панорамные окна, и солнечный свет — разумеется, через зелёную листву — попадал в помещение. Пахло свежестью и дождём. Несколько окон были чуть приоткрыты.

— Поставьте на стол, — девушка сдвинула в сторону с большого стола какие-то бумаги и показала, куда ставить. Я послушался. — Спасибо, что помогли донести.

— Ерунда, — я, не зная куда деть руки, сунул их в карманы, сразу почувствовав себя придурком. Да что же это? — Хотя что-то полезное сделал. Как раз надо было развеяться.

— Много времени проводите дома?

— Да. Точнее нет. Не то, что дома. Мне знакомая одна квартиру сдала по сниженной цене. А так да, я сплю много. А когда не сплю, хожу, гуляю.

— Отсыпаетесь от чего-то? Была тяжёлая зима? — девушка села на краешек стола.

Я замялся с ответом, и она тут же это просекла.

— Ох, извините, — она снова чуть покраснела. — Лезу с вопросами...

— Да нет, все нормально. Да, была очень тяжёлая зима. Я недавно приехал в город.

— Приехали... То есть... Стойте, а вы не с войны приехали? — глаза у неё чуть

округлились, и вместе с этим стали ещё внимательнее.

Я молча кивнул.

— Ясно... Я очень рада, что наша страна одержала победу. Но, наверное, вам сейчас не очень хотелось бы это обсуждать. Извините ещё раз.

— Да нет, все хорошо, — я почувствовал себя чуть неловко от её извинений, — я тоже рад. Просто было тяжело, вот и всё. Но на войне иначе не бывает. Наверное.

— Вы, видимо, много где побывали?

Я улыбнулся.

— Да, много где. В Норвегии.

— Прямо в сердце врага!

— Да. А ещё во Франции!

— В Париже?!

— В нём тоже!

Глаза у девушки стали такие большие, что я подумал, что они вот-вот покинут орбиты. Мне стало смешно, я не выдержал и прыснул со смеху. Девушка снова засмеялась своим звонким смехом, до того наши возбужденные возгласы забавно звучали. Но останавливаться она не подумала — а я залип, слушая её смех.

Она посмотрела на меня, вытерев с уголков глаз слёзы смеха. Щёки у неё были красные.

— Если хотите, — неожиданно сказал я, — я мог бы рассказать вам побольше о своих приключениях. Как-нибудь.

— Да, — она быстро кивнула, — я была бы рада. Очень.

Солнечный свет, падающий на пол библиотеки, стал будто бы в сотню раз ярче.

Мы договорились встретиться на следующий день неподалеку от библиотеки, у выхода, ведущего на тот широкий проспект, шуму которого я удивился накануне. Условились приблизительно на семь часов вечера — и, когда я вернулся домой, почему-то не мог дождаться, когда же это время наступит. И пришел на место, разумеется, раньше положенного. Вечно так происходит со временем, когда ждёшь чего-то хорошего оно тянется медленно, а когда плохого, несётся вскачь.

Широкий проспект утопал в людском потоке. Но чувствовалось это по-особенному. Хоть Петербург и считают городом романтиков, необычным городом, городом тонкой души, и, хоть это уже было сказано многими людьми сто раз, считают его таковым не напрасно. И не только его. Многие города, в которых я побывал, обладают своей, исключительной и удивительной силой, и город святого Петра исключением не являлся. После всего пережитого на войне, после всех потерь, всех крышесносных событий, что случились на фронте и за его пределами, хотелось спрятаться в глубинке, скрыться от людских глаз, слиться с четырьмя стенами, плотно закрыв при этом все занавески. Но город, даже такой большой и шумный, давал мне что-то, чего я не понимал; лишь чувствовал, что это что-то хорошее. То, что дало мне покой. И я был этому рад. Стоя около стены, наблюдая за бесконечными машинами и людьми, проносящимися мимо, я не чувствовал себя будто в ловушке. Я был спокоен как вода; я был спокоен, словно штиль. Жёлтые стены, солнечный свет, зелёная листва, теплый ветер. Сухой асфальт, тучи, предвещающие очередной дождь, запахи цветов... Цветы. Запахи цветов. Цветы. "Господи, надо было купить цветы. Но это

ведь не свидание, да? Не рано ли?" — , тут я и понял, что волновало мое сердце. Отчего моё море — моё море? Перечитал стихов... — подвергалось нападкам сильного ветра.

Несмотря на всю мою наблюдательность я и не заметил, как грива каштановых волос оказалась рядом со мной, а изумруды зелёных глаз — они напоминали море — море, зелёное море, штиль, сильный ветер, море — встретились с моими.

— Здравствуйте! Я не сильно опоздала? Никак автобус нужный не приезжал, а ведь ещё не вечер...

— Здравствуйте. Нет, ни капли. Вы хорошо добрались? За исключением ожидания автобуса, — я спохватился, обратив всё своё внимание на девушку. Она была одета в голубое платье, на ногах имелись маленькие каблукки. С ними она была моего роста. А ещё девушка завила волосы и теперь вместо прямых волос на ветру колыхались густые кудри.

Она кивнула, отвечая на мой вопрос.

— Да, вполне. Вы решили, куда мы пойдём?

— Решил? — удивился я.

— Ах, вы же только приехавший, — девушка тоже спохватилась. — Давайте я вам покажу немного город. Вы не против?

— Нет,нисколько. У вас красивое платье.

Она улыбнулась.

— Спасибо. Пойдёмте?

Я молча кивнул. И мы пошли.

Вместе мы посетили немало питерских достопримечательностей. Я узнал названия многих известных улиц, например таких, как Лиговский и Литейный проспекты; увидел живую Эрмитаж и Дворцовую площадь, центр которой венчал Александрийский столп. Он не был таким уж высоким, но, находясь под ним, складывалось чувство, словно он один держит весь темнеющий небосвод; лишь на западе полыхали алым заревом сквозь просветы туч всполохи заката. Это было красиво. А сколько мы прошли мостов я не взялся бы и считать. Не меньше семи-восьми уж точно.

Девушка рассказывала о городе, о том, чем люди в нём занимаются, какие ощущения он ей дарит, сколько она в нём живёт. Рассказывала и о том, чем занимается в нём сама. Оказалось, что она приехала навестить больную тётушку, которой нужен был чей-то присмотр. А живёт девушка в небольшом городе на границе НРГ, вместе с родителями. Несмотря на то, что тётя более-менее пошла на поправку и в помощи не нуждалась, она решила ещё немного пожить в городе, — так он ей понравился. В библиотеку она устроилась всего лишь на подработку; девушка любила книги, а то, чем она занималась на работе, было вообще несложным. Тяжело, разве что, было книги иногда таскать. Но тогда, сказала она смущённо улыбаясь, надо просто их поменьше за раз брать. А то падать будут. А книгам падать нельзя. С книгами нужно обращаться бережно.

Я больше слушал, чем говорил, несмотря на то, что сам и предложил на прогулке рассказать о своих приключениях. Но она не настаивала. Может, сама понимала, что я позвал её гулять не подумав, либо понимала, что о войне мне говорить не сильно хотелось, тем более, на второй день знакомства. Или и то, и то одновременно. В любом случае, я не любил долго молчать с девушками — мне всегда казалось, что неловкие паузы делают нас более чужими, чем это вообще возможно, а я этого ни в коем случае не хотел. Жаль, конечно, что самим девушкам этого зачастую не объяснишь. Но мне и не пришлось. Почему-то все шло хорошо и диалог складывался сам собой.

Пока мы не устали и не зашли в какую-то ближайшую к нам столовую.

В столовой людей хватало, но без места мы не остались, заняли один из небольших квадратных столов у стены. Точнее не сразу заняли: перед этим было нужно набрать еды, чем мы и занялись. Прогулка по городу потребовала немало энергии, поэтому через пять минут у нас на столе уже стояли две большие тарелки макарон с сосисками, тарелка овощного рагу и графин холодного компота. Ели мы, по большей части, молча. Когда пытались что-то говорить с забитыми ртами становилось смешно, а смеясь в таком положении можно было отправить еду не в то отверстие. Поэтому еду мы уничтожили почти полностью молча.

— Ну, — сказала она, аккуратно опустив на сложенные руки подбородок. — Теперь ваша очередь. Хотя бы чуть-чуть.

И рассказывать начал я. Рассказал я о том, что родился в Томской губернии, родители мои давно умерли, учился я хорошо, но никакого образования, за исключением школьного, так и не получил. Рассказал о том, что за неимением большого смысла жизни пошел на войну, тем более войну благородную — войну с нацистами, где я собирался окончить свой короткий жизненный путь, чего так и не произошло. Подробностей я не рассказывал, ограничившись лишь описанием мест, в которых побывал, и некоторых основных событий, которые повернули ход войны в нашу пользу. Девушка слушала меня с открытым ртом, и мне даже стало стыдно, что я не открывал так свой рот во время её рассказов.

— Стойте! — вдруг сказала она.

Я удивлённо на неё посмотрел.

— Мы ведь даже не спросили друг у друга имён!

А теперь я на неё вытаращился. И правда, как я мог не спросить у неё имени?

— Костя, — просто сказал я чуть осипшим голосом.

Девушка улыбнулась и протянула мне руку.

— Зоя. Будем знакомы.

Тучи полностью закрыли питерское небо черным густым занавесом. С каждым мгновением оно становилось всё темнее — закат догорел и на город опускалась ночь. Потом заморосил дождь, превращаясь в свирепый и сильный ливень. Мы бежали не жалея сил. Проспекты, мосты, дворы, закоулки. Пару раз чуть не упали. Где-то справа сверкнула молния, отражаясь бликами в окнах домов. Загромыхало. Ветер раскачивал деревья и кусты. Все живые существа: уличные кошки и псы, птицы и сами люди куда-то исчезли, видимо, решив спрятаться от непогоды. Мы бежали дальше. Снова загремело, уже прямо над нами. Снова всполох молнии. Её рука в моей, её волосы, мокрые от дождя, развеваются на ветру.

Потом ещё один поворот. Потом ещё. И снова. Затем двор. Дверь подъезда. Лифт. Дверь. Её квартира. В ней никого нет — мы мокрые насквозь от ливня. Одежда летит на пол. Дождь продолжает настойчиво хлестать в окно. Капли быстро стекают вниз, будто бы стараясь обогнать друг друга. Но ливень теперь не имеет значения. Теперь ничего не имеет значения.

Ни будущее, туманное и неопределенное, ни прошлое, полное боли, горечи и бед. Всё, что сейчас важно — огонь. Огонь в тёмных мокрых волосах. Огонь в тонких, белых плечах. Огонь в томных глазах цвета морской волны. И волны уносят меня — уносят в неизвестное,

но спокойное и прекрасное далёко. И в этом далёко, хочется думать, всё будет хорошо. Ведь шторм наконец сменяется штилем и зелёные волны начинают спокойно обнимать меня... И ничего прекраснее на Земле нет.

Глава 6. Встретиться со связным

Несмотря на то, что Третья мировая война оказалась не менее кровавой, чем Вторая, ее удивительным отличием стало то, что не было использовано ни одного орудия масштабного поражения. Никто, к примеру, так и не скинул бомбу на какую-нибудь Австралию. Хотя, я уверен, что такой случай вполне мог бы быть. Мне всегда думалось, что если Третья мировая и начнется, то непременно наступит конец света. Оказалось, что конец света — необязательно смерть всего сущего. Постепенное уничтожение друг друга это и есть закат человечества. Убийство — это целенаправленный шаг к деградации. Тот, кто его поощряет, и есть дегенерат.

Ульё Колын, румынский физик-ядерщик

— Si vous avez besoin d'autre chose de ma part, cliquez sur le gars bouclé dans le bar en bas, il passera devant moi ou se servira (Если вам потребуется что-нибудь еще, позовите кудрявого парня из бара внизу, он либо позовет меня, либо поможет вам лично — фр. язык)

— Merci. Nous allons le faire (Спасибо. Мы обязательно сделаем это), — на ломаном французском ответил Петрович. Человек с невозмутимым лицом, приведший нас в номер, ушел. Я, Петрович, Рокки и Хорнет остались одни.

Франция во время войны выступила прямым союзником Северного Трио. Однако не вся — как и в Норвегии, Швеции и Финляндии, в ней имелись свои войска ополченцев, под контролем которых находилась почти половина страны. Но всего лишь почти половина. Париж, в котором мы и оказались, полностью находился под эгидой нацизма, и военных действий в нём не велось. Город война будто не тронула. Разве что людей на улицах стало меньше — большая часть работала на оборонительных комплексах и готовила боеприпасы для СТ и самих французов. Или же на полях. Тут уж кому как повезло.

Время, проведенное в госпитале, мы потратили с большой пользой. Не могу сказать, что мои ребра успели окончательно зажить, но то, что успели хоть как-то, уже радовало. А вот выучить французский язык за три недели, как приказал Ветрогон, оказалось абсолютно невозможно. Не то, чтобы это удивило кого-то из членов отряда, согласившихся на отправку во Францию. Мы пытались, и тщетно. Небольших успехов добились — что-то могли сказать, понять, где-то ответить. Но акцент от этого никуда не девался. Да и понимали мы далеко не все. Французы говорят слишком быстро или используют такие словесные повороты, что мозги отказывались их воспринимать.

— Хоть белье тут чистое, — буркнул Хорнет, разглядывая синюю простыню.

— Скажи спасибо, что оно в принципе есть, — Рокки шагнул к другой кровати, садясь на неё, — после Норвегии это чистый рай.

Петрович покачал головой.

— К окнам не подходите только. Нечего чтоб на нас лишний раз зыркали.

Я сел на одну из кроватей. Усатый здоровяк посмотрел на всех нас по очереди. Петрович тут был самым старшим — каждому из нас он спокойно годился в отцы. А ещё он был самым здоровым. Несмотря на то, что ни я, ни Хорнет, ни Рокки не отличались высоким ростом, Петрович был крупнее самого высокого человека. Сколько он там, метр девяносто шесть? Да, около того. Кто-то уже успел пошутить, что, как приедем в Париж, его можно будет поставить вместо Эйфелевой башни — размер один и тот же, и такой же красивый. Кажется, это был Хорнет. По крайней мере, я бы этому не удивился.

— Итак... — Хорнет сел в кровати в позе лотоса. — Какой у нас план? Я-то помню, просто хочу чтоб Петрович напомнил Штилю с Рокки: в конце концов, не всем дана варящая голова.

Рокки закатил глаза. Я усмехнулся. Петрович хмыкнул.

— Шутки шутками, — здоровяк опустился на свою кровать. — А план повторить нужно. Поэтому слушайте...

План заключался в следующем. Основной нашей задачей было проникнуть на подземный военный комплекс под Парижем, чтобы вывезти из строя ядерные боеголовки. Но вывести их из строя и при этом не взорвать являлось далеко не самой простой задачей. Есть человек, который способен это сделать. Его зовут Люпен Мишель — это главный учёный, приложивший к созданию этих самых боеголовок свою светлую голову. Без него ракеты не взлетят в воздух. Вот только есть одно но. Люпен не хотел создавать эти ракеты и сделал он это, по информации разведки, под угрозами противника. Сейчас создание боеголовок находится на финальной стадии — через несколько дней, максимум неделю, если не вытащить оттуда ученого, ракеты поднимутся в небо. Наша цель — вытащить учёного из подземного комплекса и сделать так, чтобы ядерное оружие не имело возможности быть использованным. Но есть ещё одна сложность.

Подземный комплекс достаточно большой и ведёт к нему длинная сеть туннелей-катакомб под городом. Однако есть человек, который может нас через них провести — связной, втершийся во французскую среду, разведчик НРГ. Все, что нам известно о нем, это его позывной, Лисёнок. Встретиться с ним мы должны в нескольких районах от нашего отеля через два дня, в полночь. И в эту самую полночь провести очередную важную операцию Третьей мировой войны. Будто нам их и без нее было мало. А до тех пор...

— Пойдем по французским мадемуазель, — хлопнул в ладоши Хорнет, — все равно делать больше нечего.

— Ишь чего вздумал, — Петрович ни капли не удивился. — Нет уж. По улицам походить можем, да и то, аккуратно, с капюшонами, все как положено. А по бабам ходить нечего, уверен, многие из них шашни крутят с французскими офицерами. Донесут.

— Кстати, — Рокки сел в кровати, — а почему мы вчетвером сюда приехали? Где, типо, Ветрогон и остальные, кто согласился?

— Ну, четверо человек, плюс связной — это и так многовато для того, чтобы проникнуть незамеченными в комплекс с ракетами, — Петрович погладил усы. — А где Ветрогон и другие я не знаю, сказал, Лисёнок нам всё растолкует. А то дело тонкое.

— Дело тонкое, — буркнул Хорнет. Потом неожиданно выдал: — Хочу багет.

Я засмеялся. Рокки с Петровичем переглянулись.

— А у нас есть что съесть? — спросил Рокки.

Здоровяк кивнул.

— Хватает. Но можно сходить и разведать обстановку на улицах. Заодно что-нибудь купить.

— А деньги у нас есть?

Петрович снова кивнул.

— Немножко французских франков. Кто пойдет?

— Я, — я поднялся. — Петрович, пойдем со мной.

Теперь здоровяк отрицательно покачал головой.

— Мне бы лучше тут всё в узде подержать, да и слишком большой я, не хочу, чтоб люди

пялились, — он достал из кармана аккуратные, чуть не новые деньги, — на, принесите чего-нибудь.

Рокки поднялся и посмотрел на меня. Я посмотрел на Хорнета. Тот мотнул головой. — Идите. Мы с Петровичем тут повтыкаем. Как он один все будет в узде-то держать? Усач хмыкнул.

— Пойдем, Штиль, — Рокки прошел мимо меня к выходу. — В Париже не каждый день бываешь, не будем булки просиживать.

— И принесите мне багет! — сказал в спину Хорнет. — Без него не возвращайтесь!

Париж оказался куда более разнообразным, чем нам думалось до приезда в город. На улицах было красиво; недавно стемнело, но звёзд было не видно из-за закрывших столицу туч. Всюду пестрели разные вывески. Электрические, нарисованные, выбитые мастерами железа и дерева. Если приглядеться, можно было заметить в тёмных переулках бегающих детей. Действительно складывалось чувство, будто никакой войны и не было. Разве что небольшое выселение из города, но не больше.

Мы с Рокки решили не удаляться слишком далеко от гостиницы, потому после пятнадцати минут ходу решили зайти в ближний к нам кабак. Однако не зашли. Наше внимание привлекло кое-что другое. В переулке справа, обитом на старых и каменных кирпичных стенах плющом, в брандспойте горел огонь. Вокруг сидели люди. Кто на картонках, кто на корточках, кто просто на земле. Выглядели они неважно, одетые в старую, поношенную одежду, большинство из них заросли густыми, спутавшимися бородами, а ногти, если внимательно присмотреться, давно были не стрижены и забиты грязью. Мы с Рокки, переглянувшись, подошли к ним, стараясь не покидать тени. Отсветы пламени плясали на стенах, но не доставали нас. Люди о чём-то говорили. Мы не совсем понимали о чём, но чем больше слушали, тем яснее становились слова.

— Надо что-то делать с этим, — покачал головой усатый парень. Пламя костра отражалось в его серых глазах. — Наши *fonctionnaires*(*лидеры*) продались лживой идее господства рас. Взять нас, французов. Чем мы лучше *severles nordistes*(*северян*)? Победим в этой войне — они сотрут нас.

— Мои руки больше не могут справляться с работой, — сказал сидящий на картонке старик. Голос у него дрожал. — С этой работой, противоестественной миру. Считать себя лучше других лишь на основании внешнего вида — уже признак нацизма. Это преступление против Иисуса Христа и Святой Девы Марии.

— А, *vieil homme*(*старик*), опять ты со своим Богом, — отмахнулся какой-то щуплый, худой парень. — Преступление или нет, не так уж важно. Ещё немного и мы все тут сдохнем от недостатка сил. Эти твари дают ровно столько, чтоб мы могли держать пули, но не смогли *soulever*(*поднять*) оружие. Кто из вас сейчас не хочет есть? Купить в магазине еду мы можем. Её хватит на пару дней — и потом мы будем голодать несколько недель.

Парень с усами вздохнул. Посмотрел в костёр.

— Нужен *frapper*(*толчок*). Тогда и оружие появятся силы поднять.

— Не так страшно умереть, пытаясь что-то изменить, чем жить, не двигаясь навстречу к переменам, — сказал мужчина, сидевший дальше всех от костра. Несмотря на то, что находился он далеко, слова его слышали все.

— Aide-nous Seigneur(Да поможет нам Господь), — пробормотал старик и перекрестился. Некоторые сделали тоже самое. На какое-то время наступила тишина. Только треск дерева в брандспойте её и нарушал.

Воздух был словно наэлектризованным, однако ни дождя, ни грозы не было. Тучи висели в парижском небе черным покровом, видимо, не собираясь обрушить на город потоки воды. Мы с Рокки бродили по улицам, не поднимая лиц и не снимая капюшонов. Людей вокруг было полно. По большей части это были те самые рабочие, трудящиеся на военном комплексе: где-то по радио играла музыка и блики электрических витрин, отражающиеся от людей, падали на землю, заливая её блеклым светом. Я толкнул Рокки плечом и кивком головы указал на какое-то заведение справа. Им оказался продуктовый. Мы зашли и купили столько еды, чтобы ее оказалось достаточно, но не вызвать при этом подозрений. Рассчитывались молча. Вышли также не проронив ни слова. Из сумки на плече Хорнета пахло багетом.

В гостиницу вернулись чуть позже. Небо стало ещё темнее и громовые раскаты почти добрались до нас: иногда они были настолько громкими, что стекла в окнах дрожали, грозясь выскочить из деревянных рам. Звук напоминал разрывающиеся снаряды, и я на мгновение закрыл глаза, в который раз подумав о том, что тот, кто видел войну, больше никогда её видеть не хотел бы.

Не смотря на непогоду на улице, в гостинице было шумно. Кабак был забит до отвала: люди прятались, боясь бури. Внутри было весело. Играла музыка, кто-то пил, танцевал и яростно спорил друг с другом. Я удивился, подумав, какое же это странное место, Париж. С одной стороны, люди считают последние копейки, надеясь не протянуть ног до конца месяца, а, с другой, они же швыряют их на барный стол, заходясь в бурной игре алкоголя. Впрочем, подумал я, это было не так уж удивительно. Каждый день мог стать последним — следовало жить. Жажда жизни должна всегда быть сильной. Жаль, что человек редко об этом думает.

— Ну что, купили багет? — гладко выбритая физиономия Хорнета вытянулась вверх, будто он был не человеком, а тем динозавром с длинной шеей. Мы вошли в номер. Рокки открыл сумку и отдал товарищу популярную французскую выпечку. — Балдеж, — разведчик растянулся на постели. — Благодарствую.

— Как обстановка? — Петрович, сидевший у жёлтой лампы, посмотрел на меня. Рокки сел на свою кровать. В комнате царил полумрак — свет давали только лампа Петровича и темнеющее небо. Я приземлился в углу своей постели и облокотился о стену.

— Мрачная, — Рокки вытянул ноги, скинул ботинки и укрылся. Положил голову на руки. — Но по крайней мере люди здесь пытаются жить.

— Былом бы страшно, — сказал Хорнет с набитым ртом, — если бы не пытались. Петрович зыркнул на него.

— Нет, не было б.

— Помчему?

— Иногда человек не хочет жить, — здоровяк пожал плечами. — Это не нормально, но естественно. Или наоборот. Неважно. Иногда так устаешь, так много боли терпишь, что хочется только одного, уснуть и не проснуться. А во время войны так ещё бы.

Хорнет не ответил. Проглотил кусок багета, запил чем-то, что таскал во фляжке, и устоялся в окно.

— Рокки, — Петрович повернулся к кудрявому товарищу. — Расскажи о себе.

Разведчик, до того спокойно лежавший в задумчивости, удивлённо вскинул брови вверх.

— А что рассказать?

— Откуда ты, чем занимался до войны. Все как положено.

— Да, — я кашлянул, прочищая горло. — Интересно.

Глаза у Рокки были спокойные и будто немного улыбались. Действительно — вылитый Сталлоне.

— Ну... Зовут меня в действительности Роман Охтский. Мне двадцать девять. По образованию я автомеханик, но могу и в другие ручные работы — например стоять за токарным станком. Люблю работать руками. Когда начинаешь все понимать в работе, голова снова заполняется своими мыслями — когда они плохие, это не особо приятно, поэтому я стараюсь учиться чему-то новому. Тогда физическая работа не даёт мне морально выгорать.

Он помолчал. Мы с Хорнетом переглянулись.

— У меня никого нет, — добавил он, будто почувствовав, о чём мы думаем. — Но это тоже не удивительно.

Хорнет медленно кивнул.

— Мы тут все одинокие волки. Или... — он посмотрел на Петровича.

Усатый великан чуть усмехнулся.

— Да. Да, все.

Продолжать он не стал. Говорить дальше никому особо не хотелось. У каждого из нас за плечами был свой груз разной степени тяжести, наш крест, который мы единолично несли на свою Голгофу, не зная, когда сами окажемся на нём — и обсуждать это не хотелось, это нужно было принять как данное, как факт.

В окна начал аккуратно постукивать дождь. Довольно скоро он превратился в сильный ливень, стуча в стёкла, как профессиональный пианист стучит по клавишам, играя какую-то безумную и очень быструю мелодию. Вспышки молний озаряли тяжелое, парижское небо, подчёркивая грубые линии туч. Гром сотрясал старую гостиницу.

Мы смотрели в окно, ожидая, что ливень скоро закончится — обычно такие дожди, начинающиеся очень быстро, также быстро и заканчиваются. Но этого не произошло. Он взял перерыв лишь следующим днём, примерно на час. Солнце не успело выглянуть из-за светлеющих облаков. Ливень снова застучал по деревянным, покосившимся крышам. Когда мы отправились на встречу со связным, он всё ещё продолжал идти.

— Я промок как шлюха, — проворчал Хорнет, снимая с головы мокрый капюшон дождевика. Выглядел он как только вылезший из норы суслик.

— Не бурчи, — Петрович повторил его действие. — Дождевики сделали свое дело. Хорошая одежда.

Рокки согласился с усачом. Я промолчал.

Мы находились под фасадом одного заброшенного вокзала. Когда Третья мировая только началась и Франция стала поддерживать Северное Трио, по Парижу было выполнено несколько прилётов, один из которых разрушил этот вокзал. Центральная часть была

уничтожена — крыша обвалилась на рельсы и разгребать завалы уже никто не стал. По краям же здание осталось относительно целым, и сейчас здесь было достаточно темно, чтобы можно было некоторое время находится на его территории незамеченными. Напротив вокзала стоял старый католический собор — красивой, величественной громадой он возвышался над остальными постройками. В собор обычно ходили люди, но был ли кто-нибудь внутри сейчас, я не знал. Снаружи никого не было точно. Оно и ясно — никто не хотел находиться под дождём.

Где-то в восточной части города загрохотал гром. Мне снова показалось, что это ушел в чёрные тучи ракетный залп. Или не показалось?

— Эй, парни, — подал голос Хорнет. — Смотрите.

У соседнего здания, какого-то старого, заброшенного цеха, появилась фигура. Она двигалась прямо к нам. Мы инстинктивно сжали оружие под плащами, однако незнакомец рук не поднимал — вынырнув из-за завесы дождя, он подошёл к нам и, как и мы до него, скинул капюшон.

Человек был среднего роста и имел огненно рыжие волосы — на вид ему было около девятнадцати, может, двадцати двух лет. Что же, один вопрос отпадал сразу. Теперь сразу стало понятно, почему его позывным был Лисёнок.

— Приветствую, — он кивнул. Мы поочередно представились. — Как вам Париж?

— Нихуя не так романтично, как хотелось бы, — снова проворчал Хорнет. — Ещё и мадемуазели с кем попало спят.

Лисёнок чуть улыбнулся.

— А когда они спали не с кем попало? Опасное время для войны, *Homme rapide* (Быстрый человек).

Хорнет нахмурился, хотя было спросить, чем его сейчас назвали, но Петрович его опередил:

— Какой у нас план, Лисёнок? Ветрогон дал задание, но сказал, ты обмозгуешь все подробнее.

Лисёнок кивнул.

— Все верно. Но позвольте для начала отвести вас в укрытие — там я и посвящу вас в детальный план наших действий.

И шагнул во тьму вокзала. Мы переглянулись и, молча, последовали за ним.

Как бы удивительно это ни было, на территории вокзала было достаточно сыро — дождь лил через обрушенный потолок, заливая зелёные кусты и траву, пробивающиеся через шпалы и рельсы. Кусок темно-серого неба давал тусклый свет, но долго нам наблюдать его Лисёнок не позволил. Свернув в один из проходов внутри вокзала, он пошел по какому-то коридору; буквально на ощупь мы последовали за ним. И только когда мы повернули за угол, он достал откуда-то из мрака фонарь. Тот вспыхнул ярким, жёлтым костерком, отблесками пламени мерцая на стенах.

— Следуйте за мной и никуда не сворачивайте, — сказал Лисёнок. — Парижские катакомбы — достаточно гиблое место. Не счесть, сколько народу здесь сгинуло во время Второй мировой — и было бы полбеда, если б сгинули они от холода и голода.

— О чём ты? — по голосу было слышно, что Хорнет занервничал.

— Потом расскажу. Сейчас идите тихо и ничего не говорите. Эхо может долго лететь по коридорам.

И мы шли. Когда мне начало казаться, что стены из древнего кирпича и земли, из

которых торчали корни деревьев, уже никогда не закончатся, мы, наконец, вышли в небольшое круглое пространство, напоминающее чье-то логово: чем, по сути, оно и являлось. Здесь было темно. Когда мы оказались внутри, Лисёнок закрыл за нами стальную дверь, после чего поставил фонарь на стол. А потом, к нашему большому удивлению, дёрнул рубильник на стене. Круглое помещение озарилось блеклым и мутным светом флюоресцентных ламп.

— Добро пожаловать в Бэт-пещеру, — сказал рыжий. — Тут, конечно, не логово Брюса Уэйна, но нацисты об этом месте не знают, да и найти его тяжело.

— Недурно, — Хорнет тут же приземлился на что-то, напоминающее спальник. — А тут есть багеты?

Лисёнок запрокинул голову и засмеялся.

— По-твоему, их можно законсервировать и хранить сколько вздумается?

— Вдруг кулинарные парижские технологии...

Связной покачал головой.

— Нет. Но есть достаточно много консервов, которыми я и предлагаю перекусить. Только будут они холодными — здесь нечем греть еду, а костёр разводить не лучшая идея, дыму почти некуда уходить, а запах горелого может уйти далеко.

Консервы, несмотря на их температуру, зашли на ура. Свинина и говядина — хоть отбавляй. Я хотел было спросить откуда у Лисёнка столько еды, но не стал, потому что рот был занят. Не то, чтобы мы были голодными. Просто иногда хочется есть, поэтому и ешь. Вот и всё. Как позже мудро поведал Хорнет, дело было в нервах. Во время военных действий они медленно уничтожаются, а потом восстанавливаются путём поглощения полезных веществ. Мне думалось, что нервные клетки или не восстанавливаются, или восстанавливаются очень медленно, но спорить с ним я не стал. Мне было абсолютно плевать, восстанавливаются нервные клетки или нет.

— Ну так... — Петрович аккуратно сложил три пустые баночки консервов в стопку и отодвинул. — Что у нас по плану?

Все вопросительно уставились на Лисёнка. Тот кивнул.

— Значит, рассказываю. Я проведу вас тоннелями под землёй прямо к комплексу — это не проблема. Попасть на территорию тоже не проблема, вход там по специальным картам, карта у меня есть. Проблема — вывести учёного из самого места и правильно обезвредить боеголовки. Без него вы вряд ли это сделаете.

— Мы? Ты с нами не пойдешь?

— Не пойду. Объясню почему: вы не единственные, кто участвует в этой операции. Отсутствие главного учёного заметят достаточно быстро, начнётся шумиха. Чтобы вы могли спокойно уйти — и не только — будет прикреплен специальный штурмовой отряд, который штурмом возьмёт комплекс под свой контроль. Мне нужно его сюда привести.

Хорнет нахмурился. Рокки молчал. Петрович кивнул.

— Ветрогон?

Лисёнок тоже кивнул.

— Да. У вас ведь ракеты остановить не единственное задание, верно? Слышал, есть старые счёты с одним уродом.

— Есть, — сказал я. — Он должен находится где-то над комплексом. Его зовут Йокир Мейгбун.

— Да, личность довольно известная даже среди французских слоёв. Надеюсь,

прищучите гада. Это очень жестокий человек.

— Он не человек.

Лисёнок понимающе кивнул.

— А как, — тихо кашлянул Рокки, — мы выведем учёного?

Связной улыбнулся.

— Я рад, что ты спросил. Но сразу говорю, вам это не понравится.

И нам это действительно не понравилось. Но другого выбора не оставалось.

Французские рабочие называли это место — Котлован. Не только потому, что тут было жарко и всюду выстреливал пар, но и своим интерьером и темнотой это место напоминало сам ад. Или, возможно, оно в действительности им и было.

По бокам располагались острые скалы пещеры. Внизу, развалившись бездонной, черной громадой, лежал уголь, который добывали работающие здесь люди. Выбивая «черное золото» кирками, отправляя в скопившийся воздух снопы искр, они загружали его в покореженные, ржавые тачки, и отвозили куда-то назад — в какую-то часть здания, которая уже представляла собой, судя по внешнему виду, полноценный и мощный завод. Он, видимо, и был частью самого военного комплекса.

Влиться в ряды грязных, потных рабочих, не составило большого труда. Одежду, правда, пришлось вывалить в грязи — но только Петровичу с Рокки. Нам с Хорнетом досталась чистенькая форма сотрудников самого комплекса.

План Лисёнка был до чертиков прост и банален. Такие ходы частенько проворачивают в каких-нибудь фильмах-боевиках. Сказалась ещё и самонадеянность самих нацистов: вряд ли они допускали, что враг может сунуться прямо крокодилу в пасть. Как и норвежцы, французы были чересчур самонадеянны.

Мы с Хорнетом еле влезли в небольшие вагонетки, используемые рабочими для транспортировки угля на территорию завода. Сверху Рокки с Петровичем установили железные листы — они плотно прижимали нас к днищу вагонетки, а поверху ещё и присыпались для пущей видимости углём. Внутри было очень жарко и неудобно. Когда Петрович на пару с Рокки провезли нас мимо блокпоста охранников, напряжение немного спало. Когда мы вылезли с вагонеток в темном помещении с достаточно высоким потолком, стало ещё легче. А когда Петрович достал карту комплекса появилось чуть ли не чувство эйфории. Впрочем, скоро оно сменилось волнением.

— Люпен Мишель, — усатый здоровяк тыкнул пальцем в точку на цветной бумаге, — должен находится здесь. Мы, — он ткнул в другую точку на другом конце, — тут.

Хорнет почесал физиономию.

— Мы как-то, как бы эдак вежливо сказать, немного далеко.

— Просто карта большая, — буркнул Петрович. — Так-то оно куда ближе. Мы будем идти за вами, но по углам. Глушители на пушки нацепили?

Мы с Хорнетом кивнули.

— Тогда ни пуха, ни Винни-Пуха. Сделаем дело и отдохнём наконец. А сейчас — вперед.

Место напоминало завод из первого «Терминатора», только темнее и будто бы плавнее. Людей не было вообще — видимо, большая часть находилась в зоне, где располагалось

вооружение, либо имел место какой-то перерыв. Как оказалось, так оно и было, но уши не все. Среди тёмных, острых силуэтов металлических объектов, вынырнули две фигуры, одетые в такую же одежду, как и мы. Они молча и как-то недружественно посмотрели на нас с Хорнетом. Я уже было хотел потянуться за оружием, как они просто прошли мимо.

— Je ne les ai jamais vu avant (*Я никогда не видел их раньше*).

— Des visages dégoûtants. Je les ai battus avec joie, douloureusement semblables aux Russes (*Просто отвратительные лица. С радостью набил бы их, а то больно похожи на русских*).

Два глухих хлопка позади. Звук двух тел, одновременно упавших на пол. Я не понял, о чем они говорили, но теперь они сказать не могли ничего. Петрович и Рокки отработали моментально.

— Тела прятать будем?

— Нет времени, — здоровяк качнул головой. — Идите дальше.

И мы пошли. И шли до тех пор, пока металлические внутренности комплекса разом куда-то не делись, дав место светлым, красивым коридорам.

— Тут как-то неуютно, — проворчал Хорнет.

— И негде укрыться, — сказал Рокки. — Петрович, может, подождем тут, а как они заберут профессора, уведём этой же дорогой? Я не струсил, просто если они все набегут — нам пиздец.

— Идём дальше, — качнул головой в который раз усач. — Помните, что нас не четверо, а больше. Ветрогон ведёт группу. А нам нужно не дать запустить в небо ядерные боеголовки. Если что — плевать, будем отстреливаться здесь, если нужно. Сдохнем, но ракеты не взлетят. Вперёд!

Вперёд. Только одно слово, а как тяжело его исполнить. Вперёд. «Марш, чтоб время сзади ядрами рвалось». А что, если мы действительно все здесь умрем? Что, если французы расстреляют нас среди этих белых, холодных стен, и наша кровь будет растекаться по сверкающим полам? Что...

Нет, плевать. Вперёд — пока смерть не оборвёт дыхание.

Но все случилось раньше, чем мы рассчитывали. В конечном счёте сложно было сказать, сыграло это нам на руку, или наоборот. Однако всё получилось как получилось, и анализировать это по сотне раз смысла не имело.

Группа Ветрогона раньше вошла в помещение с боеголовками чем мы. Как — непонятно. Возможно, Лисёнок провел их более короткой дорогой, возможно, дело было в какой-то подставе, которую никто не ждал. Тем не менее, охрана заметила одного из диверсантов, а после предупредительного выкрика, после которого не последовало ответа, схватилась за оружие. Военный комплекс был тут же поднят на уши. Люпена Мишеля сразу оцепили кольцом вооруженных французов. Началась заварушка.

Двери перед нами распахнулись. Двое. Всё, что успели — только поднять оружие. Пистолет в моих руках вздрогнул, выпуская пулю. Пистолет Хорнета сделал тоже самое. Пуль не хватило — пришлось добить. Но времени на экономию боеприпасов не было, поэтому пользоваться руками или холодным оружием не стали. Пистолеты снова вздрогнули.

Петрович не успел дать указание немедленно найти учёного. Через несколько коридоров, оцепленный группой нацистов, он предстал перед нами — как и большинство учёных, Мишель представлял собой некрупного, щуплого и лысеющего человечка в очках.

Французы нас заметили тут же. Над головами загрохотали пули, и мы, насколько быстро это было возможно, бросились по укрытиям.

— Рок, Штиль! — гаркнул через гром стрельбы Петрович. — Ракеты надо обезвредить! Не прибеите его! Хорнет, ты...

Тут Петрович и поймал свою первую, но далеко не последнюю пулю. Из плеча здоровяка вдруг вырвался алый всполох и он осел ещё ниже, прячась за грудой каких-то металлических ящиков.

— Петрович! Ты как? — крикнул я из-за таких же коробок. Рокки, сидевший рядом, резко поднялся и дал пару выстрелов по врагам. Снова сел. Хорнет укрылся за какой-то массивной железной дверью, ведущей в другое помещение.

Петрович, достаточно быстро побледневший, пробормотал что-то совсем не слышно. Смысл я понял по губам — «Жить буду». И то неплохо. Оставалось решить проблему. Гранату бы, но там Мишель... Сука. Что делать?

В этот момент я ощутил прилив какой-то неожиданной, чуть ли не дикой злобы. Откуда она взялась, я не понимал. Просто резко стало досадно. Досадно от того, что мы сидели в самом центре французских сил противника. От того, что в Петровича всадили пулю. От того, что в принципе идёт такая бессмысленная, глупая война — как и большинство других войн. Сложилось чувство, будто вся несправедливость мира обрушилась на нас. Но это ведь нечестно, верно?

— Рокк, сделай вид, будто кидаешь гранату, — крикнул я.

— Но у нас нет гранат!

— Да похуй! Пусть повыскакивают с мест, так и перебьем их к ебням!

Трюк, такой тупой и дикий, сработал. Напарник вылез из укрытия, взмахнул рукой, кинул воздух и присел обратно. Заметившие это движение французы испугались. Некоторые отпрыгнули куда-то в стороны, вглубь своих укрытий, а некоторые прямо в центр прохода, за что-то тут же и поплатились своими жизнями. Хлопок, дрожь, кровь, смерть. Всё почти что просто. Или, напротив, просто. Доктор, также оказавшийся посреди, не пострадал. В этот момент вовремя подключился Хорнет. Пока французы ждали взрыва гранаты, он бросился к учёному, схватил его за руку и потащил обратно в укрытие. Когда противники поняли, что их обвели вокруг оси, повскакивали со своих мест и открыли по нам огонь. Ни Хорнет, ни Мишель не пострадали. Мы с Рокки, со взведёнными пушками, встретили французов ответными выстрелами. Некоторые достигли цели. Чаша весов склонилась в нашу пользу — стоило лишь сделать одну небольшую хитрость.

Объяснить учёному, кто мы такие и что от него хотим, оказалось сложнее, чем мы надеялись. Даже с заученными, устойчивыми выражениями, которыми напичкал нас Ветрогон, учёный не мог разобрать, что мы лепечем. Помог Рокки. Напарник наглядно показал взлетающую ракету, которая потом падала, все взрывала, а затем показал, что такого нам не надо, и ракеты должны либо взорваться здесь, либо не взлететь вовсе. Люпен Мишель всё понял. Помолчал с секунд десять, а затем сказал, поправив очки:

— *Unité principale* (Главный блок).

— Что? — Хорнет широко открыл глаза.

— *Unité principale* (Главный блок).

— *Lieu principal!* (Главное место!) — воскликнул я. — *Centre de contrôle* (Пункт управления)?

Учёный закивал.

— Ce n'est qu'à partir de là que je peux désactiver tous les missiles à la fois. Mais je ne peux pas garantir que nous n'exploserons pas(*Только оттуда я смогу вывести из строя все ракеты. Однако я не могу гарантировать, что мы не взорвемся*).

— Я ничего не понял, — Рокки выглянул из-за укрытия и снова выстрелил несколько раз. — Парни, они, кажется, позвали друзей!

— Он только там сможет отключить всё сразу, — кое-как понял я. — Петрович, ты как?

— Прошла навывлет, — здоровяк уже успел перевязать рану бинтом. — Повезло.

— Идти сможешь?

— Да.

Я посмотрел на учёного и кивнул.

— Avant(*Веди*).

Глава 7. Сны и кровь

В середине нулевых годов ученые заметили, что в океанах появились виды существ, считавшихся вымершими миллионы лет назад. Вместе с этим обнаружили и такие, которых люди никогда еще не видели. Как так получилось, что популяция морских созданий выросла после войны, а не сократилась, как ожидалось? Может ли это быть как-то связано? Возможно, дело в каких-либо секретных военных испытаниях. Или в чем-то другом.

Василий Бардов, белорусский археолог

Натирать стаканы — дело медитативное. По-крайней мере до тех пор, пока они не кончаются. Хоб — и стоят, блестят себе при неоновом свете флуоресцентных ламп. Не то, чтобы это было важным делом в баре. Я не придавал внешнему виду стаканов, бокалов и остальной стеклянной посуде огромной важности. Тем более, это был бар. Тут не успеваешь эти стекляшки в принципе в руки отдавать, что и говорить об их внешнем виде. Но когда есть время, почему бы этим не заняться?

Сегодня в «Рефлексе» было спокойно. Я стоял в смене один, часы указывали четыре часа дня, и людей в баре практически не было — лишь несколько дневных скитальцев сидели одиночками за аккуратными, пустыми столиками. Солнечный свет проникал в помещение через узкие окна, расположенные под самым потолком. Скучно, но красиво. Никакой шумихи не хотелось. Я получал удовольствие от тишины в помещении. Было хорошо.

Тут дверь в бар распахнулась и в заведение вошёл Огонёк. Парень, увидев меня, сразу же улыбнулся и направился к барной стойке. Когда солнце проходило через его рыжие волосы, те словно вспыхивали ярким пламенем. Красивая иллюзия. На мгновение я вспомнил одного парня, которого однажды встретил во Франции во время войны. Он провел наш отряд через катакомбы.

— Привет!

— Привет.

Мы пожали друг другу руки.

— Как дела?

— Да вот, устроился тут подрабатывать, — я повертел в руке чистый стакан. — В целом, неплохо — тихо и хорошо. Вечерами бывает шумно, это раздражает.

Огонёк понимающе кивнул.

— Люди иногда в принципе раздражают, сами по себе. А некоторые — даже своим присутствием. Но это надо быть прям говнюком. Ну, знаешь, такие всем тыкают, много о себе думают и могут голос повысить. Я их называю псевдошишками.

Теперь понимающе кивнул я.

— Да, человек собственной важности не знает границ. Москва, что и говорить. Впрочем, такие почти везде есть.

Огонёк сел на стул.

— Тебе налить что-нибудь?

Парень качнул головой.

— Перекусить?

— Нет, не надо.

Мы помолчали.

— Я спросить хотел.

— Жги.

Сережа немного наклонился вниз и тихо сказал:

— Ты начал ходить в бойцовские клубы?

Я кивнул. Огонёк задумался.

— Я приду, приятель.

Сергей удивлённо посмотрел на меня. Я развел руками.

— Ты дружишь с Петровичем, а Петрович мне как брат. Конечно я знаю. Волнуешься перед боем?

Парень постучал костяшками пальцев по столу. Я обратил внимание, что несмотря на не крупное телосложение и не длинные руки, кулаки у него были тяжёлые, сбитые. Интересно, сколько он сейчас тренируется?

— Честно говоря, да. Эрвин — опасный тип. Если проиграю — могу и не выжить. Если выиграю — заработаю огромную кучу денег.

— Никакие деньги не стоят человеческой жизни, даже самые зелёные.

— Это понятно, Ар. Но отступать мне уже некуда, да я и не хочу. Это как книгу писать, когда написал уже достаточно много, не хочется забрасывать, потому что жалко количество убитого на дело времени.

— Ты ещё и книги пишешь?

— Пытался. Не хватило.

— Не хватило чего?

— Меня.

Теперь задумался я.

— Вот короткое что-то могу написать. Например, зарисовки о путешествиях — такое я просто обожаю, — Огонёк обвёл взглядом полку позади меня, где рядами стояли бутылки бурбона и виски. — Хочу когда-нибудь сборник сказок написать. Но это когда-нибудь, однажды. Ну, знаешь, вдруг дети будут.

— Да, это хорошая мысль. Когда я был ребёнком... Да. Когда я был ребёнком, мама читала мне сказки Ганса Христиана Андерсона. Некоторые были достаточно страшные, но слушать было очень интересно.

— У тебя хорошая мама, — заметил Огонёк.

— Да, — согласился я. — Была хорошей.

— Прости.

— Ничего. Но, знаешь... Сказки — это хорошо. Может быть тот, кто читает сказки, никогда и не вырастет, но если цена взросления — жизнь без всего того, что эти истории несут, то она слишком высокая.

— Хорошо сказал.

— Бурбона?

— Воды. Пока не надеру Эрвину жопу, пить не буду.

Я засмеялся.

— Хороший настрой. Уже думал над тем, куда потратишь деньги?

— Нет. Стараюсь не думать.

Я понимающе кивнул.

— Надейся на лучшее, готовься к худшему.

Огонёк улыбнулся.

— Да.

А потом неожиданно встал.

— Ладно, Ар, я пойду. Увидимся тогда в четверг.

— Удачи, приятель. С радостью посмотрим, как ты надерешь ему жопу.

— Спасибо! И до встречи.

Огонёк, сверкнув своей огненной шевелюрой, ушёл. Я продолжил натирать стаканы.

— Мистер Петрович, вы, смекаете ли, загораживаете проход.

— Мистер Дед, просто встаньте спереди.

— Что орку хорошо, то хоббиту — смерть.

— Ты сейчас меня в орки записал? — Петрович нахмурился.

— Нет, сразу в злых чародеев. Подвинься! — Дед с трудом протиснулся между усачом и каким-то парнем слева. Мы с Зоей стояли позади их обоих. В бойцовском клубе сегодня было оченьлюдно и шумно. Яркие, жёлтые лампы освещали пока что пустую арену, на которой скоро должны были появиться Эрвин и Огонёк. Табачный дым медленно клубился в воздухе, но те, кто пришел сюда не в первый раз, уже знали, что стоит бою начаться, как он заполнит собой помещение полностью. Это знали и мы. Все переживают за свои деньги.

С трудом мы пробили себе места и уселись на скамье поближе к арене. Петрович выглядел спокойно, но как человек, знающий его давно, я знал, что друг немного нервничает. Дед был полностью расслаблен — в правой руке он держал банку пива, левой поправлял в кармане косухи пачку сигарет. Готов был поспорить, что это была новенькая пачка «Кента». Зоя с интересом осматривала всё вокруг. В отличии от нас троих она Огонька ещё ни разу не видела.

— Знаете, — сказал Дед, сунув сигарету в рот. Да, это был «Кент». — Что общего у Гэндальфа Серого и Майкла Джексона?

Петрович скосил глаза на Березовского. Мы с Зоей не ответили, ожидая ответа.

— Они оба любили малоросликов.

Я не выдержал и засмеялся. Зоя стукнула Деда по плечу. Она любила Майкла Джексона. Петрович усмехнулся.

— Да ладно, шучу я, — Дед поджёг сигарету. Её огонёк плавно вспыхнул среди множества других огоньков, осветив рыжеватую щетину. — Я тоже люблю Майкла Джексона.

Зоя недоверчиво на него посмотрела.

— Да?

— Конечно.

Она опустила руку и улеглась обратно мне на плечо.

— Думаю, будь я лет на тридцать помладше, он бы тоже меня любил.

— Господи! Ты можешь хотя бы день прожить без чёрных шуток?

— Без чёрных? Могу.

— Вот и докажи!

— Но не без шуток.

Меня затрясло от смеха. Петровича тоже прорвало. Жена закатила глаза. Я поцеловал её

в щеку.

— Расслабьте булки, малыши. Юмор, даже чёрный, помогает выжить в этом ужасном и бренном мире. Хочешь дать просрать обстоятельства — посмейся с них. Всё в наших головах.

— В процессорах, — заметил я.

Дед поднял вверх указательный палец.

— Именно. О, смотрите! Кажется, начинается.

И действительно начиналось.

Что мне действительно нравилось в бойцовских клубах — это атмосфера, которая получалась, когда бойцы и зрители вместе находились в зале. Напряженно молчавшие люди и громко кричащие фанаты, те, кто пришел сюда исключительно ради денег и те, кому нравилось выпить в необычном месте — всех их объединяло одно. Каждому, так или иначе, нравились драки. Нравилось смотреть и даже чувствовать, как ломаются кости, как бьётся сердце, как кровь вылетает из разбитых носов. Почему? Причин много, но главной было чувство жизни. Чувство ощущения жизни. Когда дерешься или смотришь за боем — тело, так или иначе, даёт реакцию. И эта реакция захлёстывает с головой. Плохо ли это? Может быть. Хорошо ли? Возможно. Но это было так.

Те немногие лампы, до того горевшие над головами зрителей, погасли. Те, что висели над территорией арены, засияли ярче. Сигаретные кусочки пламени маленькими костерками горели вокруг. Пламенное, колышущееся море. Горький смог. Да, сейчас начнется.

Мужик, похожий на небритого Джоша Хэмилтона, появился внезапно и плавно, выскользнул из темноты и очутился напрямиком в центре арены.

— Добрый вечер, дамы и господа.

Приветственные хлопки и выкрики.

— Если позволите, — он немного вытянул шею, словно гусь, — я буду сегодня краток. В конце концов, мы не за разговорами сюда пришли, верно?

Одобрительный шум. Дед хмыкнул.

— Хорошо с толпой работает, — выразил я его мысль.

Друг кивнул.

— Хорошо.

— Сегодня, — ведущий вытянул ногу, словно проверяя, есть ли на штанине складки, — будет бой между молодым человеком, известным как Огонёк, — на этих словах толпа разделилась надвое. Одни одобрительно хлопали, другие заулюлюкали. — И бойцом, также известным и без всяких титулов: Эрвином, — при произношении имени последнего улюлюканий не было. Народ принял Эрвина исключительно дружелюбно. Петрович, тоже заметивший это, немного нахмурился. Я хлопнул его по плечу. — Пожелаем же удачи обоим бойцам и пригласим их на арену.

Бойцы, на мое удивление, появились также, как и «Джош Хэмилтон» — мгновенно выскользнули из полумрака бойцовского клуба, словно стояли там изначально, а мы их просто не замечали. Впрочем, так оно, может, и было.

Эрвин был одет в простые белые штаны. Некрупный, крепкий и коренастый, голову и лицо покрывала короткая, густая щетина. Не нужно сильно разбираться в драках и людях, чтобы понять, что это был достаточно опасный боец. Иногда чем проще человек кажется с виду, тем более сложным он является внутри. С Эрвиным, я не сомневался, дела так и обстояли.

Огонёк был одет в джинсы. Насколько я мог судить со скамьи, они были максимально лёгкими и просторными — не сильно облегали ноги, но и не стали бы мешаться во время боя. Выглядел он спокойно — но как человек, работающий с людьми, я видел, что на самом деле Огонёк напряжен. Скулы, обросшие рыжеватым волосом, словно были выбиты из мрамора, а усы вовсе, казалось, источали электричество.

«Давай, друг. Ты сможешь. Нужно немного расслабиться».

— Тренеры, последнее напутствие. Хорошо! Бойцы, приветствие.

Огонёк и Эрвин хладнокровно стукнулись руками.

— Начали!

Если кто-то и ставил на то, что Гаргарьин упадёт в первую минуту, остаётся этому умнику только посочувствовать. Начавшийся бой напоминал безумную пляску со смертью, если вы что-нибудь слышали про «Атаку титанов», то, наверное, приблизительно понимаете, что я имею в виду.

Руки бойцов были расставлены правильно. Ни единым движением Огонёк не совершал ошибки: ноги двигались полукругом, руки блокировали удары Эрвина, который, в свою очередь, грамотно и неспешно наступал, пытаясь притеснить врага к ограде ринга. А потом Огонёк неожиданно перешёл в наступление. И толпа вокруг начала так эффективно вбирать в лёгкие дым, что мне показалось, будто в бойцовский клуб прибыл паровоз. Два титана сошлись на арене в яростной схватке. И те, кто сомневался в Огоньке, уже не знали, кто выйдет в ней победителем. Наверное, никто не знал.

Эрвин отступает назад. Нос коренастого бойца разбит. Из обеих ноздрей идёт кровь, но бой из-за таких мелочей не прекращается. Это вам не бостонские бойцовские клубы, про которые я немного наслушался от Деда. Там, мол, одни сопляки дерутся и вообще все обстоит куда мягче. Тут победа или поражение, сломанный носик никого не волнует. Победа или позор, победа или стыд, победа или смерть.

Огонёк делает выпад вперёд. Он максимально сосредоточен: парень не бросается на противника, как сумасшедший, нанося миллион беспорядочных ударов. Да, он быстр. Да, он точен. Но не безрассуден. Победа или смерть, не иначе. Кулак Огонька с неизвестной, но определенно огромной мощью попадает Эрвину в бок. Отсюда не слышно, но я чувствую, как ломаются его рёбра. Огонёк с рассеченной бровью, из которой кровь заливает левый глаз, делает отступ назад.

— Да, этот парень умеет драться, — негромко сказал Дед, сунув в рот новую сигарету. — Но странно.

— Что странно? — спросил я, наблюдая, как Огонёк зажимает Эрвина в углу.

Тут толпа дружно охнула. Мы, за исключением Деда, повскакивали с мест.

— Вот это странно, — выдохнул Дед дым.

Эрвин будто получил второе дыхание. Неожиданно вырвавшись вперёд, боец нанёс Огоньку два мощных удара: один справа, чуть выше линии скулы, другой слева, чуть выше подбородка. Серёжа, не ожидавший такого резкого нападения, отступил на несколько шагов, чуть не вылетев за пределы ринга. Но на этом дело не закончилось. Эрвин атаковал снова той же двойкой. Первый удар настиг лица Огонька, а от второго он сумел увернуться. Развернувшись напрямую лицом к врагу, он хотел было атаковать, но не стал. Я снова удивился самообладанию этого рыжего, усатого парня. Только что его чуть не отправили в нокаут, но он не кидается как бешеный пёс в бой. Такой выдержке можно только позавидовать. Только холод, только расчёт. Но насколько его хватит?

А потом они неожиданно сцепились. Раз, два. Удар под дых. Удар сбоку. По щеке, по виску. Кровь льётся чуть ли не рекой на ринг, грозя в какой-то момент перелиться через край. В какой момент битва приняла оборот, когда драка становится единым, смазанным движением, мы не заметили. Мы стояли и кричали, пытаюсь всячески поддержать Огонька, которому определено было не до нас. Но, всё-таки хотелось думать, что он нас слышит, и какой-то частью сознания, если такая оставалась, понимает услышанное, и это ему немного помогает. Но мы этого не знали.

А затем Огонёк, лицо которого уже почти полностью залило кровью, вырвался вперёд и контратаковал Эрвина точно такой же двойкой, которую нанёс ему противник до этого. Только получилась она мощнее и чётче: оба удара прилетели точно в линии скул. Эрвин, только что крепко стоявший на ногах, оглушительно грохнул на пол. Арена едва ли не затряслась от падения. Толпа взревела.

Да, поражение было однозначным. Никаких десяти секунд и отсчитывать не потребовалось. Да и о каких десяти секундах речь? Это бойцовский клуб, тут всё ясно, как дважды два. Упал — значит, скорее всего, окончательно. По-крайней мере, с Эрвином так и вышло.

Как обычно и работает с людьми, стоит тебе хоть раз не понравиться им, и ты превращаешься чуть ли не в изгоя общества. Но если вдруг ты сделаешь что-то, что понравится одному члену этого самого общества, то высок шанс того, что это понравится и другому. Люди изменчивы, их мнения похожи на колышущиеся колосья под порывами ветра. Иногда это непостоянство могло обернуться как большой удачей, так и огромным несчастьем. Но именно так оно обычно и действует.

Огонёк не стал спускаться после победы вниз и праздновать. Да и куда ему? Парень лишь улыбнулся нам разбитыми губами с арены, когда «Джош Хэмилтон» объявлял его победителем, а потом исчез в полумраке бойцовского клуба, также неожиданно, как появился.

— Эрвин оказался не таким уж мощным, — сказал радостный, и, наконец, чуть расслабившийся Петрович.

Дед покачал головой.

— Зря ты так. Он сильный сукин сын. Просто сегодня, видимо, не его день.

— Никаких «дней»! Огонёк победил исключительно работой над собой. Кто усерднее — тот и выиграл.

Дед не стал ничего на это возражать. Через некоторое время толпа начала понемногу рассасываться, и мы отправились к барной стойке. Хоть Гаргарьин и убежал, но мы за его по победу выпить хотели. Чем не повод?

— Друзья Огонька? — бар-леди, высокая шатенка с каре и яркими, синими глазами — я даже удивился, что такие бывают — посмотрела на нас.

Мы кивнули.

— Вам скидка пятьдесят процентов сегодня.

— Спасибо большое! — огромный Петрович забрался на стул. Усач был доволен. — Мне виски!

— С колой?

— Разумеется, нет!

— И в правду, — рассмеялась шатенка. — Как я могла вам такое предложить? Со льдом?

— И только!

— А вам? — она устремила взгляд на нас.

— Пиво, — сказал Дед.

— Медовуха, — ответил я.

— Медовуха, — закончила Зоя.

Барменша кивнула и принялась разливать нам напитки. Когда она закончила наливать нам медовуху, Дед уже опустошил пол-бокала пива, а Петрович требовал третий стакан «Джека Дэниелса». «Во даёт, — подумал я, — ест для своих габаритов немного, зато бухла может выпить восемнадцать бочек и ещё три — если поднатужится. По жилам, наверное, вискарь течёт вместо крови».

Как оказалось дальше, бар-леди звали Анной, и она была одной из немногих близких подруг Огонька. Пока тот, в свою очередь, зашивал своих знакомых бойцов, она выхаживала его, чем и планировала заняться сегодня после смены. Мы же ей рассказали о себе — что мы с Зоей глубоко женаты, чем увлекаемся, и как тут оказались в принципе. Дед поведал, что он держит сеть шаурмечных, а Петрович, с которым у Анны оказалось больше всего общих тем, поведал, что он бармен в «Рефлексе». И неспешным, снежным комом, мы прообщались так почти до самого закрытия бойцовского клуба. Когда пришло время двигать войска, Анна покинула место вместе с нами.

— Рада была познакомиться, — с улыбкой сказала она, когда мы поднялись по длинной лестнице и вышли на улицу, где уже постепенно светлело, но рассвет ещё не наступил. — Обязательно скоро увидимся!

— Обязательно! — сказал пьяный и даже немного счастливый Петрович. Фонарь над его головой, льющий на всех нас жёлтый свет, мигнул, поморгал и продолжил работу. — Передайте Огоньку наши поздравления!

— Непременно! До встречи! — Анна зашагала по асфальтированной дороге между зелёных кустов.

— Хорошенькая, — тихо заметил Дед, почесав рыжую щетину.

— Да, — Зоя взяла меня под руку. — Надеюсь, поскорее с ней затусим.

— А куда мы денемся? — Дед вытащил из пачки сигарету, помял её в руке и сунул обратно. На мой удивленный взгляд ничего не ответил. Только посмотрел куда-то среди высоток, в некоторых окнах которых уже начинал гореть свет. — Ладно, малыши, доброго утра вам тогда, отсыпайтесь. Увидимся, Петрович.

— До встречи.

Березовский исчез в кустах в том же направлении, в каком и ушел в прошлый раз.

— Ну, — Петрович вдохнул чуть прохладный, августовский воздух. Воздух, каким пахнет раннее утро. — По домам, ребята?

— По домам, Петрович. Вот видишь, кстати — ты волновался, а зря, Огонёк нормальному пиздюлей навешал.

Петрович закинул голову вверх и засмеялся в синеющее небо.

— Хорошо сказал, Штиль. Хорошо. Ну, доброй ночи.

— Пока!

Мы с Зоей снова остались одни в предрассветной мгле.

— Домой, малышка?

Жена покачала головой.

— Давай пройдем пешком до следующей станции.

— Ты на метро хочешь?

— Нет. Просто хочу погулять.

— Хорошо.

И мы пошли. А потом, через некоторое время, снова вызвали такси и поехали домой. Жена уснула почти сразу же. Я — чуть за ней.

Этим утром обошлось без звонков.

На квартире у Огонька, той самой, которую Петрович снимал после возвращения с войны, я оказался неожиданно сам для себя. Прошла неделя с тех пор, как наш рыжий падаван победил Эрвина в бойцовском клубе. Как так вышло? Позвонил Петрович. Все-таки его звонок состоялся, хоть и не тем же утром и не в тот же день. Сказал, мол, Огонёк попросил заехать, и сам он уже там. Для чего никто не объяснил. «Ехай сюда и всё» — бросил усатый здоровяк в трубку и повесил её.

Я вздохнул. Дело было после дневной смены и больше всего мне хотелось домой, обратно к жене. Но когда друг просит приехать, тем более такой, как Петрович, не явиться — преступление. Да и на Огонька хотелось посмотреть. Потому что с момента его победы никто не слышал про него ни слова.

Квартира эта находилась достаточно далеко от метро, в глубоком, спальном районе, где ещё сохранились исключительно продуктовые магазины — не сетевые, а обычные, — и аптек было не так много, а не столько, что на углу стоит по две штуки разом. Грубо говоря, место было хорошим, хоть и добираться до метрополитена не всегда удобно. Но какой-то большой проблемой мы с Петровичем это не считали. Да и Огонёк, видимо, тоже.

Поднявшись на третий этаж, я постучал в дверь квартиры. Через минуту открыл Петрович.

— Здоров, Арыч. Проходи.

— Здоров, Петрович. Как оно?

— Сам пока не знаю, — сказал друг. — Но щас узнаем.

— Решил интриги навести? И чего тут так темно? Забыли где свет включается?

Петрович покачал головой.

— Сказал: свет не нужен. Не знаю, Штиль, не задавай мне вопросов. Я также как ты приехал, сам без понятия, что и куда. Ладно, пойдем.

Мы прошли по небольшому коридору и открыли дверь в единственную комнату. В комнате, на балконе, спиной к нам стоял Огонёк. Окно было открыто.

Парень повернулся к нам. Выглядел он не так уж и плохо — голова моментами была перебинтована, где-то висел лейкопластырь, но в целом Гаргарьин достаточно крепко стоял на ногах.

— Привет.

— Привет.

— Как ты?

— Пойдет. Заживаю понемногу, до полного восстановления ещё долго, но все будет нормально. Бой оказался чуть легче, чем я думал.

— Это хорошо, — сказал я. — В жизни бывает так, что вроде все легче, чем кажется, а потом на тебе: долг в три миллиона и геморрой в придачу. А потом, когда потихоньку всё

разруливаешь, то и говоришь: Господи, спасибо, что это был геморрой, а не что-то похуже.

— Геморрой тоже не самая приятная штука.

— Что верно то верно, — буркнул Петрович.

— Итак... — я кашлянул. — Зачем ты позвал нас, друг? По делу или просто потусить?

Серёжа опустил подбитые глаза. Передёрнул усами. Потом словно собрался с силами и поднял голову:

— Я не знаю, насколько это необходимо, но я должен вам кое-что рассказать. Точнее, может и не должен, потому что вы тогда можете посчитать меня сумасшедшим. Возможно потому, что эта история — ну, наша, — она совсем не фантастическая, а вполне себе настоящая. Но кто сказал, что в ней не может быть чего-то странного?

Мы с Петровичем переглянулись. Глаза уже привыкли к темноте.

— Только я не знаю, хорошее это странное или плохое.

— Жги, Серёж, — здоровяк внимательно посмотрел на парня. — А там уже будем обдумывать, чего оно и куда.

Я кивнул.

— Садитесь за стол, — Огонёк кивнул головой на небольшой квадратный стол, стоявший справа от нас. Мы с Петровичем послушались, благо, у нас были табуретки — мы с ним сами их мастерили. — Не так давно, — начал Серёжа, — со мной случилась одна странная штука. Но началась она просто: я уснул. Сплю, значит, и потом резко понимаю, — Гаргарьин поставил локти на стол, усевшись рядом, — что я, кажется, и не сплю уже, а стою. Передо мной здание, похожее на пирамиду: ну, знаете, массонскую. И вокруг все в таких серых, стальных цветах, будто дождь идёт, хотя никакого дождя и не было. И тут я понимаю, что одет в идеальный костюм-тройку. И люди идут туда-сюда мрачные и серьезные. Мне стало не по себе, и я открыл глаза. Какой-то частью сознания я понял, что это сон, но когда я открыл их, то не проснулся, как думал, а упал в беспамятство, похожее на полудрёму. А потом я открыл глаза снова и оказался в снежном лесу. Да, вы не ослышались. Воздух был идеально чистый: я даже почувствовал его на какое-то мгновение. Вокруг поднимались высоченные ели, укрытые ярким, блестящим снегом, стоял ясный день. Через какое-то время я вышел на крутой склон, откуда открывался вид на остальную часть леса: всюду виднелись горы, сверкающие под ярким солнцем. Никакой цивилизации, абсолютно. И я проснулся опять.

Огонёк замолчал. Мы с Петровичем снова переглянулись, затаив дыхание. Говорить ничего не стали. Каждый бармен знает, когда вопрос надо задать, а когда нет.

— Следующий сон был ярче, чем остальные, но таким же живым, — Серёжа задумчиво посмотрел в стену. — И в этих снах были вы, парни.

Он снова замолчал на полминутки, после чего продолжил:

— Это был бойцовский клуб. Наш, в который мы ходим. Он забит до отвала и не особо похож на себя. Да, всюду сигареты и дым, где-то мигает барная стойка, но люди на диком взводе, каждый напряжен так, будто на ринг сейчас выйдет он. Я стою у ограды ринга в углу. Ты, Петрович, в первом ряду. Я смотрю вокруг, не понимая, что вообще происходит, и тут замечаю бойцов. Один из них падает, расплескивая свою кровь на пол. А над ним ты, Ар. Кулаки в крови, весь в поту, орёшь так, что дрожат стены клуба. Толпа словно взрывается. А потом я просыпаюсь.

Наступила тишина. Мы с Петровичем в который раз переглянулись.

— Знаю, — Огонёк кашлянул. — Вы думаете, что мне приснилась пара ярких снов, я

перед этим перебрал с пивом, или ещё что, но поймите, эти сны были настолько настоящими, что настоящее некуда. Вот как я с вами говорю — такие и сны были.

— Ну... — я почесал щетину, — знаешь, так тоже бывает. У тебя был, в конце концов, важный бой. Ты мог без проблем погибнуть. Пост-состояние стресса, или как его там. Мозг человека почти не изучен. Уверен, он и не такие фокусы может выкинуть.

— Да, но...

— Думаешь, это были не простые сны? — Петрович посмотрел на Огонька.

— Да.

Я скептически посмотрел на здоровяка.

— Петрович, ну ты-то куда тулишь?

— У меня тоже такое было, Арыч.

— И что?

— Мозг, как ты сказал, штука неизученная, а сны — они в мозге идут, скумекиваешь? Чисто если подумать, то они, мозги, могут такие штуки придумывать, что и представить нельзя.

— На то они и придумывают, Петрович.

Петрович упрямо покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он, — что означали первые два сна Огонька. Вообще без понятия. Но третий — он, возможно, показал нам будущее, Арыч.

— Совсем сбрендил. Оба, — ответил я. Увидев, что Серёжа открывает рот, добавил: — ну хорошо. Допустим, ты увидел будущее. Ты мне помогаешь на ринге, я навешиваю кому-то по щам. Да, ладно. И что? Мне что сделать? Перестать ходить в бойцовские клубы? Какой я урок должен вынести из этого?

Наступила тишина.

— Так и думал, — я поднялся из-за стола. — Не обижайтесь, ребят, это все очень увлекательно, но я не особо во все это верю. Мне тоже бывает разное снится, но с годами оно все реже и реже.

— Мой такой сон сбылся, кстати, — Петрович глянул на меня.

— Хорошо, Петрович, — я направился к выходу. — Надеюсь, это был приятный сон.

— Он был про ночь освобождения Люпена.

Я остановился.

— И он сбылся полностью?

— Да.

— Так или иначе, мы не можем управлять будущим. Нам дано лишь настоящее. Да и то, дано ли? Если так, надеюсь причина, почему мы оказались на тех местах, была какой-нибудь хорошей. На связи, Петрович. Доброй ночи, Серёж. Быстрого исцеления от ран.

— Доброй ночи, Ар.

Осень пришла неожиданно, хоть и ожидаемо. Первого сентября словно бы перещелкнуло — сразу же стало куда холоднее, чем было за день до этого и дальше температура уже не поднималась. Пришлось надевать на улицу толстовку или кофту, а чуть позже и вовсе осеннюю куртку. Я достал ту самую косуху, которую мы купили с Дедом и Зоей в торговом центре. «Все-таки хорошая вещь, — думал иногда я, — в меру теплая и

выглядит хорошо».

— Странную историю ты рассказал, — сказал Дед, поставив пустой бокал на стол. Некоторое время назад в нем был квас. В моём тоже. Мы сидели в небольшом баре и пили хлебный на розлив. На улице стоял вечер. — Но доля правды в их словах есть. Мозг — он всё может. Но я тоже отношусь к этому скептически.

— Вот и я о том, — я посмотрел на улицу, где постепенно темнело, а прохладный ветер играл с ещё зелёной, но потихоньку желтеющей листвой. Сила августа ещё теплилась в листьях. — Какое, блин, будущее? Мне и от прошлого противно, а они начини мне будущее рассказывать. Бесстрашные люди.

— И тебе теперь, страшно?

— Страшно? — я задумался. — Нет, скорее я раздражён. Но раз ты толкуешь, что они могут быть правы, то мне и немного страшно тоже. Делать мне нечего, как драться в бойцовском клубе, — я неожиданно для себя рассмеялся. — Совсем же больше дел нет! Терять-то нечего, как ломать свои же кости за бабки!

— Тоже верно, — Дед отхлебнул из нового бокала кваса, который только что принесла официантка. Задумчиво прищурился. Я помолчал немного и сказал:

— Решил взглядом научиться лазеры пускать? Брось, ты же не Супермен.

— Да нет. Нет. Просто интересный сон. Все три сна.

Я пожал плечами.

— У меня тоже такой был.

Я чуть не выплюнул хлебный прямо в Деда.

— Вы сговорились все? Да мало ли какие сны бывают, Господи!

Дед не ответил. Я буравил его взглядом.

— Да, пожалуй, ты прав.

Дальше диалог зашёл про общепит, затем уже вовсе о другом и через некоторое время я покинул бар. Тут же пришлось поднять ворот повыше: холодный ветер встречал сегодня не очень дружелюбно. Москва постепенно затихала, погружаясь хоть и не в сон — этот город никогда не спит — но в более спокойное состояние, чем днём. Я решил пройти несколько станций. В метро спускаться пока не хотелось, как и тратить лишние деньги на такси.

Не знаю почему, но меня немного нервировал этот рассказ Огонька про сны, как и заявления Петровича с Дедом о том, что у них тоже что-то такое было. У всех было, у меня не было. Как так? Нет, у Зои тоже не было. Ну, ладно. Как она там? Уже должна быть дома. Неожиданно мне захотелось поскорее очутиться рядом с ней, вдали от тёмных холодных улиц, метро с его бесконечным людским потоком, неоновых вывесок и высоких фонарей, льющих на меня свой холодный, безжизненный свет.

Тут неожиданно кто-то толкнул меня плечом в плечо, и я вырвался из своих мыслей.

— Извините, — сказала женщина. Она была чуть ниже меня, блондинка, и глаза у неё были зелёные. — Совсем уже не смотрю, куда иду.

— Ничего, — буркнул я. — Вы извините. Я задумался просто.

— Аа, — ответила она, с интересом на меня посмотрев. — Но выглядите не очень.

— В смысле?

— Ну, мрачно. Так-то вы ничего.

— Аа. Да, спасибо. Да.

— Вы так не загоняйтесь, — блондинка чуть улыбнулась и меня удивило, что у блондинок могут быть настолько зелёные глаза. — Чтобы ни было, всё будет так, как будет.

Не знаю, хорошо это или плохо, но, думаю, так должно быть.

Я буркнул что-то согласное.

— Ну, доброй ночи, — её светлые волосы затанцевали на ветру.

— Доброй.

Она ушла. Какое-то время я смотрел ей вслед, а затем пошел дальше по опустевшей улице. Дальше, мимо мусорных контейнеров, ржавеющих детских площадок, сигаретных бычков, лежащих рядом с мусорными урнами, но никак не в них. Мимо окон панелек, в которых горел иногда теплый, а иногда холодный свет, но температура которого не зависела от цвета лампочки, из которой он шёл. Некоторые листья уже лежали на обочине дороги. Когда изредка проезжали машины, они поднимались вверх, а затем плавно и медленно опускались обратно вниз. «Прям как люди, — отстраненно подумал я, — лежим себе, пока что-то не происходит. Лежим в грязи, в пыли, на солнце, все у нас хорошо, пока не проезжает мимо машина. И вот мы летим, а потом опять падаем — только уже разорванные и повторно опавшие. Ну и жизнь».

Небо было тёмным и пасмурным. Почти наступила ночь. Тут неожиданно в кармане зазвонил телефон. Я достал его. Незнакомый номер. Хотел было отклонить, но не стал. Что-то остановило. Взял трубку.

— Константин Аристархович?

— Да.

— Меня зовут Павел Быстров. Я звоню по поводу вашей жены.

— Что с ней? — я встал как вкопанный.

— Она в больнице.

Глава 8. Укрощение строптивого

На самом деле очень жаль, что человечество столько сил и энергии тратит на вещи, которые никак не отобразятся в вечности: я помню тот день, когда американцы высадились на Луну, а наши, тридцать лет спустя, приземлились на Марсе. Даже наша Земля, казалось бы, давным-давно изученная, может удивлять. Что говорить о других планетах, никак неисследованных, нигде не изученных? Перед нами бесконечность знания, но мы смотрим телевизор после двенадцатичасовых рабочих смен, а в выходные пьем и мусорим в парках. Это, конечно, куда интереснее.

Маргарет Лу, английская рабочая военного завода

Помимо того, что вооруженные столкновения сами по себе не самая приятная штука, когда они происходят на ядерных военных комплексах, напичканных злыми нацистами — это ещё неприятнее. Мы бежали. Я, Рокки, Хорнет, Люпен, Петрович. Последнему пришлось тяжелее. Не считая того, что рана кровоточила сквозь бинт при движении, огромный рост не давал никакого преимущества. Там, где пули свистели над нашими головами, Петровичу они приходились бы в спину. Но здоровяку везло и шальные летели мимо.

Свернув за очередной поворот мы резко остановились. Развилка. Одышка, но медлить нельзя.

— Куда? — спросил я по-русски учёного, забыв о том, что он меня не понимает. Но Мишель всё понял.

— Avant (*Вперед*), — сказал, запыхавшись, он и повёл нас направо. Мы двинулись за ним. Где-то неподалёку что-то грохнуло. Возможно, взорвалась граната или какое-то взрывное устройство. Главное, чтобы не ракеты. Господи, лишь бы не ракеты.

— Стойте, — выдохнул Петрович. Усач побледнел.

— Он далеко не убежит, — сказал Хорнет. — А эти придурки, кажется, гонятся за нами. Я сжал челюсти. Посмотрел на Мишеля.

— Loin? (*Далеко?*)

Учёный, помедлив, кивнул.

— Я пробегу, — тихо сказал здоровяк.

— Нет. Рок, — я посмотрел на кудрявого напарника. — Его нужно где-то спрятать, — я быстрым шагом прошел несколько метров и толкнул одну дверь. Место походило на служебное помещение, только размером со школьный класс. — Здесь. Ты останешься с ним.

Рокки возражать не стал. Я видел, что он хотел отправиться с нами, но так уж повелось в Ветрогоносском отряде — каждый друг о друге заботился, пусть и старался этого не показывать.

Когда Петровича провели внутрь и Рокки закрыл изнутри дверь, мы отправились дальше. Прибавилось два ощущения: во-первых, стало ещё страшнее, а, во-вторых, появились новые силы. Это не особо вязалось друг с другом, но было так. Хотелось успешно выполнить операцию. Хотя бы ради того, чтобы Петровича с Рокки не взяли французы. Мы пробегали коридор за коридором, помещение за помещением. Складские комнаты, лабораторные, рабочие зоны. Где-то мелькали люди, видимо, заводчане. Они бежали куда-то в дым и пар и за всполохами искр их не было толком видно. Стрельба велась где-то неподалеку и становилась все ближе: и чем ближе она становилась, тем сильнее колотились наши сердца.

— Мне не нравится, — на одном выдохе сказал Хорнет, — как всё дрожит. Если что-то

рванёт у ракет нам всех хана, абсолютно.

Я считал также, но ответил иначе:

— Постараемся этого не допустить. Док, далеко нам ещё?

Ответить учёный не успел, даже если бы снова понял, о чём я его спросил. Неожиданно откуда-то слева раздался мощный взрыв и нас троих дружно откинуло взрывной волной. Удар о стенку получился достаточно мощным, но, слава Богу, не стал сокрушительным. Все остались в сознании. Все, за исключением ученого.

— Эй! — обалделый после взрыва Хорнет подполз к Мишелю. Очки ученого валялись рядом с ним. Неподалеку полыхали горящие балки, огонь с которых так и норовил перескочить на цели покрупнее. Возможно, взорвалась цистерна с горючим. — Просыпайся! Ау, сейчас мир взорвут! — поняв, что учёный отключился, Хорнет чуть не зарычал. — Сука!

— Чёрт, парни... А я-то думал, вас всех пришибло в Норвегии. Ну, тех, у кого мозги на местах остались.

Бывают моменты, когда какие-то нюансы человека запоминаешь раз и навсегда. Брови, взгляд, нос, веснушки, что угодно. Но иногда случается так, что ты запоминаешь голос. С годами, конечно, он меняется. Но не в этом случае.

Мейгбун появился аккурат из сияющего в стене пролома. Одет он был в то же обмундирование, что и в прошлый раз, на центральной площади Омессуна. Черная экипировка, раскрытые пасти волков на плечах. Синий шейный платок, который грозно развевался на непонятно откуда взявшемся ветру. В руках он держал небольшую, но достаточно компактную ракетницу. Из-за одного плеча торчала рукоять монтировки.

Монтировки.

Мозги Геркулеса, наряду с кожей, волосами, кусочками плоти взлетают в чуть морозный, осенний воздух. Звук, который этому способствует, мокрый, словно чавкающий, но при этом слышно силу ударов — со временем эта сила начинает отстукивать такт по холодной, промерзшей древесине помоста. Он залит горячей кровью, которой очень скоро суждено остыть.

— О, приятель, — острые глаза нациста встретились с моими и усмехнулись. — Это ты! — Теперь усмешка пошла по губам, вытягивая те вверх, открывая ровные, белые зубы. — Пришел за добавкой? Мог бы просто позвонить, в каком году живём.

Позади него стояли двое. Лица были скрыты темными масками, но на плечах, как и у Мейгбуна, щерили зубастые пасти серебряные волки. Одному из них он передал ракетницу.

А затем вытащил из-за плеча монтировку.

— Люблю запах свежего напалма поутру, — потянул он свою идеально выбритую физиономию вверх, словно бы принюхиваясь. — Но ещё больше люблю сносить головы грязнокровым ублюдкам вроде вас, энэргэровцев.

Я не шевелился. Хорнет тоже. Оба так и замерли на коленях, не спуская глаз с Мейгбуна.

Голова Кино трескается словно арбуз. Слышно, как ломается его череп, если принюхаться, можно почувствовать запах его крови. Она заливает твердую землю, которая станет ещё твёрже с наступлением зимы. Мертвый разведчик лежит с проломленной головой, из которой наружу повывлетали мозги, а блондин-нацист стоит над ним с окровавленной монтировкой в руках и почти смеётся.

Ярость, боль, страх. Что-то из этого, а может всё вместе вытолкнули меня из оцепенения. Все повторялось — я бросился на Мейгбуна. Нацист, зная, что я так и

поступлю, улыбается и замахивается монтировкой, целясь в мои ребра, которые уже успел однажды сломать. Но удара не происходит. Происходит рояль в кустах, которая спасает меня, но вместе с этим также спасает и самодовольного блондина — отряд Ветрогона подходит к нам на помощь, ровно как и свора нацистов, появившаяся из-за пролома. Начинается стрельба.

Вместо того, чтобы нанести мне удар, Мейгбун резко наклоняется вниз, уклоняясь от выстрелов. Меня выстрелы не останавливают, и я врезаюсь в него. Мы падаем, вцепившись друг в друга как бешеные псы, сорвавшиеся с поводков. Отчасти, возможно, так и было.

Первый удар я нанёс ему ровно в челюсть. Туда же, только с другой стороны, прилетел и второй. Мейгбун, оказавшийся подо мной, двумя выпадами рук попытался меня спихнуть, но не вышло. Ярость, кровь, сила. Только смерть.

Еще удар, ещё. Над головами раздаётся грохот. Где-то гремит ещё один взрыв. Да что они, блядь, все время там взрывают? Мы что, в какой-то ебаной книжке с кучей перестрелок? Мы на чертовом ядерном комплексе с ракетами, которые могут стереть с лица большую часть человечества, какой идиот будет что-то здесь взрывать? Кроме того, что глотает сейчас свою кровь под моими кулаками.

Глотает кровь. Да, глотает кровь.

На какое-то мгновение я замер, вглядываясь в разбитую рожу Мейгбуна. Тот посмотрел на меня с ненавистью, сверкнув синими, как небо, глазами. Да, мгновение, всего лишь мгновение. Но какая ошибка.

Грохнуло. И весь мир посыпался битым стеклом.

Если ты крутой злодей, это вовсе не означает, что ты можешь пользоваться только отличительным оружием. Ракетница? Неплохо. Но я, как и Хорнет, и, наверное, все остальные, не знал, что за пазухой Мейгбун держит короткоствольный револьвер.

Он откинул меня почти моментально. Теперь это не было большой проблемой. И застрелил бы тут же — уже встал и навёл пистолет для последнего, в голову. Но тут и сам поймал пулю. Как оказалось впоследствии, выпустил её Гонец. А потом пропал из поля моего зрения. Кажется, пуля попала ему в грудь. Может, в плечо.

— Штиль! — рядом оказался Хорнет. — Штиль, ты слышишь меня?

Слышу. Конечно, я тебя слышу. Только вряд ли об этом скажу. Такое чувство, что содержимое моего желудка сейчас вылезет через пулевое отверстие наружу. Пуля точно осталась внутри. Точно ведь?

— Эй! — заорал Хорнет. — Срочно сюда!

Грохотало. Хорнет вскрикнул. Фонтанчик крови. Кажется, от него. Разведчик упал мне на ноги. Да, значит, точно от него. Будет ли сегодня кто-нибудь, кто не получит пулю? И будет ли кто-нибудь, кто от неё выживет? Сколько вопросов и как мало ответов.

Грохот становится тише. С глазами происходит что-то странное: обычно так случается, когда линза не может полностью сесть на глаз. Размытая резкость. Мир становится ещё тише. К горлу подступает тошнота, а затем отступает куда-то обратно.

На фоне высокого потолка и горящего пламени появляется обеспокоенное, — на короткое удивление, ведь он всегда спокоен — лицо Ветрогона. Капитан смотрит мне в лицо, потом куда-то вниз, видимо, на живот. А потом мир уплывает окончательно.

Будь данная история фильмом или сериалом, все, конечно, должно было бы пойти и закончиться куда интереснее. Но все пошло, как пошло, и пока точно не закончилось. Мишель бы героически отключил все ракеты и погиб, пытаясь отключить последнюю, но та взлетает, и мы с Хорнетом цепляемся за неё. Мы летим в воздухе, держась непонятно за что, потому что моя фантазия отказывается подробно это представлять и прикладами пушек отбиваем системную панель, отключая ракету. Та начинает терять высоту, мы спрыгиваем, чтобы не умереть и нас прямо в воздухе ловит Петрович на самолёте. Эдакий перехватчик, не иначе. Ракета падает в каком-нибудь поле и всё, все живы и счастливы. Ну, почти все.

Однако все пошло не так. Мейгбун всадил мне пулю в живот — она прошла в считанных сантиметрах от лёгкого, но застряла внутри, и пока медики пытались её вытащить, я чуть несколько раз не отправился в Вальхаллу, хотя и был при этом без сознания. Тело ведь все равно всё чувствует. Представить сложно, как мы должны любить его за то, что оно для нас делает.

Хорнету повезло меньше, удача ловкого и пронырливого разведчика подошла к лимиту своих возможностей. Пуля попала в шею и, как и у меня, застряла внутри, задев какую-то важную вену. Было большим чудом, что он не умер на месте — однако, не всегда чудеса приходят одни. Организм разведчика отреагировал на пулю очень тяжело. Он отходил гораздо больше, чем я, и не приходил в сознание примерно неделю. А когда пришел, мы поняли, что Хорнет потерял голос. Были повреждены связки. Навсегда или временно, врачи дать ответа не смогли. «Зависит от процесса реабилитации».

Что касается Мейгбуна, ублюдку снова удалось уйти. Израненному, побитому, униженному, и — надеялся я — очень злому. Чувство досады от того, что он в очередной раз скрылся, смешивалось с ощущением мрачного удовлетворения от того, что я избил его как щенка. И выглядел он тогда соответствующе. Вот только этого было мало. И поэтому досада перевешивала. Был и плюс — оба безликих, которые его сопровождали, были застрелены подоспевшими энэргэровцами. Это немного радовало.

Что касается ракет — их в воздух никто не запустил. Операция, с горем пополам, была выполнена. Отряд Ветрогона, включающий в себя Хорвуда, Вереска, Стартрека и ещё нескольких неизвестных нам людей, пробрался на территорию, где они находились, и уничтожили основную панель, откуда должен был произойти запуск. Дело обошлось огромным количеством крови. Погиб и Стартрек, хорошо узнать которого нам так и не удалось. Но дело было сделано и это было самым главным.

Теперь мы находились в пригороде. Операция изменила некоторые вещи — работяги, трудившиеся на подземном комплексе, встали против своих угнетателей, и, наряду с другими горожанами, устроили в городе настоящую бойню. Впоследствии это называли Парижской Революцией, или Восстанием парижских рабочих. Город был отбит и тех членов отряда, кто выжил, переправили в ту часть страны, которая находилась под контролем оппозиции. Половина пригородов по-прежнему находилась под эгидой противника. Возможности вывезти нас из Франции пока не было, поэтому мы и проводили время в Госпитале Святой Девы Марии.

Солнечный свет заливал яркую зелёную траву. Я, с помощью трости, прошел мимо длинной череды пёстрых розовых кустов и опустился на скамейку. Отсюда открывался хороший вид. Вернее сказать, вполне обычный, но все равно приятный. Густой и высокий лес находился за стенами госпиталя. Было видно, как при касании ветра волнуются верхушки могучих деревьев. Было хорошо. Рядом сидел Хорнет.

— Как ты?

Друг аккуратно кивнул. Шея у него была перебинтована.

— Хорошо тут.

Я подумал, что он сейчас по привычке покосится на меня, но ошибся. Друг снова аккуратно кивнул. Выглядел он при этом так, будто витал в облаках — по-крайней мере, здесь он точно не находился полностью и это было на него не похоже. Впрочем, это не было чем-то удивительным: война меняет людей и теперь я знал об этом не понаслышке. Теперь, после Омессуна и Парижа.

Я посмотрел вверх. Небо было удивительным, лазурно-голубым, и по нему неспешно плыли белые, пушистые облака. На какое-то мгновение у меня сложилось чувство, будто мы не где-то во французской глубинке, а, скажем, в Крыму, на северо-востоке полуострова. Там также красиво и спокойно, как здесь и пейзажи похожи. Похожи несмотря на то, что и были, конечно, абсолютно другими. Но поймет это далеко не каждый. Мы посидели в тишине, а через некоторое время услышали шаги. За ними последовал Петрович.

Здоровяк окреп достаточно быстро. Пуля действительно прошла навывлет, но при этом довольно сильно разорвала плечо. Стреляли крупным, мощным калибром, и усач потерял много крови, отчего и не смог идти с нами дальше. Может быть, к счастью. С Рокки все было и вовсе отлично. Нашенский Сталлоне не пострадал вообще. Только где был сейчас, непонятно. Возможно с остальными занимался на какой-то тренировке. А может и нет.

Петрович сел между мной и Хорнетом. Почесал успевшую отрасти серебрящуюся щетину. Ничего не сказал. Так и сидели мы молча, смотря на лес, пока в поле зрения не появился Вереск.

— Ветрогон просил узнать что вы думаете, — сказал он. — Хоть мы и не взяли Мейгбуна, но главную задачу выполнили.

— А что он хочет дальше? — спросил Петрович.

Вереск помолчал, глядя на мою трость, горло Хорнета и плечо Петровича.

— Остальные члены отряда могут вернуться домой, и, скорее всего, так и поступят. Некоторое уже поступили. Вы тоже так можете.

— Ты на вопрос не ответил, Вер, — Петрович покачал головой.

Вереск посмотрел на каждого из нас по очереди своими серыми глазами.

— Надо взять Мейгбуна. Теперь это основная задача. Не второстепенная. И не просто взять, а окончательно ликвидировать.

Хорнет усмехнулся и тут же скривился от боли. Я промолчал.

— Вы можете не участвовать, — повторил Вереск. — Вы и так сделали достаточно для НРГ.

— Говоришь как генерал, награждающий солдат медалями, — сказал Петрович.

Вереск виновато улыбнулся.

— Но это действительно так. После Омессуна вы и сюда не обязаны были лезть. Все мы.

— Но мы тут.

— Да.

На некоторое время повисла тишина и Вер присел рядом. Теперь скамейка была полностью занята. Подул лёгкий, весенний ветер. Пахнуло чем-то вроде только приготовленных пирожков. Дело близилось к обеду.

— Что у нас есть? — нарушил тишину Петрович.

— Достаточно, как это не удивительно. Я бы сказал, есть всё.

— Рассказывай.

— Мейгбун не отправился на родину, как и не отправился дальше на фронт. Сейчас он находится на захваченной нацистами Сицилии, в Италии. В своём особняке. Достаточно охраняемом, кстати. Нет, даже не так — максимально охраняемом. Это целая крепость, полностью набитая сворой злых головорезов.

— Отлично. Звучит обнадеживающе.

— Особняк, как и некоторые другие места на Сицилии, выполняет определенные функции, по типу регулирования близлежащих улиц и так далее. На данный момент он этим и занимается: разве что людей на улицах стало меньше, а в особняке больше.

— Почему?

— Думаю после того, как Штиль набил Мейгбуну морду, тот стал немножко сильнее думать о своей безопасности.

Я усмехнулся. Петрович почесал усы.

— И как мы туда проберемся?

— Почти также, как пробрались в Омессун, только на лодке. Одной из лодок, патрулирующих морское пространство Италии. Будет непросто, но это вполне осуществимая задача.

Хорнет тихо вздохнул. Я поднялся, опираясь на трость.

— Что скажете, парни?

— Убить Мейгбуна раз и навсегда, — Петрович снова почесал усы. — И никаких побочных заданий, только это?

— Да.

— Тогда я согласен.

Хорнет медленно кивнул. Все посмотрели на меня.

Я посмотрел на лес. Верхушки деревьев продолжали покачиваться под дыханием ветра. Я повернулся к парням.

— Покончим с этим ублюдком раз и навсегда.

Солнце догорало, облачив небо на западе в ало-золотые тона. Закат сам по себе красивое явление, но здесь, в Италии, а особенно на Сицилии, среди крутых и высоких скал, между которыми текли то бурные, то спокойные синие-синие реки, и вовсе прекрасное. Для того, чтобы разбираться в красоте, совсем не нужно быть творческим человеком, также, как и не нужно быть профессиональным критиком, чтобы что-то критиковать. Важнее, пожалуй, был вопрос, что такое красота, а что такое уродство, потому что некоторые люди видели эти вещи совершенно по-разному, а иногда и вовсе ровно наоборот друг другу. Красиво — это когда кровь резким фонтаном вылетает из шеи. Или, например, когда взрывается танк, огненными всполохами уничтожая всё своё содержимое. Или когда умирает день, погружая мир в бездну звёздной ночи. Так, по-крайней мере, считал Иокир Мейгбун, спускавшийся по каменным ступеням в подвал одного из сицилийских домов. Прохладный ветер, дующий в спину, исчез, когда он вошёл в помещение.

Помещением оказался узкий, длинный коридор, построенный из старого камня. Освещался он редкими факелами, показывающими блеклым, оранжевым светом пространство буквально на несколько шагов вперёд. Мужчина двинулся по нему,

аккуратным, но быстрым движением поправив синий шейный платок.

Крики стали доноситься до него только через несколько минут. Сначала отдалённо, затем всё громче и громче, пока стены едва ли не начали вибрировать. Когда перед глазами резко появилась чёрная, — или почти чёрная, но точно кедровая дверь, Мейгбун толкнул её и быстро вошёл внутрь. Но вошёл так, что у находящихся внутри сложилось чувство, будто он материализовался из воздуха.

— Чёрт возьми, — он усмехнулся, — опять ты за старое. Сколько раз повторять? Боль — это неплохо, но если и резать человека, так его душу, а не ляжки. Отойди, Гендеретт.

Мужчина в белой маске, облаченный полностью в чёрное, за исключением её, отошёл в сторону, держа в руке закружённый с зазубринами нож.

— Вечно ты приходишь в самые замечательные моменты и все портишь, — буркнул он, стрельнув глазами в Мейгбуна. В свете одного-единственного фонаря, висевшего в центре комнаты, они казались абсолютно тёмными. С ножа капала кровь.

Человек, которого он пытал, сидел напротив. Бледный, в разорванной одежде, обросший щетиной, он тяжело дышал, не сводя глаз с человека, которого Мейгбун назвал Гендереттом. На груди и бёдрах у него имелись рваные раны. Гендеретт особо не церемонился, за что ему следовало отдать должное.

— Прошу простить моего друга, — Мейгбун встал перед ним и сложил руки за спиной. — Он немного, — Иокир сделал паузу, — нетерпелив. Не стоит волноваться — я люблю узнать человека получше. Как вас зовут?

Тот, которого пытали, посмотрел на него. Вглядывался в лицо, потом на волков на плечах. А затем посмотрел на шейный платок.

— Ты!

Мейгбун кивнул.

— Я. Мы. Счастливая семья, ты и я, — Мейгбун немножко потанцевал. — Только вместе пролетим любые беды — были бы на то торпеды, — а затем прикусил губу и пощёлкал пальцами. — Ты и я, ты и я...

Мужчина посмотрел на него с шоком. Мейгбун посмотрел на него, потом на Гендеретта, а потом они с Гендереттом расхохотались.

— Чёрт, — Иокир смахнул с уголка глаз слезинку. — Видел бы ты своё лицо, приятель. У меня было такое же, когда я впервые попробовал рыбий жир.

— Ты безумец.

— Это верно, — Мейгбун согласно кивнул. — Но меня это радует. Безумие делает невозможное возможным, безумие — это когда можешь переступить черту, а это могут далеко не все. Безумие делает тебя всемогущим, почти Богом. Потому оно и безумие.

— Прикрываешься философскими изречениями, а сам сносишь людям головы монтировкой, — мужчина усмехнулся, по его щетине побежала кровь. — Прямо-таки великий благодетель. Соломон отдыхает.

— Может быть. Но я не оправдываюсь, — нацист наклонился к узнику. — Скажу больше, — уголки его рта растянулись в довольной улыбке, — мне это нравится! Что уж говорить, — он резко выпрямился, — я от этого кайфую! Это как вампиру кровь сосать, без этого нельзя, сдохнешь. Understand?(Понимаешь? — Англ. яз.)

Человек на стуле сплюнул.

— Ладно, слушай, — Мейгбун развёл руки в стороны. — Не нравится моя философия — ладно. Мозги даны не всем. В конце концов, Италия — страна свободная, можешь думать

что хочешь. Тебя же не из-за этого здесь режут, верно?

Человек не ответил. Мейгбун наклонился к нему.

— На Сицилии остались бойцы Сопротивления?

Мужчина вновь промолчал.

— Рекомендую ответить. Иначе лично познакомишься с моей монтировкой — у неё и имя есть, между прочим.

Стальные глаза впились в глаза Мейгбуна. Непокорные, злые. Сильные.

— Можешь отсосать мне член, скандинавское уёбище.

Мейгбун усмехнулся.

— Тебе действительно не страшно?

— Разве могу я бояться того, — мужчина сделал паузу, остановив взгляд на синяке у нациста под глазом, — кто не может постоять за себя? А ещё строит из себя кого-то важ...

Первый удар вышел глухим. Голова человека мгновенно наклонилась вниз, ткнувшись подбородком в грудь. Второй вышел мокрым. Третий ещё мокрее. Из проломленного черепа полилась кровь, медленно заливая пол комнаты. Удары приходили и справа, и слева, и снизу — ровно до тех пор, пока от головы не осталось ничего, только кусок шеи. Все, что было на ней, теперь находилось на стенах, потолке, полу и кончике монтировки, на зубчиках которой застряли кусочки мозга.

Мейгбун выдохнул, опустив оружие вниз. Гендеретт молчал.

— Оттащи тело во двор, — сказал нацист, снова поправив платок. — Протащи его мимо камер с узниками, пусть увидят, что их ждёт, если не идти на контакт со мной.

— Он перешёл черту, — тихо заметил Гендеретт.

Мужчина презрительно хмыкнул.

— Я — один из важнейших людей в Третьей мировой войне. Мы живём за тем, чтобы оставить след. Моё имя будет вписано в учебники истории на века. И я не могу постоять за себя?

— Он хотел спровоцировать тебя.

— И чёрт с ним. Буду я ещё слушать ебучего итальяшку. Их тоже надо выкосить — под корень, всех, пока не останутся только северные народы. Но после победы: сначала берёшь врага в союзники, используешь его, а потом убиваешь. Так это работает. Так устроен мир, мир хищников, мир жизни и смерти. Убей — или умри! Иного не дано.

— Иного не дано.

В камере повисла тишина. А потом Гендеретт обвязал ноги убитого веревкой и утащил его во тьму коридора.

— Ты так без глаза останешься. Дай сюда.

— Больно много ты разбираешься.

— Уж побольше некоторых.

Я вздохнул. Вереск, наблюдая за мной, улыбался. В отличии от меня, Петровича и Хорнета, — Рокки был исключением — он неплохо умел пользоваться снайперской винтовкой. Автоматической, полуавтоматической, с продольно-скользящим затвором, — говоря честно, он был в своём деле профессионалом, хотя и учился ему, насколько мне было известно, не так уж и долго. Видно, рука хорошо легла. Иначе как объяснить, что он так

хорошо стреляет? На везение не спишешь. Не тот случай. Рокки стрелял нетак хорошо, но уж явно лучше нас троих — правда, только из полуавтоматических и автоматических. На «болтовки» его не хватало. «Быть снайпером, — говорил Вереск, — значит быть терпением во плоти. Стрелять с оружия с продольно-скользящим затвором — самый главный экзамен. Помните, у вас нет права на ошибку. Один выстрел — один труп».

— Фиговый из меня снайпер, — сказал я, отдав винтовку лежащему рядом Вереску. — Из штурмовых пушек как-то получше идёт, поспокойнее.

— Ещё бы. Но и далеко с них не постреляешь — а иногда очень надо.

— Из тебя был бы хороший учитель, — сказал Петрович. Они с Хорнетом, по-прежнему молчавшим, стояли сзади. Французские тополя качались позади. Дело близилось к вечеру. — У тебя есть образование какое-нибудь?

Вереск ухмыльнулся, почесав аккуратную, рыжеватую бородку.

— Честно говоря, нет. Я после школы сразу работать пошел, — он пробежался пальцами по прикладу снайперки, — но оканчивал некоторые курсы, сертификаты есть. С точки зрения трудоустройства они, конечно, бесполезные, особенно если опыта нет, но для себя — неплохо. Можно сказать, я немножко психолог. Прямо изучал в своё время всю эту тему.

— Недурно, — сказал я. — Поэтому ты сейчас меня плющишь?

Вереск засмеялся.

— Учись, пока мы здесь! Все учись. Если все пойдет по плану Ветрогона, мы сможем избавиться от Меймбуна.

— Чёто мы всё никак от него не избавимся, — сказал Петрович. — Этот белобрысый придурок каждый раз уходит живым.

— Он вроде блондин, — заметил Вереск.

— Да пошел он нахуй.

— А мы и не пытались его убить, — неожиданно для всех прошептал Хорнет.

— Хорнетыч! Ты заговорил!

Тот кивнул.

— Мы не пытались его, — он сделал усилие, — целенаправленно убить. Но в этот раз получится.

— Получится. Только ты все, завязывай говорить, горлу нельзя нагрузку давать.

Друг снова кивнул. За время проведенное в госпитале, он тоже успел обрости небольшой бородкой. Выглядело это забавно, но ему об этом говорить никто не стал. Я и сам, наверное, выглядел не лучше.

— А что потом? — неожиданно спросил Вереск.

Петрович посмотрел на него.

— О чём ты?

— На убийстве Меймбуна война не закончится. Мы, как я и говорил, можем отправиться по домам хоть сейчас. Но что потом? Кто-нибудь думал?

На некоторое время повисла тишина.

— Так получилось, Вер, — сказал Петрович. — Что нам троим, да и Рокки тоже, особос некуда возвращаться. Да и не к кому тоже. Война, пожалуй, единственное, что имеет для нас смысл.

— Но ещё больший смысл имеет приблизить её к концу, — сказал я. — Чтобы те, у кого есть к кому возвращаться, вернулись домой.

— Хорошо сказал, — тихо ответил Вереск. А затем прильнул глазом к прицелу винтовки. А затем повторил: — Хорошо.

В Италию мы отправились только через две недели после этого разговора. Отряд на этот раз стал больше — в него вошли мы с Хорнетом, Петрович, Рокки, Вереск и сам Ветрогон, который к нашей большой неожиданности привёл подкрепление. Девушка из Омессуна, вытащившая нас из плена, также стала членом отряда. Отбив поселение и часть Норвегии от натисков нацистов, она связалась с нашим командованием и попросилась в ветрогонную группу. Семь человек отправились через полыхающую Европу в последних числах мая — сначала нас перебросили в Монако, полностью находившееся под контролем сил союзников, а уже оттуда в Италию, благо, та находилась недалеко. Через саму границу перебраться не удалось, она кишмя кишела злыми итальянцами и французами, готовых разорвать нас на части. Поэтому и пришлось их обойти.

Поздним вечером мы отошли на небольшом военном корабле от берегов Монако. К полудню следующего дня, на нескольких лодках, мы вышли в открытое море. К закату берега Италии уже показались нам в последних лучах заходящего солнца. У меня сложилось ощущение, что эта операция будет гораздо хуже, чем две предыдущих. Но выбора не было. Точнее был — но только один.

Один выстрел — один труп.

Глава 9. Неожиданные проблемы

Вот что я скажу вам об этих проклятых технологиях: одни беды от них. Такое чувство, что чем дальше идем, тем хуже жить. Времена, которые не изобиловали наличием всех этих непонятных штук, были сложнее, тяжелее, но проще и лучше. Люди стали друг от друга дальше. Единство курит в стороне.

Джон Рильво, ирландский фермер

— Что с ней, доктор?

— На данный момент неизвестно. Ее только недавно привезли — минут сорок назад сдала анализы, чуть позже уснула. Утром тоже будет сдавать, натошак.

— У вас есть предположения?

Доктор, представившийся Павлом Константиновичем Быстровым, пожал плечами.

— Это может быть что угодно. Банальное переутомление, проблемы с сердцем, нехватка кислорода. Рано говорить.

В коридоре больше никого не было. Дело близилось к полночи.

В палате Зоя лежала одна, как обычно, свернувшись клубочком и максимально укрывшись одеялом. Мы наблюдали за ней из-за приоткрытой двери. Никаких тревожных признаков сейчас видно не было.

— Возможно, мы все распереживались зря, — сказал доктор, — но мне показалось странным, что она после обморока пришла в чувство... Не очень уверенно. Как правило, человек в таких случаях тратит определенное количество энергии и бросается, например, на еду, чтобы ее восполнить. Мне не хотелось брать анализы, но если какая-то проблема действительно есть, они нам не помешают. Сейчас ей нужно отоспаться.

Я растерянно кивнул. Зоя, как и я, была одной из немногих людей, которые теряли сознание максимально редко. С ней такого не случалось уже года четыре — в прошлый раз она порезала руку, тело среагировало "аварийно" и она упала в обморок. Но что произошло сегодня?

Было решено дожидаться утра. Созвонившись с Петровичем, я разъяснил ему ситуацию. Друг не на шутку распереживался, но я как мог сам успокоил его, сказав, что поводов особых и нет. На работу завтра вместо меня выйдет он. Ночь мне разрешили провести на соседней постели — палата, опять же, за исключением Зои, была пуста, потому с этим проблем не возникло.

Проснулся я рано, но когда солнечный свет уже начал постепенно заливать помещение. Золотой квадрат медленно и верно расползлся по стене, на которой расположилась достаточно крупная картина, изображавшая ветряные мельницы. Автором ее, кажется, был Айвазовский, но я не был в этом уверен. По стилю напоминало его, но почему-то мне казалось, что Айвазовский рисовал только море. Наверное, это было заблуждением.

Я посмотрел на жену. Она спала спиной ко мне, тихо и размеренно дыша во сне. Делала Зоя это всегда очень тихо и почти незаметно. Вероятно, надо было прожить с ней лет пять, чтобы научиться это замечать. Я эту прекрасную долю прожил, потому и заметил. И меня это радовало.

Быстро сходяв и умывшись, благо, туалет оказался неподалеку, я вернулся к ней и сел на низенький стульчик, стоявший слева от ее постели. Теперь было видно ее лицо. Оно было спокойным и безмятежным. Было таким же, как и всегда.

Проснулась она примерно через полчаса. Поначалу сонно разлепила глаза, не понимая, что происходит, а потом, видимо, поняв, широко их распахнула и попыталась сесть.

— Т-ш-ш-ш! — я поднялся и опустил ее обратно. — Лежи спокойно.

— Что произошло?

— Ты вчера упала в обморок в учительской. Вечером привезли в больницу, сдала анализы. Потом уснула.

— Я плохо это помню.

— Да, оно, вроде, так и работает. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Хорошо?

Жена чуть нахмурилась, словно сама удивилась ответу.

— Да, наверное, хорошо. Видимо, выпалась. А почему я упала в обморок?

— Не знаю, родная. А теперь подожди немного. Я позову врача.

Павел Константинович не замедлил. Разрешил попить воды, поспрашивал про самочувствие, через полчаса повторно взял анализы.

— Ну, раз вы хорошо себя чувствуете, можете идти. Станет плохо — тут же приезжайте, будут вопросы — звоните. И не забудьте про результаты анализов.

Мы попрощались с ним и покинули больницу. Город к этому времени уже окончательно проснулся и шумел бесчисленными потоками проспектов. В метро мы решили не спускаться — хоть и душно там вряд ли было, погода сегодня была для осени хорошая, солнечная, потому мы сели на трамвай. Москва неспешно мелькала за окном. Зоя смотрела в окно на желто-красные деревья, а я смотрел на нее.

— Надо перекусить что-нибудь, — сказал я. — Поехали домой, приготовлю.

Она покачала головой.

— Хочу прогуляться, подышать воздухом. Может, заедем куда-нибудь?

— Дед пока не открылся. Или он вообще сегодня, вроде как, не работает.

— Поехали к Петровичу.

Я согласно кивнул. Он как раз должен был загрузить свежие бутерброды на витрину. Не абы какой завтрак, но лучше, чем ничего. Тем более, усач будет рад видеть Зою.

В «Рефлексе» мы оказались минут через сорок. Людей в баре не было вообще, что являлось одной из причин, почему я любил работать по утрам. Петрович, завидев нас, засверкал.

— Ну как вы? Зоя, все хорошо?

Жена кивнула и залезла на высокий стул за бар. Я опустился рядом.

— Что говорят?

— Все, вроде как, нормально. Видимо, переутомилась.

— Ты чего это такое делала, что так утомилась? — усатый здоровяк прищурился. — М?

Зоя чуть пожала плечами.

— И сама не знаю, Петрович. Просто так вышло, — она слегка улыбнулась.

Друг покачал головой.

— Вышло... Главное, чтоб в анализах, — ты ж их сдавала? — ничего дурного не вышло. Вы ели что-нибудь?

— Нет.

Петрович ахнул и тут же достал с витрины несколько бутербродов.

— Ешь. Прямо хорошо найдайся, тебе силенки нужны. Кость, ты будешь чего?

Я покачал головой. Здоровяк зыркнул на меня.

— Ладно. Если что, говори. Или сам бери.

Я кивнул. Мне есть совсем не хотелось. Гораздо больше меня волновала жена. Но она чувствовала себя хорошо — а после еды и вовсе засияла.

— Ну что, теперь по магазинам?

С анализами, к моему удивлению и облегчению одновременно, все оказалось в порядке. Зоя и вовсе, казалось, за это не переживала. Ну упала в обморок и упала, чего бубнить-то? Будь я на ее месте, думал бы, пожалуй, также. Но, так как я был ее мужем, то, конечно, о таком отношении и не могло быть речи. У всего на свете есть причина. Просто так ничего не бывает — однако, тем не менее, чувствовала она себя хорошо и абсолютно ни на что не жаловалась. Правда, в ее организме оказалось маловато витамина Д, на что Павел Константинович порекомендовал есть больше морепродуктов, которые она, в своем большинстве, терпеть не могла. Другой рекомендацией было почаще находиться на солнце, а так как дело близилось к зиме, времени на это оставалось уже не так уж и много. В общем — все было хорошо.

— Как думаешь, — задумчиво спросила она меня, когда мы в очередной раз пересматривали «Стартрек», — Измерение Икс из Черепашек, где сидел Крэнг, оно в другой вселенной, или просто в другой галактике?

— В другой вселенной, — я поцеловал жену в лоб и укрыл нас получше. — При всей любви к Черепашкам, они мелковаты для мультисерса.

— Знаешь, я недавно видела фотку Млечного пути, красивую очень — он, кажется, в Америке где-то был, — она достала телефон и полистала галерею. — А, вот. Млечный Путь над Канзасом, — Зоя показала мне.

— Да, красиво.

— Вот бы побывать там!

— Да, было бы хорошо. Правда, в последнее время это немного тяжело, но осуществимо.

— А давай попробуем туда махнуть?

— Солнышко, ты знаешь мою любовь к отпускам. Работать сто лет, скопить кучку денег и спустить их за полторы недели, по-моему, немного безумие.

— А зачем за две недели, — глаза у нее стали большие, мечтательные и возбужденные. — Поехали насовсем!

Я внимательно посмотрел на жену.

— Ты так хочешь посмотреть на Млечный Путь над Канзасом?

Зоя кивнула. Я задумался.

— Только надо будет к родителям съездить и забрать мотоцикл. Мы и его перевезем! Будем крутые по Канзасу ездить. А еще волосы на ветру будут развиваться. Я надену какое-нибудь красивое платье — желтое, например.

— Почему желтое?

— Потому что звезды будут яркие, ночь синяя, а мотоцикл черный. Ты, поверх белой футболки, наденешь косуху. И будет отлично.

Я улыбнулся.

— Договорились, родная. Тогда будем потихоньку думать, как перебраться в Америку и смотреть оттуда на звезды. А сейчас давай смотреть фильм; вечно мы болтаем тогда, когда

начинает происходить самое интересное.

Огонек, сидевший у стены с кружкой темного пива, молчал. Дело было не в пиве. Оно ему нравилось. Рыжий боец предпочитал темное пенное светлому, а молчаливым стал в последнее время непонятно почему — что-то подсказывало мне, что дело было в тех снах, которые приснились ему не так давно. Что-то там про пирамиду массонов, зимний лес и меня на арене бойцовского клуба. Встретились мы сегодня все впятером — Огонек, Дед, Петрович, Зоя и я. Наконец удалось вместе собраться в одном из баров на северо-востоке Москвы. Бар этот назывался «Синий лев» — нет блять, красный прав, говорил Дед, который его и нашел. Внутри было достаточно спокойно и уютно, что для алкогольных заведений являлось редкостью. Точнее, редкостью был не уют, а спокойствие. Хоть и с шумом. Людей в «Синем льве» было достаточно много. Находился он, кстати, неподалеку от Бульвара Рокоссовского, только вниз, ближе к синей ветке.

Обсуждали всякое разное, и, конечно, добрались до того, что нас всех и объединяло. До бойцовских клубов.

— Сережа, как там Эрвин? — спросил Петрович, сложив на столе огромные руки. — Есть новости?

Рыжий пожал плечами.

— Оправился, вроде как.

— Быстро он.

— Да. Но никакой агрессии с его стороны, вроде как, нет и не предвидится. Поражение было честным.

— И все это знают, — добавил Дед. — Что мне нравится в аренах, так это честность. Да, конечно, их представители зашибают бешеные бабки, но все-таки решает тут народ. Хоть что-то народ решает, — тут он криво усмехнулся.

Огонек кивнул.

— А с кем у тебя следующий бой? — Зоя с интересом посмотрела на Сережу. Раньше она с ним не общалась.

— Пока не знаю. Есть, вроде как, одна кандидатура, но это будет уже в другом клубе, не там, где мы были. Там подрался, там подрался, так и получают титул Гладиатора. Мне, правда, до него еще далеко.

— Ну, — Петрович хлопнул его по плечу. — У тебя все впереди. Сделаешь бабок, купишь себе хату, как и хотел.

— Ты копишь деньги на квартиру? — удивилась Зоя.

Гаргарын пожал плечами.

— Да, хотелось бы. Но пока не знаю.

— Ну, — Дед поднял стакан, в котором плескался «Джек Дэниелс», — за то, чтоб у Огонька своя квартира была. Да и всем того же.

Все выпили.

— Кстати, — тут Березовский наклонился к столу, и, посмотрев на всех, заговорщицким тоном начал: — Я понимаю, что все мы скучные взрослые, но как насчет того, чтобы все вместе, в пять харь, куда-нибудь съездить? В Подмосковье, или еще куда. Ну?

Петрович согласно кивнул.

— Я за, но хочу, чтобы с нами съездила Анна.

Огонек с улыбкой посмотрел на здоровяка.

— Я тоже за. Позвоню ей, спрошу. Если остальные согласны.

Все были согласны.

— Хорошо! Тогда давайте кумекать, кто чего с собой берет, чего будем делать и куда конкретно поедem — мне, смекаете ли, хотелось бы по горам полазить, значит, хоть бы и небольшим...

Дед получил что хотел. Горы, конечно, были небольшие — Владимирская губерния, расположившаяся между Нижнегородской и Московской, отличалась в первую очередь лесами и реками, и нам этого было вполне достаточно, чтобы отдохнуть. Поехали на следующей неделе, на машине Петровича. Это был темно-зеленый микроавтобус марки Форд Транзит, и места нам хватило в нем с избытком. Зоя, Огонек, Дед и Анна расположились на трех сиденьях сзади — благо, Зоя и Анна много места не занимали — а мы с Петровичем сели спереди. В машине слушали музыку Петровича. Великан был тем человеком, музыка которого, более-менее, прихотась по душе всем. Слушали, в общем-то, Кино и Пикник.

"Огнями реклам,
неоновых ламп,
бьет город мне в спину,
торопит меня.
А я не спешу,
я этим дышу,
и то, что мое,
ему не отнять..."

Ехать требовалось не особо далеко, но было все равно весело. Дед то и делал, что травил всех вокруг своими шутками. Те, которые не нравились одним, обязательно нравились другим, а затем ровно наоборот. Черный юмор, который так любил Березовский, тоже был не для всех.

Свернув с трассы на проселочную дорогу, Форд Транзит покотился дальше. Дело близилось к вечеру и небо было серым — мы немного опасались, что может пойти дождь, но, так как машина Петровича являлась микроавтобусом, большая его часть была абсолютно свободна. В случае необходимости там можно было расстелить постели и свободно перекусить. Если, конечно, мы не успеем поставить палатки по прибытию. Ставить их в дождь было бы не самой лучшей затеей.

Но опасались зря. Несмотря на то, что на улице стоял октябрь, точнее, почти что ноябрь, и было холодно, ветер не срывал нам капюшоны своим лютым дыханием, а озеро, к которому мы подъехали в лесной чаще, было хоть и ледяным, но совершенно спокойным. Три палатки расставили достаточно быстро. Одна для Огонька и Деда, другая для Петровича и Анны — эти двое проводили друг с другом все больше времени — а третья для меня и Зои. Еще через некоторое время небо потемнело в предвестии сумерек и мы, раскидав простыни и брёвнышки, на которые впоследствии и уселись, разожгли костер. Ярko-оранжевый, большой и невероятно греющий в эту холодную пору, он бросал вверх снопы искр, и на мгновение я вспомнил ночь, когда однажды сидел также, неподалеку от морских берегов Норвегии. В тот вечер я познакомился с Петровичем, а на следующий день попал в плен к нацистам вместе со своим отрядом. Как же давно это было. Было давно, а больно до сих пор. Удивительная штука воспоминания. Мне всегда было интересно, теряет

ли взрослеющий человек ребенка внутри себя, откуда я не понял, что взрослые это просто постаревшие дети, зачастую пытающиеся выглядеть как так называемые «взрослые». Они курят «Винстон», пьют вечерами красное вино, что подороже, едва ли не оттопыривая при этом мизинец, разговаривают с официантами как с прислугой, а затем устраивают между собой скандалы, кидая друг в друга вещи, потому что не понимают, как им действовать — точно также, как маленький ребенок не понимает, что гадить под себя это не очень хорошо. И мне было интересно, уходит ли с годами боль от тех или иных воспоминаний, события которых когда-то разорвали наши сердца в клочья, но чем старше я становился, тем больше понимал, что нет. Никуда боль не уходит. Работая барменом, я заметил людей, таких же, как я. Они сидят у окна, за столиком, где менее шумно илюдно, пьют свой кофе или какой-нибудь алкоголь, спокойные и недвижимые, а затем вдруг вздохнут. И не потому, что алкоголь был крепкий. Нет, просто память о событии, произошедшем лет десять назад, нашла так свой выход. Кратким, но все говорящим без слов вздохом.

— Итак, — сказал Дед, когда мы все расселись перед костром, укутанные в пледы и держащие в руках по жестяной кружке горячего чая. — Как полагается, я предлагаю начать наш сегодняшний вечер со страшилок. Как настоящие американские подростки, половина из которых аутсайдеры, мы должны сегодня затравить друг друга ужасными байками, события которых обязаны привести в дрожь любого, кто их послушает.

— Кто предложил, тот и начинает, — Петрович уселся поудобнее и отхлебнул из кружки. Чай мы заварили крепкий, таежный.

Березовский важно покивал головой.

— Так и быть, уговорили. Начну. Вы слышали легенду о Черном человеке?

Все отрицательно покачали головой.

— У-у-у. Ну, слушайте. Было это, значит, в Чернобыльской губернии, неподалеку от Чернобыля. Отряд военных, или не военных, черт их знает, штурмовал какой-то населенный пункт, что находился неподалеку от моря...

— Море рядом с Чернобылем? — брякнул Петрович.

— Ну, может не с Чернобылем, — Дед отмахнулся. — Я и не помню, где это было. Группа этих парашютистов, значит, атаковала этот пункт, как тут, после удачного штурма, одному прилетает стрела в спину. Все смотрят на него, а у него из груди наконечник торчит. Тут он падает, а парашютисты видят неподалеку от горящего домишки, или в горящем домишке, фигуру, абсолютно черную, с натянутым луком. Лица не видно, потому что, во-первых, он далеко, а, во-вторых, у него маска. И фигура скрывается. Так один парашютист погибает, а остальные начинают думать, что вообще произошло, и кто этот черный такой, что резко убивает одного из них. Ну и что дальше? Проходит время, парашютисты, которые, собственно, уже и не парашютисты, а так, члены одного отряда, ходят себе дальше, пока не начинает Черный Человек убивать их одного за другим. Там стрела в глаз прилетит, там в грудь, там еще куда, а на дворе зима, и остается уже не так много этих отрядовцев, — тут Дед замолчал, отпив чай и погоняв его немного во рту. Сглотнул.

— А дальше-то что? — нетерпеливо спросил Петрович.

— Что-что? Нашелся один из отрядовцев, который схватился с Черным Человеком в равной схватке. Чего только не использовали. Пистолеты, луки, кулаки. Опять же, стояла зима, а вокруг все горело, потому что, по законам жанра, все вокруг взрывалось, а чего взрывалось, непонятно. По итогу отрядовец этот, я, увы, забыл его имя, победил Черного Человека и сорвал с него маску. Им оказался такой же отрядовец, только другой. Это был

ихний, смекаете ли, друг, который однажды якобы погиб, а те, мол, бросили его, и он вот так на них обозлился. Что и говорить — странная штука жизнь. Хорошо уж, если друзья расстаются на хорошей ноте, но плохо, если при этом они умудряются стать врагами.

Некоторое время помолчали, пока Огонек не нарушил тишину:

— Да, неплохая история. Кто следующий?

— Ну... — прокашлялся я.

— Это... — начал было Петрович. Мы с ним посмотрели друг на друга.

— Мы об одном и том же думаем, да?

— Да.

— Тогда рассказуй ты.

Петрович кивнул.

— Дело это было тогда, когда мы со Штилем, то бишь с Костей, служили в армии, точнее, воевали на Третьей мировой. Было это во Франции, как ни странно, потому что Франция была тогда, да и остается сейчас, страной достаточно густо населенной. Вы вот, наверно, думаете, что наш мир совсем неувидительный и места странным, то есть очень странным, явлениям в нем нет, однако это не так. Не помню день, дату я вам не назову, но было это тогда, когда я, Штиль и два парня, звали их Хорнет и Рокки, — Хорнет потому, что небольшой и быстрый, а Рокки потому, что похож на Сталлоне — приехали в Париж на одно важное задание, и встретились мы с молодым человеком, которого звали Лисенок. Нашей задачей было пробраться на вражеский военный комплекс, на котором изготавливали ядерные ракеты, а Лисенок — Лисенок, кстати, потому, что тоже рыжий, — Петрович глянул на Огонька, — повел нас туда не через парижские улочки, как я надеялся в глубине души, а сквозь парижские катакомбы. И был у нас такой диалог:

— Следуйте за мной и никуда не сворачивайте, — сказал Лисёнок. — Парижские катакомбы достаточно гиблое место. Не счесть, сколько народу здесь сгинуло во время Второй мировой — и было бы пол беды, если б сгинули они от холода и голода.

— О чём ты? — по голосу было слышно, что Хорнет занервничал.

— Потом расскажу. Сейчас идите тихо и ничего не говорите. Эхо может долго лететь по коридорам.

Нам тогда он не рассказал, что к чему. Историю эту я услышал уже от Штиля, потому что он, в свободное время, покумекал с Лисенком, и тот рассказал ему, что да как обстояло.

Оказывается, во времена Второй мировой, а еще во времена до нее и даже после, французские катакомбы славились достаточно дурной славой — да, именно так, славились дурной славой. А почему? Да все было просто. Люди, забредшие туда, неожиданно исчезали. Это, знаете, как дети из «Оно» от Стивена Кинга. Вроде живы, вроде ходят туда-сюда, а потом хоб и весь город их ищет, да не находит, потому что теперь они «летают». А дело в чем было? Оказалось, среди парижчан... — Тут Петрович на мгновение задумался. Костер ярко горел, весело треща поленьями. — Парижевцев. Хм. Французов, короче, вот. Среди них ходила легенда о вендиго.

Брови Анны и Зои поползли вверх. Дед с интересом хмыкнул, а Огонек своих эмоций никак не выражал.

— Вендиго — это только легенда, да и водятся они, согласно легендам, в Северной Америке, — сказал Березовский, отпив чаю.

— Это верно. Поэтому, видимо, если и водились какие-то монстры в парижских катакомбах, то были это не вендиго — хотя было там и холодно, и голодно, — а какие-

нибудь их двоюродные братья. Но, может, это были и они сами. В любом случае, — Петрович пожал плечами. — Сами мы их не видели и не слышали. Но Лисенок, вроде как, что-то странное наблюдал. Да, Кость?

— Да. Лисенок был нашим связным в Париже, — я обвел присутствующих взглядом, — и провел достаточно много времени под землей. Он не особо хотел про все это рассказывать, но поведал, что слышал странный шум. Такой, сказал, издавал Хищник в фильмах. Знаете, этот горловой рокот. А один раз даже видел проскочивший силуэт высокого и невероятно худого существа, где-то совсем уж глубоко. Но, как заметил сам Лисенок, ему могло и показаться.

На некоторое время наступила тишина, которую неожиданно прервала Зоя:

— И почему ты мне эту историю никогда не рассказывал?

Я почесал в затылке.

— Ну...

— Ну-ну! Мы посмотрели все фильмы о Чужих и Хищниках, а то, что ты был в месте где что-то подобное могло быть, я слышу первый раз. Гну-гну! Всему тебя учить надо.

Все рассмеялись.

— Теперь очередь Анны, — Гаргарьин улыбнулся. Его рыжие волосы в свете костра были почти золотыми. — Она тоже может много баек рассказать.

— Поддерживаю, — Петрович тут же повернулся к ней. — Очень хочется послушать.

Женщина смущенно улыбнулась. Пламя отражалось в ее синих глазах.

— Хорошо. Вы только не смейтесь. Я бар-леди, а мы больше слушаем истории, чем рассказываем их. То, о чем хочу рассказать я, случилось в Минской губернии, около двадцати лет назад...

Байки мы рассказывали до самой ночи и каждая была страшнее предыдущей, за исключением, пожалуй, последующих баек Деда. Что бы не рассказывал Березовский, почему-то делал он это так, что часто становилось смешно. То ли дело было в его речевых оборотах, то ли в интонациях, но мы с Зоей сто раз ему посоветовали отправится шутить на сцену. Шаурмист имел бы там большой успех.

Весь следующий день мы прогуляли вокруг озера, у которого остановились на ночлег. За день успели обойти его полностью и вернуться к Форду Петровича. Местность, как показалось изначально, была не такой уж ровной. Дед, хоть и хотел горы, но остался доволен и полностью заросшими холмами. Тем более было очень красиво — дело близилось к зиме, осень успела вовсю заиграть своими яркими красками, выкрасив ими природу в желтые, красные и оранжевые тона. Гулять осенью в лесу — что может быть лучше? Будь моя воля, я, наверное, построил бы там домик и всю жизнь в нем прожил. Жаль, Зоя вряд ли согласится. Для начала нам все-таки нужно было посмотреть на Млечный Путь над Канзасом.

— Как думаешь, — спросил Дед, когда мы с ним вдвоем перебирались через небольшой брод. Речушка, уходившая в то самое озеро, была совсем небольшой. — Это мы проходим сквозь время, или время проходит сквозь нас?

— Не знаю, — я обернулся посмотреть на Зою и Анну, идущих вместе позади. Огонек и Петрович шли последними. — Наверное, время проходит сквозь нас.

— Но когда мы умрем, время останется, а мы нет.

— Хм. Да, пожалуй. Это сложно.

— Вот и я так думаю, — Дед почесал рыжую щетину. — Иногда сам удивляюсь своим вопросам. Надо книжки умные писать, не иначе.

— В наше время, — сказал я, когда Анна и Зоя перебрались через брод. Жена мне улыбнулась. — Людей не особо интересует философия. Но ты попробуй.

— Кто ищет, тот всегда найдет, но учтите, находишь обычно не то, что искал, — задумчиво ответил Березовский.

— Толкин?

— Да.

— Ясно. Пойдем дальше, а то нас догоняют уже.

В воскресенье утром мы начали собираться обратно. Ночи, не смотря на холод за стенами палатки, были достаточно теплыми, костер, тлеющий неподалеку, одеяла и Зоя давали достаточно тепла, чтобы не задубеть совсем. В Москву вернулись ближе к пяти часам вечера. Петрович всех разгрузил, а Анну решил подвезти домой лично. Мол, женщина одна будет палатку и остальное тащить, нет, так не годится. Никто, конечно, и виду не подал, что и слепому видно, что здоровяк влюбился по уши. К счастью, никто не считал это проблемой, потому что если приглядеться внимательнее, было видно, что Анна тоже запала на усача. Даже Дед ни разу не пошутил.

Мы с Зоей поднялись в квартиру, и, скинув все вещи со снаряжением в коридоре, тут же упали в постель.

— Мне понравилось, — сказала она.

— Мне тоже.

— Я же говорила, что надо чаще выбираться.

— Отлично, ты снова оказалась права.

— Подкальываешь, да?

— Ни капли.

Зоя положила голову мне на плечо.

— Хочу еще куда-нибудь, попозже.

— Зимой?

— Может быть. В какой-нибудь пансион. Только надо денег скопить.

— Надо, — я начал поглаживать ее по волосам.

Помолчали.

— Может, пиццу закажем?

— Пепперони?

Жена кивнула.

— И Маргариту.

— А смотреть что будем?

— Твоя очередь выбирать.

— Хорошо. «Дом большой мамочки».

— Мы же его пересматривали полгода назад, — Зоя чуть нахмурилась.

— А я еще хочу.

— Хорошо, хорошо. Я тебя слышала.

Я засмеялся.

— Да-да. Но, если хочешь, могу другое выбрать.

— Нет, давай его. Я тоже хочу пересмотреть. Но в следующий раз будет «Безумный Макс». Мы его ни разу не видели, а Дед говорит, что это настоящее преступление против кинематографа.

— Договорились.

Иногда забавно наблюдать, как человек строит планы. Большие или маленькие, с искренней надеждой на их исполнение или самоуверенностью, какой не занимать богам, если, конечно, они существуют. Мы с Зоей не посмотрели фильм и даже не успели заказать еду. Сначала я подумал, что она разыгрывает меня, пока не понял, что дерганные движения ее тела не уловка. Я схватил жену и уложил на спину. Она закатила глаза и билась в припадке.

— Родная!

Из рта начала выходить слюна.

Я резко перевернул ее на бок, надеясь, что она не захлебнется, и сделал правильно, но сдержать ее в таком положении оказалось тяжелее, чем остановить на ходу быка. Не успел я придумать, что мне делать дальше, как приступ прошел. Зоя затихла и перестала двигаться вообще.

— Солнце...

Я наклонился. Дышит. Медленно и очень тихо, но дышит. Господи. Я схватил телефон и быстро набрал номер Павла Константиновича.

— Алло?

— У вас оставался наш адрес. Вызовите скорую, у нее случился припадок или приступ, я не знаю. Сейчас он закончился. Она дышит.

— Понял. Скорую вызываю, жду вас в больнице.

К шести часам вечера, когда на Москву уже опустились сумерки, ибо темнело с каждым днем все быстрее, мы с Зоей оказались в больнице. На тот момент, когда она вновь оказалась на больничной койке, в сознание жена так и не пришла. Не пришла в себя она и к полуночи, даже после подключения аппаратов, стабилизирующих дыхание и подачу кислорода в организм. Датчики показывали, что все в порядке. Пульс был стабильный.

Я снова сидел рядом, на том же стульчике, что и в прошлый раз. Ее лицо было бледнее мела. Врач, который носил очки, короткую щетину и был чуть выше меня, стоял рядом.

— Что с ней, доктор? — спросил я тихо.

— Не знаю. Ей нужно будет снова сдать анализы, сделать флюорку и остальное.

— А если мы не выявим проблему?

— У всего есть свой исход и у всего есть свой исток. Должна быть проблема. Такое просто так случаться не может.

— Возможно, у нее появилась эпилепсия?

Доктор покачал головой.

— Сомневаюсь. А у нее были родственники с ней?

— Нет.

Наступила тишина.

— Вы можете лечь на соседнюю постель, если хотите. В коридоре дежурит сестра.

— Думаю, я не усну сегодня.

— Понимаю. Но, все-таки, попробуйте. Отсутствие сна ни к чему хорошему не приводит. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Зоя пришла в себя ближе к вечеру завтрашнего дня, проведя без сознания почти сутки. Сначала ее накормили, напоили и дали отдохнуть. С едой ее состояние улучшилось достаточно быстро — к лицу вернулся здоровый цвет, довольно скоро она смогла ясно, четко

говорить и даже смеяться. Анализы сдала через два дня. Ничего дурного они не показали. Это значило, что больше держать ее в больнице врачи не могли. Перед выпиской Павел Константинович подошел ко мне и отвел на пять минут в сторону.

— Случай с вашей женой ставит врачей в тупик, — сказал он прямо. — Однако современная медицина, несмотря на то, что с каждым годом развивается все сильнее, не может дать ответы на все вопросы. Человеческое тело, как и космос, или океан, хоть и изучено, но очень мало. Главную загадку составляет мозг. Он обследован лишь на девяносто пять процентов.

— Что вы хотите сказать?

— Когда я учился на врача, некоторое время практиковался и стажировался в странах Альянса. В общем-то в Чехии и Австрии, но довелось побывать и в Японии. Там я услышал лекцию от одного японского доктора, какого-то кандидата наук, что во время Второй мировой войны немцы во время пыток создали препарат, блокирующий определенную часть мозга. Эта часть отвечает за работу других органов, в том числе и легких. Если заблокирован мозг...

— Не работают и легкие, а значит, она не может дышать...

— Верно.

— Что мне делать, доктор? И где она могла заразиться?

Врач покачал головой.

— Это лишь история того доктора, Константин. Неизвестно, правда ли был разработан такой препарат, но, насколько мне известно, в древней японской медицине, в частности у буддистов, есть ответы и на вопросы того, можно ли снять блокировку с мозга. Другое дело, что добраться сейчас до Японии, получить туда визу и остальное...

— Стоит дороже, чем купить особняк в НРГ, — на выдохе закончил я.

— Верно. Что касательно того, где она могла заразиться, если мое предположение, а это лишь мое предположение — верно, я не знаю. В любом случае, двери нашей больницы всегда для вас открыты. Поищите информацию об этом в интернете. Думаю, должно что-то быть.

— Спасибо, доктор.

— Всего доброго, Константин. Удачи вам в поисках.

Глава 10. Добро пожаловать в Италию

...потому получается, что каждый, рожденный в государстве, обязан ему верой и правдой. Однако вера и правда не даются стране просто так — это работает только в обе стороны. Если государство не заботится о человеке, с чего бы ему заботиться о государстве?

Отец Тимофей, священник одной из церквей в Молодечно

Я смотрел, как медленно двигались облака над Сицилией. Впрочем, в действительности они двигались отнюдь не медленно: стоило лишь вперить в них взгляд, как можно было заметить, что они несутся гораздо быстрее, чем могло показаться сначала. Они были иссиня-темного цвета, закат не так давно сгорел, и небо на том участке выглядело как аккуратное, но неустанно гаснущее пламя. Такие закаты, закаты поздней весны и начального лета, на войне казались чем-то абсолютно печальным и красивым — однако, откиньте меня лет на десять назад, во времена, когда я был еще ребенком, и этот закат приносил бы совсем иные эмоции. Он являлся бы самым прекрасным явлением, какое только можно наблюдать в этой жизни. Впрочем, это, пожалуй, было вполне логично.

Вспомнив, что мы находимся на вражеской территории, я отошел от окна и повернулся к своим. Все были здесь: Ветрогон, Хорнет, Петрович, Рокки, Вереск. Была здесь и Альва девушка, вытащившая нас из плена в Норвегии. Сейчас она сидела, поджав под себя ноги и что-то рисовала в маленьком блокноте. На некоторое мгновение я задумался, подумав, какая странная штука жизнь. Вот Альва вытащила нас из подземелья, возможно, в корне изменив наши судьбы, а ее было так мало в этой истории, что я даже не помню, вспоминал ли хоть раз ее имя. Тем не менее, теперь она снова была здесь. Девушка с нашей последней встречи успела улучшить свой русский: теперь она понимала нас и вовсе отлично, хотя акцент, конечно, никуда не девался, тем более ее. Северные языки имели достаточно грубое, как мне казалось, звучание. Впрочем, не такое грубое, как немецкий.

Мы расположились в небольшом домике неподалеку от одной из итальянских деревушек. Он стоял на краю огромного поля, не сильно близко, но не очень далеко от дороги, на которой в течение целого дня, что мы здесь провели, никто так и не появился. В домике, очевидно, планировали сделать ремонт: уже были поставлены новые окна, кое-как сделаны полы, но работы предстояло еще очень и очень много. Было ясно, что дом этот только строился, потому большая часть здания была не готова. А еще всюду лежало сено, в котором мы разместились. В сене было тепло.

— Если мы пролежим здесь еще несколько часов, — сказал Хорнет, у которого наружу торчала только голова, — то я усну и точно не проснусь. Так мягко и тепло мне еще нигде не было.

— Говоришь так, будто сейчас на улице минус десять, — Вереск хмыкнул, держа в руках свою снайперскую винтовку.

— А в душе — холод и мороз...

— Началось, — буркнул Петрович.

Хорнет отмахнулся, подняв тем самым из сена маленький холмик. С тех пор, как к бойцу вернулся голос, он снова стал шутить, хотя и не так часто, как раньше.

— План все помнят? — спросил Ветрогон. Большую часть времени, то есть весь неполный день, что мы находились на Сицилии, капитан молчал.

План помнили все.

— Хорошо. Потому что пришло самое время его повторить, если вы не хотите, чтобы Мейгбун снова ушел живым. В этот раз расправиться с ним нужно окончательно.

Все были с ним согласны. Правда план, несмотря на его, хотелось бы, счастливый итог, все равно был достаточно сложным. Все должно было быть секунда в секунду.

И дело обстояло так.

Главной задачей, как было сказано несколько раз ранее, являлась ликвидация Мейгбуна. Операция состояла из нескольких этапов.

Резиденция Мейгбуна находилась аккуратно над коммуной Трапани. Когда мы впервые посмотрели на план этих мест, у Петровича возникла аналогия, что нацист живет на итальянских "голливудских холмах" — город лежал внизу и у него, конечно, открывался прекрасный вид из своего дома, как и на саму Трапани, так и на море, лежащее за ней. Хорошо устроился. И не жаль, что ему это не поможет.

Операция, которую мы сразу же посчитали самой сложной, была таковой вовсе не просто так. Одно дело попасть на завод с ядерными ракетами. Да, это, безусловно, было тяжело. Верно, Омессун тоже дался нам нелегко. Но добраться до Мейгбуна в полностью нацистской Италии, в вилле, окруженной охраной, над городом, полным врагов... Задача обещала быть тяжелой. Но нас это устраивало. Потому что как минимум у нас был неплохой план.

Петрович и Вереск, под видом простых гражданских, должны были оказаться в центре Трапани. Если говорить точнее, они должны были очутиться у основного оружейного склада этой коммуны, безусловно, хорошо охраняемом, даже подступы которого тщательно охраняли итальянцы. Задача была достаточно проста — подорвать к чертовой матери этот склад. Пробраться вовнутрь они намеревались, как и в предыдущие разы до этого, по канализации — единственное, нам было неизвестно, напичканы ли они решетками, но, в любом случае, при нужде они могли их срезать. Взрыв такой силы будет виден с резиденции, что, во-первых, отвлечет Мейгбуна и охрану, а во-вторых лишит город немалой оружейной мощи, что тоже было очень хорошо.

Задачей Альвы, Ветрогона и Рокки было также устроить массовый переполох, только на окраине города, уже неподалеку от резиденции, ровно следом за Петровичем и Вереском. Их миссия была очень опасной: Рокки должен был чуть ли не в открытую начать расстреливать нацистов из одного из домиков, имеющих пулеметное гнездо — он, по данным разведки, был свободен, что играло нам на руку. Когда итальянцы, в том числе те, которые находились рядом с резиденцией, побежали бы ликвидировать угрозу, отход Рокки прикрыла бы Альва со снайперской винтовкой, уже с совершенно другой точки. А отход Альвы, в свою очередь, прикрыл бы Ветрогон. В любом случае, нацисты точно будут отвлечены от Мейгбуна и потеряют склад с боеприпасами. Тогда к делу должны подключиться я и Хорнет.

Две снайперские позиции, которые нам нужно было занять, находились буквально в полутора милях от резиденции. Если нацист попытается уехать, мы бы точно просматривали обе дороги, ведущие от его дома. Расстрелять машину, мотоцикл или что-нибудь еще не составило бы труда. Если же он решит остаться, дело обстояло сложнее: нужно было проникнуть в виллу и убить его там. Ветрогон в таком варианте должен был подключиться к нам. Да, штурмовать резиденцию втроем то еще безумие, но кто сказал, что мы не безумцы? Главное — убить Мейгбуна. Из чувства мести, долга, по соображениям совести, неважно. В любом случае это поможет выиграть войну.

Выдвигаться на операцию мы должны были с приходом темноты, но ближе к рассвету. Трапани находилась неподалеку. А сейчас нужно было просто скоротать время.

— Интересно, — снова подал голос Хорнет, так и не вылезший из сена. — Бог действительно есть, и звезды с ним, или сверху — просто макет для человечества от инопланетян?

Ветрогон буркнул что-то нечленораздельное. Капитан был весь в себе.

— Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, — сказал Петрович.

Все удивленно посмотрели на него.

— Бродски? — с акцентом спросила Альва.

Здоровяк покачал головой.

— Маяковский.

— Аа, Маковски! Я его чуть-чуть читать. Тяжело.

— Да, для иностранцев он может тяжело даваться. Рифма необычная.

Альва покивала головой.

— Нравится Есени. Ровно пишет.

— Да, Есенин крутой, — Вереск уважительно посмотрел на Альву.

— А тебе кто нравится, Штиль? — Хорнет посмотрел на меня.

— Не разбираюсь в стихах, но помню, что Мандельштам хорошо писал.

— Я вернулся в мой город, знакомый до слез...

— До прожилок, до детских припухлых желез...

— Ты вернулся сюда, так глотай же скорей...

— Рыбий жир ленинградских, речных фонарей.

Некоторое время помолчали.

— Вечер поэзии, — чуть улыбнулся Ветрогон, глядя на нас. — Это хорошо, но нам всем надо поспать. Завтра самый важный день в наших жизнях.

Народ согласно загудел.

— Штиль, Вереск, вы первые на посту. Через три часа мы с Петровичем вас сменим.

— Хорошо, кэп. Всем доброй ночи.

— Доброй.

— Интересная штука — жизнь, — Иокир Мейгбун опустил на стул, сложив на его спинке руки. Затем опустил на них подбородок и светлыми глазами посмотрел на пленника. — Стоит в моей жизни появиться хоть чему-то хорошему, я тут же это теряю. Однако, — он прищурился. — Когда я ничего хорошего не жду, оно является само собой. И вот как это объяснить?

Пленный молчал. Пленный, сидевший рядом с ним, тоже. И еще восемь. Десятерс заключенных находились в камере. Нацист вздохнул.

— Гендеретт!

Друг вышел из темноты так, будто материализовался из нее. Волки ощерились на его плечах.

— Как думаешь, если мы начнем сносить им головы, они нам что-нибудь расскажут?

— Безусловно. Что взять с трусливых, безмозглых итальяшек?

— И верно. Эй, языкастые! — рывкнул для вида Мейгбун. — Мне надоело с вами

возиться. Если не расскажете все, что знаете о действиях сил сопротивления в Италии, а особенно на Сицилии, я поношу вам, нахуй, головы, точно также, как снес ее вашему приятелю. Все понятно?

Пленные что-то забормотали на итальянском.

— Нихрена им не понятно, — буркнул Гендеретт, вставив ключ в дверь от камеры. Резко открыв ее, он схватил за шкурку ближайшего итальянца и потащил к Мейгбуну. Остальные сразу же заголосили.

— Мы расскажем! — сказал с акцентом один из них.

— Быстро вы, — улыбнулся Мейгбун. — Гендеретт, придержи итальяшку. Если начнет выдумывать — убью его. Если нет, вернем в темницу. Слушаю.

— Корабли, — сказал итальянец.

— Корабли?

— Маленькие корабли. Забыть слово.

— Лодки?

— Лодки! Мы видели лодки недалеко от Трапани, лодки в кусты.

Мейгбун прищурился.

— Что еще за лодки?

— Я не знаю.

Мейгбун достал короткоствольный револьвер.

— Я честно не знаю! Это не наши лодки, не сопротивление!

Нацисты переглянулись.

— Кто-то высадился на берегу, — сказал Гендеретт. — Видимо, недавно, потому что никаких лодок там раньше не было. Где лодки? — обратился он к говорившему пленному.

Узник рассказал, где они видели "маленькие корабли".

— Отправь туда несколько отрядов, — Мейгбун повертел пистолетом в руке. — Прошерстите все вокруг, найдите следы, каждый дом облазьте. Найдите... Разведчиков?

Тут нацист взмахнул револьвером. Грохнуло, черепная коробка пленника, которого держал Гендеретт, треснула, обрызгав кровью прутья решетки. Узники закричали.

— Ты обещал вернуть его обратно!

— И я свое слово сдержал, — ответил Мейгбун, когда второй нацист закинул мертвеца к остальным. — Будьте пайныками, итальяшки. И спасибо за содействие — Северное Трио никогда не забывает тех, кто помогает ему.

Людей в центре Трапани было много. Вереск, не оборачиваясь, шел следом за Петровичем, который, чтобы не привлекать слишком много внимания своим ростом, шагал едва ли не полу согнувшись. К полудню солнце поднялось высоко над Италией, и на небе не было ни облачка. Это напрягало Вереска. Почему-то ему казалось, что такая чудесная погода обязательно должна смениться чем-то другим. Дождем? Градом? А может, резко пойдет снег? Кто его знает. В любом случае, это не нравилось как Вереску, так и шагающему спереди Петровичу, аккуратно рассекающему большими ручищами толпу. Но виду никто из них не подал. Сегодня было не время для домыслов и странных предчувствий.

— Вон блокпост, — тихо сказал Петрович, на миг замедлившись и кивком головы указав на двух итальянских военных, стоящих перед шлагбаумом. Примерно за ними и находился

оружейный склад.

— Нам, вроде, в дом чуть дальше, — Вереск попытался вспомнить объекты на карте. — А оттуда в канализацию.

— Хорошо. Только, если что, не стреляй. Иначе все сбегутся.

Так и поступили. Пройдя чуть вперед, разведчики быстро вошли в дверь одного из домишек, мгновенно ее за собой прикрыв. В доме никого не было.

Судя по интерьеру вокруг, раньше он был какой-то сувенирной лавкой. С началом войны такие предприятия позакрывались или начали служить каким-то другим целям — данное место также не стало исключением. Сувенирная лавка закрылась, но дом почему-то был открыт, хотя и пустовал. Но надолго ли?

Напарники обошли комнаты, стараясь не приближаться лишней раз к окнам. Спуск в подвал обнаружился, как ни странно, в ванной. Из подвала он уходил в канализацию.

В канализации же, как обычно и бывает, было сыро. Благо, далеко идти не пришлось. Через несколько минут Вереск и Петрович обнаружили подъем наверх, который и был начертан у них в карте. Перед тем как подняться разведчики послушали, есть ли кто наверху. Никакого шума не было. Напарники приоткрыли люк.

Темнота хоть глаз выколи. Вереск, лезший первым, подождал, пока глаза немного привыкнут к ней. Когда разведчик стал различать объекты интерьера и понял, что поблизости никого нет, включил фонарик. Через полминуты они уже стояли среди стеллажей, уставленных горами ящиков с боеприпасами и взрывными устройствами. Окон здесь не было, а сам склад оказался не таким уж большим, каким думалось изначально. Напрягал только тот факт, что в дверь, находившуюся неподалеку, в любой момент могли зайти итальянцы, которые, безусловно, стояли прямо за ней на посту. Однако, если не подавать шума, у них, возможно, и не будет повода заходить.

— Ну, начнем, — пробормотал Петрович. — И да поможет нам Бог.

Установка бомбы — дело опасное. Особенно тогда, когда не являешься в данном искусстве профессионалом. Хорошо хоть была четкая инструкция, которую дали им накануне. Лучше иметь краткий курс знаний, чем не иметь никакой.

Когда разведчики закончили установку взрывного устройства, которое по итогу получилось достаточно крупным, за дверьми послышался шум приближающихся шагов. Вереск мгновенно выхватил пистолет, уже готовясь открыть огонь по вошедшему, но шаги резко ушли в другом направлении и напарники облегченно выдохнули, установив на бомбе таймер и запихав ее поглубже в ящики.

— По-крайней мере мы не взорвались сразу, — тихо сказал Вереск.

— Да. Теперь все зависит уже от них, — Петрович вытер со лба пот. — А сейчас нам нужно сматывать удочки. Если повезет, сегодня мы войдем в историю.

— Мы и так вошли в историю. Причем дважды.

— Ну и хорошо. Бог любит Троицу. А теперь уходим!

— Ребята, меня слышно там? — тихо спросил в рацию Рокки. Раздалось шипение и разведчик услышал голос Ветрогона:

— Все в порядке, Рокк. Связь хорошая.

— Я почти на месте. На улицах относительно пусто, к пулеметному гнезду пробраться

сумею. Вы готовы?

— Готовы, — подключилась Альва. Ее акцент был слышен даже через рацию. — Можешь стрелять.

Рокки улыбнулся. Нравилась ему эта девушка, хоть он никому этого и не показывал.

— Выдвигаюсь на точку. Конец связи.

Разведчик, попытавшись спрятать пулемет в пальто, вышел из деревьев на улицу. Она практически пустовала, не считая нескольких итальянцев в самом низу, спускающихся по склону. Перейдя на другую сторону Рокки шагнул в переулок, после чего пошел маленькими двориками до дома, где и располагался дот. Добрался достаточно быстро. И, возможно, двигайся он чуть медленнее, это могло бы ему помочь. Но, видимо, не сегодня.

Итальянский солдат, неожиданно появившийся в дверном проеме одного из домов, уставился на него. Ремень свисал у бедра. Видимо, он не успел его застегнуть.

Рокки встал как вкопанный. А затем резко поднял пулемет, но противник оказался быстрее.

Толчок оказался настолько сильным, что Рокки, несмотря на достаточно тяжелое оружие в руках, на мгновение оказался в воздухе — ровно перед тем, как удариться спиной о бетонную кладку соседнего дома. Не успел разведчик вскочить, как итальянец уже оказался рядом.

— Торо inglese!(*Английская мышь!* — *итал. яз.*) зарычал он и врезал Рокки по лицу. — Сомо осі presentarti qui?(*Что ты делаешь здесь?*)

Кудрявый боец резко ткнул итальянца в живот стволом пулемета. Когда тот мгновенно скорчился, вскочил и с замахом врезал снова, уже по челюсти. Потерявший сознание итальянец рухнул в пыль, задев ногой какую-то вазу с цветком. Та, упав, разбилась, рассыпав землю на голову врагу.

— Я из НРГ, — выдохнул Рокки, потирая место, куда ударил его итальянец. — Не знаю, о каком англише ты говоришь.

Рокки затащил итальянца в ближайшее помещение и закрыл дверь. Однако отправиться дальше разведчик не успел. Шум раздавался из того дома, откуда вышел итальянец. Боец взял пулемет поудобнее и подошел ближе. Окна были занавешены. Дверь приоткрыта. Разведчик медленно вошел в дом.

Иногда человеческая жестокость не знает границ, ровно также, как человеческое скотство. Война же такие вещи оголяет еще сильнее, показывая их в полной своей силе, пускай удивительными на той же войне, они, пожалуй, не были.

С десятков девушек находились внутри. Полностью голые, в цепях, грязные, зрелые и молодые, они жались друг к другу, испуганными глазами смотря на вошедшего кудрявого парня с пулеметом. Рокки выдохнул, выпустив воздух через нос. Эти скоты насиловали женщин, заковав их в железо. И что делать? Им некуда бежать. Не сейчас.

— Неу(*Эй — англ. яз.*)... — сказал Рокки, пытаясь вспомнить английский. — I come back you(*Я возвращаюсь к вам*).

— Вы русский? — неожиданно прошептала одна из девушек.

— Что?

— Вы русский? — говорившая попыталась прикрыть грудь руками, сведя бедра.

— Да, — ответил разведчик, изумленный русской речью. — А вы?

— Белоруска. Мы все здесь из НРГ.

Рокки почувствовал, как ярость начинает леденеть в нем.

— Как вы сюда попали?

— Это долгая история, — одна из женщин посмотрела в занавешенное окно. Глаза у нее были пустые и безумные одновременно. — И, наверное, это уже неважно. В Италии слабое сопротивление, чтобы освободить нас. Этот кошмар будет длиться вечно.

— Вам нужно уходить отсюда, — сказала женщина, сидевшая ближе всего к разведчику. — Они могут прийти в любой момент.

— Итальянцы?

— Да.

Рокки сжал зубы.

— Я не могу вас здесь оставить.

— Но освободить тоже не можете. Тогда они поймут неладное и отправят поисковые отряды.

— В любом случае, — сказала та, что была с пустыми глазами, — нам не убежать отсюда.

Наступила тишина.

— Я вернусь за вами, — сказал Рокки. — Обещаю.

Девушка, которая заговорила с ним первая, улыбнулась.

— Мы верим. Как вас зовут?

— Рокки.

Она кивнула.

— Хорошо, Рокки. Уверена, долго ждать не придется.

— Хорнет.

— Чего?

— Просто хотел сказать, что если ни черта не выйдет, то я рад, что служил с тобой.

— Заткнись, Штиль. Все у нас выйдет, — голос напарника из рации был чистым и почти без помех. — Настройся на успех. Представь голову Мейгбуна отдельно от тела.

— Да. Да, было бы славно.

Я замолчал. Мысли, несмотря на то, что я всячески старался выкинуть их из головы, неустанно и досадно вертелись в ней.

Вид на резиденцию Мейгбуна открывался отличный. Одну из дорог, ведущую в гору, по которой можно было также спуститься и в город, тоже было видно хорошо. Отличный снайперский простор открывался отсюда, из тени деревьев и грубых холмов. Я очень надеялся, что итальянцы не смогут меня здесь найти, по-крайней мере, хотя бы какое-то время. Хорнет расположился на другой стороне от резиденции, в укрытии схожем моему. Какую бы дорогу не выбрал Мейгбун, если какую-нибудь из дорог он все же решит выбрать, мы имели над каждой контроль. Другое дело, хватит ли точности и времени попасть в него... Но выбора не было. Мы были обязаны это сделать.

День, несмотря на хмурое утро, оказался солнечный. Не оглядываясь на то, что на улице стояло лето, складывалось ощущение, что сейчас была холодная зима. Дело было не в температуре или осадках — дело было в небе. Случается так, что зимой на небе нет ни единого облачка, оно яркое-яркое и синее, настолько, что окружающее пространство превосходно видно и без снайперского прицела. Сейчас была именно такая погода. Только

было тепло и зелено.

Взрыв, несмотря на то, что мы ожидали его по часам, случился все равно неожиданно. Рвануло так, что столпы дыма поднялись, по меньшей мере, на километр вверх. С моей позиции было видно горящий итальянский арсенал и бушующее пламя на его останках. Тут же заорали повыпрыгивавшие неизвестно откуда итальянцы. Улицы в миг стали бурнооживленными. Гражданские и военные вперемешку столпились вместе, смотря в сторону взрыва. Несколько машин с солдатами действительно отправились в центр города, на место происшествия.

— Хорошо рвануло, — хрипнуло радио голосом Хорнета.

— Хорошо.

— Мейгбуна не вижу. Ни на веранде, ни в окнах, нигде. Ты?

— Также. Хотя...

— Что?

— Поздно.

— Что?!

— Прошел быстро в окне вглубь дома. Может быть, собирается уезжать.

— Будем наготове, Штиль. Сейчас должны остальные подключиться.

Рокки не замедлил себя ждать. Пусть пулеметная очередь достаточно глухо доносилась досюда, мы помнили о том, что члены отряда были от нас относительно недалеко. Через минуту непрерывного огня она заглохла. Раздались крики итальянцев, которых почти не было слышно, а затем одиночные выстрелы снайперских винтовок. Я посмотрел в сторону, откуда они звучали. Синее небо, высокие деревья. Где-то среди них лежал Хорнет. Мейгбун не выезжал.

— Нужно идти туда, Штиль.

— Тогда выдвигаемся, — я выдохнул, чувствуя, как руки начинает сводить от напряжения. — Но, Хорнет.

— Что?

— Сначала я.

— Нет уж.

— Если он все-таки поедет, ты сможешь его подстрелить. Если он поедет в мою сторону, то выйдет прямо на меня. Поконтролируй еще немного свою дорогу.

Хорнет вздохнул.

— Хорошо. Пять минут, Штиль. И я выхожу.

Спрятав снайперскую винтовку среди кустов и тряпья я сунул за пазуху небольшой полуавтоматический автомат без приклада. Пистолет покоился в кобуре, нож — в левом ботинке. Была или не была. Сейчас или никогда.

Влиться в толпу гражданских оказалось несложно. Пока те были отвлечены стрельбой и взрывом склада, я быстрым шагом добрался до резиденции, перелезши через невысокий, белый забор, какие часто ограждали виллы в Италии, а особенно на Сицилии.

— Выхожу, Штиль.

— Хорошо. Жду тебя. Конец связи.

Охрана тоже действительно покинула резиденцию, либо, что было вероятнее, вся переместилась внутрь здания. Когда Хорнет оказался рядом, никто по-прежнему не появился.

— Ну что. Будем разделяться?

Я качнул головой.

— Ты забыл, что происходит в кино, когда друзья разделяются?

— Нет.

— Вот именно. Тем более если их там целая толпа, вдвоем будет проще справиться. Если мы справимся.

— Справимся, — напарник взял поудобнее точно такой же автомат без приклада, какой был у меня. — Пойдем. Найдем сукина сына.

Внутри попали через небольшое окно, ведущее в широкую, ванную комнату. Очевидно, Мейгбун не слишком беспокоился за свою жизнь, раз попасть на территорию резиденции и в саму резиденцию оказалось так просто. Внутри было тихо и пусто. Дверь была заперта.

Подойдя к ней, Хорнет прижался к ней ухом. Показал, что ни одного звука не слышно. Я кивнул. Напарник открыл дверь.

Фразу "Богато жить не запретишь", очевидно, придумали, вспоминая Йокира Мейгбуна. Нужно ли рассказывать, насколько шикарной была резиденция? Не знаю. Если человек может себе представить итальянскую виллу изнутри, или хотя бы американскую, ту самую, что стоит на холмах, то он сразу поймет, каково там.

Широкие и гладкие лестницы белого цвета, ведущие вниз и вверх, огромные стеклянные окна, из которых открывался отличный вид на раскинувшийся город внизу. Такое убранство доступно либо тем, кто вкалывал на это не щадя ни себя, ни собственного времени, либо тем, кто думает, что он лучше всех остальных, а потому может играть грязно. Йокир Мейгбун был из вторых. Так, по-крайней мере, думал я.

Вот только где он сам?

Хорнет с автоматом наготове осмотрелся по сторонам. Затем посмотрел на меня. На немой вопрос "А где же охрана?" я и сам не знал ответа. Это было очень странно. А еще более странно...

Я замер, почувствовав, как леденеют ноги, а ладони начинают потеть. Камера — камера, показывающая изображение в живую, штука, доступная также далеко не всем, нацелилась на нас с Хорнетом, помигивая своим красным, почти что кровавым глазком. А потом рвануло.

Не знаю, сколько прошло времени, как я пришел в себя. Не знаю, терял ли я сознание на самом деле. Понимал лишь одно: на голове есть что-то горячее и мокрое, и, очевидно, этим горячим и мокрым была кровь. А еще лежать, прижатым кусками бетона к полу, было просто отвратительно и невыносимо больно. Не было никакой речи о том, чтобы сдвинуть куски самому. Пыль, медленно оседающая на нас с Хорнетом, которого прибило точно также, никак не могла улечься, медленно оседая на нас. Тут я заметил, что вилла потеряла часть крыши. Синее небо виднелось в отверстие, оставшееся после взрыва.

— Парни, — раздался усталый голос. — Я понимаю, что я оплот мужественности и сексуальности. Правда, — Мейгбун появился из облака пыли. Нацист был полностью экипирован, точно также, как и в прошлые разы. Монтировка виднелась из-за серебряного волка на плече. — Но вам не кажется, что наши встречи стали чем-то скучным и банальным? Какой раз я уже даю вам просратья, м? Какой раз вы валяетесь после взрыва на полу, не в силах сопротивляться мне?

— Я бы так не сказал, — ответил я, чувствуя, как осколок бетона давит на грудь. — Как твоя морда, кстати? Зажила? Когда я бил, складывалось чувство, что она уже не заживет, до того это было легко.

Мейгбун посмотрел на меня. Затем подошел ближе и поставил ногу в берце на на кусок, придавивший меня к земле. Я выдохнул, ощущая, как заканчивается воздух.

— Ты не представляешь, как сильно надоел мне, — сказал нацист. Затем помолчал.

— Бьет, значит любит, — попытался хохотнуть Хорнет, точно также лежа рядышком. — Может, он тебе и надоел, но факт фактом, — он набрал побольше воздуха в легкие. — Ты не такая уж неприступная сучка, какой хочешь казаться.

— А почему ты рядом с ним постоянно тусуешься? — поднял брови нацист. — Вы, ребята, часом не пидоры? А то в моей идеологии, их, знаете ли, не любят.

— Катись к черту, — сказал я. — Вместе со своей идеологией.

Нацист посмотрел на меня. Помолчал, а затем вытащил короткоствольный револьвер, тот самый, из которого выстрелил мне в бок.

— Покачусь. Но сначала вас к нему отправлю. Славно поиграли, ребятишки.

Последние слова, которые он все же успел договорить, практически растворились в странном и неожиданно появившемся шуме. Мы все замерли, стараясь не дышать. Мейгбун нахмурился, глянув на нас обоих из-под светлых бровей. Поняв, что это за шум, я открыл от изумления рот.

Вертушка. Звук лопастей, раздававшихся все ближе и ближе.

— Вы действительно вздумали атаковать Италию? — потрясенно выдохнул Мейгбун.

— Это не наш вер... — Хорнет закончить предложение не успел. Неожиданно пространство вокруг заполнили люди, одетые в неизвестное нам обмундирование. На черных бронежилетах имелись красные значки, образующие странные красные линии. Я нахмурился, попытавшись вспомнить, где я их видел. Шум вертолета раздавался все ближе.

— Иокир Мейгбун, — крикнул один из военных. — Вы обвиняетесь в бесчисленном количестве преступлений против всего мира и государства Малайзия в частности. Вы арестованы. Немедленно опустите оружие.

— Малайцы, — снова выдохнул Мейгбун. — Вы хоть знаете, кто я такой?

— Безусловно. Опустите оружие, или мы будем вынуждены вас обездвижить.

Военные свою угрозу выполнили. Когда нацист резко поднял револьвер, в помещении грохнуло, хотя звук от выстрела из-за приблизившегося вертолета почти не было слышно. Нацист вскрикнул и упал на пол.

— Заберите его, — сказал единственный говоривший. — Рану обработаете в вертушке.

— Сукины ублюдки, — зарычал Мейгбун, когда двое солдат поволокли его прочь из резиденции. — Я вас всех поубиваю к чертям!

— Стойте! — крикнул я. — Он нам должен!

Тут, по всей видимости, командир малайцев, заметил нас с Хорнетом.

— А вы еще кто такие?

— Мы из НРГ, — хрипло сказал Хорнет.

— Ах, из НРГ, — мужчина снял шлем. Выглядел он как вылитый Пабло Эскобар. — Тоже свора дебилов, не иначе. Ну, хорошо. Хорошо. Поедете с нами.

— Вы отдадите нам Мейгбуна?

— Что? — "Пабло" рассмеялся. — Нет, ребята. Иокир Мейгбун теперь будет сидеть в малайской тюрьме. И вы, кстати, тоже. Надеюсь, вы успели насладиться красотами Италии? Эй, парни! Вытащите их. Это будет знатная веселуха.

Глава 11. Грусть и свет

Книги нужны, чтобы напомнить человеку, что его оригинальные мысли не так уж новы.

Авраам Линкольн, Президент США и Герой Американского Народа

Следующие несколько недель прошли достаточно спокойно. После того, как у Зои случился припадок, когда мы вернулись из путешествия, никаких признаков болезни у нее больше не случалось. Ни головной боли, ни температуры, ни кашля. Никакого насморка и давления. Все было хорошо, но это и пугало меня больше всего. Потому что так быть не могло. Болезнь, с которой мы столкнулись — или, вернее сказать, вирус, "хворь" — теперь казалась непобедимым врагом, если это была действительно она. Зоя была поставлена в полную известность о своем состоянии. Вот только отнеслась к этому совсем иначе, чем я.

Отнеслась спокойно.

— Ты слишком переживаешь, милый.

— Переживаю? Конечно, Господи, я переживаю. Они не знают, что с тобой происходит, а единственный способ помочь — отправиться на другой конец света.

— И не факт, что это поможет.

Я посмотрел на нее абсолютно беспомощно. Жена прижалась ко мне.

— Знаешь, родной, мы знакомы с тобой столько лет, но ты до сих пор не понял одной важной вещи: если что-то случилось, значит, ему было суждено случиться, как бы ты этому не противился.

— Хочешь сказать, тебе суждено умереть?

— Мне суждено заболеть, а умру я или буду жить — тоже решать не мне. Все будет так, как будет, милый.

— Ты не понимаешь, — выдохнул я и сел на колени перед кроватью. Жена, сидя на ней, посмотрела на меня. — Ты не понимаешь, детка. Когда угрозе подвергаешься ты сам — относишься к этому гораздо проще. Но когда что-то угрожает тому, что ты любишь больше всего на Земле, это совсем другое дело.

— Милый...

— Нет, послушай. Я сейчас ищу всю возможную информацию об этом. И я найду деньги, чтобы отправиться в Японию. Я туда доберусь, мы доберемся, если это потребуется. И я вылечу тебя, чего бы мне это не стоило. Ясно? Но не смей опускать руки. Если ты дашь болезни бить тебя — она будет тебя бить. Но если ты будешь сопротивляться, у нас будет больше времени. И тогда мы сможем победить.

В комнате наступила тишина. Во всей квартире наступила тишина. В квартире, в которой всегда все было хорошо, в которой было спокойно и уютно, в которой было прекрасно и в которой все это минуло, потому что теперь все иначе, теперь все может исчезнуть раз и навсегда.

— Победим и поедем в Америку? — шепнула она. Я мысленно вздрогнул, увидев слезы в уголках ее глаз.

— Да. Поедем посмотреть на Млечный Путь над Канзасом. Но не смей сдаваться. Потому что, кажется, я знаю, как заработать денег.

Жена посмотрела на меня. Я мягко поцеловал ее в нос.

— Всему свое время, милая. Просто верь. Просто верь мне.

Огонек выслушал меня абсолютно молча, не перебив ни разу. Мы сидели в одной из закусочных в южной части города, у окна: снаружи было достаточно темно, покапывал холодный, мелкий дождь. Небо было тяжелым и серым. Сумерки начинали постепенно вступать в свои права. Когда я закончил рассказ, Сережа потер глаза и уставился в окно. Снова какое-то время помолчал. Мне очень хотелось перебить его молчание, но я не стал. Знал, что не следовало.

— Да, это возможно, — сказал он. — Но у меня есть несколько вопросов.

— Да?

— Неужели нет никакого другого способа попасть в Японию? Именно накопить денег и сесть на самолет?

— У меня сейчас нет знакомых, через которых можно было бы оформить такую услугу. Тем более, это достаточно дорогая услуга.

Огонек покачал головой.

— Да, — согласно сказал я. — Сейчас не послевоенное НРГ, и, вероятно, если поискать человека, он возьмет меня на борт. Но тогда платить придется ему, даже если меньшую сумму. Мне в любом случае нужны деньги.

— А если скинутся всем? Я могу помочь. Петрович, Дед.

— Не хватит, Сереж. Этого не хватит на билет туда, обратно и уж тем более на пребывание там. Это другой свет. Тем более санкции и прочее. Я приму помощь, но это все равно нужно.

Гаргарьин почесал усы.

— Конченная у нас жизнь. Сами живем с относительным комфортом, но поехать мир посмотреть — нужны баснословные деньги.

Я слабо улыбнулся.

— Да, такова участь нас, простых смертных. Так... Какие еще есть вопросы?

Огонек снова помолчал.

— Я могу взять тебя тренировать. Это не вопрос. Но ты должен понимать, что это может не помочь. Это не просто драки за деньги, там можно умереть.

— Знаю. Но со смертью я встречался часто. Справлюсь.

— У тебя есть опыт в драках?

— Да.

Гаргарьин недоверчиво посмотрел на меня. Я усмехнулся.

— Да, знаю, что выгляжу скучным и спокойным парнем, но когда-то у меня был опыт в драках. Именно в жестких. А так — мы с Дедом иногда попадаем в передраги.

— Фигня эти ваши передраги... Ладно, может, по памяти тела...

Парень вздохнул.

— Нужно будет обсудить еще несколько вопросов, но пока что, думаю, все. Первую тренировку назначаю в понедельник.

— Хорошо. Спасибо, Сереж.

— Кость.

— Да?

— Будет тяжело.

— Я знаю, приятель, знаю. Но выбора нет. Я обязан.

Договориться с Петровичем о том, что смены я буду заканчивать теперь на два часа раньше обычного, не составило труда. Зоя была не в курсе моей идеи заработать денег, — рассказал я об этом только Огоньку, Деду и самому Петровичу. Все трое пообещали мне выделить денег на лечение Зои. Или, вернее сказать, на путь к ее выздоровлению. И мы начали тренироваться. Я и Огонек. И тренировки были тяжёлыми.

Зал, в котором мы занимались, назывался "Синий бык". Большим плюсом этого зала являлось то, что народу здесь было немного, а заниматься можно было не только каким-то определенным видом спорта. Заведение включало в себя саму идею боев, а каких именно, решал уже приходящий сюда человек. Ринг и груши также были на месте. В понедельник, когда я пришел сюда в первый раз, народа не было вообще. Старый, нарисованный на доске при входе синий бык, грозно глянул на меня единственным глазом, который было видно.

— Ты тратишь слишком много энергии, — сказал мне Огонек, когда мы уже разделись по пояс, разулись и забрались на ринг. После разминки и недолгой работы с грушей друг сразу решил браться за дело.

— Давно не дрался, — я вытер перебинтованной рукой пот со лба. Рыжий жал меня к ограде из канатов, нанося неторопливые, но опасные удары.

— Не сомневаюсь, но запомни одну вещь: чем больше движений, тем меньше выносливости, чем меньше выносливости, тем меньше времени и сил. Чем быстрее ты выиграешь раунд, тем лучше. Это логика.

— Понял.

Огонек нанес резкий удар. Кулак рассек воздух над моим правым ухом. Я резко оттолкнул рыжего от себя, переместившись ближе к центру арены. Теперь мы поменялись местами.

— Неплохо, — сказал он. — А что дальше?

Я сделал выпад, прописав двойку в пространство вокруг Огонька.

— А теперь вторая вещь: ты пока не сильно крутой боец, чтобы прописывать мощные и долгие комбинации. Атака — это тоже расход энергии. Если все будет идти, как надо, тебе хватит всего одного удара, чтобы победить. Главное не то, сколько ударов, а то, какие они.

Неожиданно рыжий резко проскочил под моей рукой и врезал мне по лицу. Оказавшись на полу, я открыл глаза. Огонек протянул мне руку. Я поднялся.

— Что пишут об этой болезни?

— Честно говоря, очень мало информации, — я потер место, куда ударил Гаргарьин и посмотрел в окно. Пасмурная погода никуда уходить не хотела. Московское небо снова затянули тучи. — Нашел одно-два упоминания в интернете. Одно связано с этой "хворью", другое отчасти. Вывод все равно один: японские монахи, живущие в отдалении от городов и даже сёл, могут обладать чудодейственными силами, способными помочь. Точнее, это не магия. Я еще нашел одну книжку, в которой было об этом немного сказано. Это комплекс каких-то целебных действий, физических, и что-то связанное с медитацией. Физические действия повернут вспять саму болезнь, когда... Если она успеет разрастись, а медитация поможет ее уничтожить в принципе. Если, опять же, говорить грубо... Я не знаю.

Огонек некоторое время помолчал.

— Ладно. Главное туда добраться, а там уже будем смотреть. Сейчас время тренировок. Продолжим?

Я кивнул.

— Хорошо. А теперь защищайся.

Холодный ветер заставил нас с Зоей поднять выше ворота своих плащей. Зайдя за угол, мы пошли по переулку, чувствуя, как дождь начинает касаться каплями наших макушек. Через несколько минут мы добрались до нужной двери и постучали в нее. Дверь нам открыла достаточно высокая, статная женщина. Волосы у нее были длинные и собранные наверху в величественный пучок, среди темных линий которого проглядывала проседь.

— Штили?

Мы кивнули.

— Проходите.

Мы прошли в узкий коридор и поставили на пол сумки и рюкзаки, которые несли с собой. Плащи повесили на вешалку, очевидно, висящую здесь очень давно. Понять это было очень просто: сейчас таких вешалок банально не делали. Не потому, что не было хороших мастеров, а потому, что раньше такие элементы интерьера отличались от тех, которые делают сейчас. Они выглядели как часть ушедшей, великой эпохи; или, точнее, они ею и являлись.

— Много принесли?

— На ребят пятнадцать-двадцать, думаю, хватит, — сказал я. Мы прошли по темному коридору и оказались в достаточно просторной комнате, в которой было светло. Дождь за окном обретал все большую силу. В центре помещения стоял довольно широкий, деревянный стол. Сумки и рюкзаки, которые мы поднимали вновь, когда разделись, начали медленно опустошаться — ровно по мере того, как мы с женой доставали из них вещи. По итогу на нем оказалось пять толстовок, столько же свитеров, парочка осенне-весенних курток и семь-восемь рубашек. Еще мы выгрузили семнадцать пар новых, теплых носков, которые купили по дороге сюда.

— Много привезли, — женщина помолчала, оглядывая стол. Затем посмотрела на нас острыми, умными глазами. — Спасибо.

Зоя качнула головой.

— Не за что.

— Есть за что. Детские приюты не первые места, которые спонсируются государствами. Не так много чужих людей будут заботиться о чужих детях. Сегодня вы много для них сделали.

— Рады помочь, — тихо сказал я.

На некоторое время в комнате наступила тишина.

— Не хотите, — сказала женщина, — поговорить с кем-нибудь из них?

— О, я думаю... — начал было я, но Зоя перебила:

— С радостью! А с кем можно?

Губы женщины тронула легкая улыбка.

— Я вас отведу. Только не шумите: недавно был ужин, скоро они будут готовиться ко сну.

Через мгновение мы снова оказались в темном коридоре. Затем поднялись по лестнице. Всюду на стенах висели картины разных личностей прошлых веков: в достаточно тусклом свете ламп было трудно разглядеть, кто был на них изображен. Среди них я узнал Винсента Ван Гога и Говарда Филлипса Лавкрафта. Да уж, это было странное сочетание.

Поднявшись на второй этаж, мы прошли несколько метров и остановились перед одной из дверей. Женщина обернулась к нам.

— Девочка, которая здесь живет, поступила к нам недавно. Точнее, год назад. Сейчас ей семь лет. Год для детей из детского дома, особенно в таком раннем возрасте — это целая вечность. Сейчас она живет одна. Если вы сможете немного поднять ей настроение, это будет уже превосходно. Она не особо разговорчива, но всегда внимательно слушает, что ей говорят. Чудесный ребенок. Пройдемте, представлю вас, чтобы она не испугалась. Если вдруг что, я буду неподалеку.

Мы вошли в дверь. Почему-то мое сердце колотилось как бешеное.

— Мария, это дядя Костя и тетя Зоя. Они помогают приюту и пришли немного поговорить с тобой. Ты не против?

А затем мое сердце сжалось, после чего чуть не выскочило из груди.

Ребенок и в правду был чудесный. И комната у нее была хорошая: она сидела на кровати, находившейся слева, в то время как та, что была справа, пустовала. Все было аккуратно и убрано. В комнате было светло.

Мария выглядела как ангел, явившийся на Землю в форме маленькой девочки. Одета в милую, фиолетовую пижамку девочка имела светлые волосы и остренькие, нежные черты лица. Но у нее была одна особенность. Особенность, которая мало того, что, безусловно, сильно осложняла ей жизнь, но, видимо, еще и не давала ей завести семью.

На левом глазу у девочки имелась черная, пиратская повязка. Или, возможно, не пиратская. Но простая и черная: и я был уверен, что она там не просто так. Правый глаз девочки, серый и светлый, остановился на нас. В руках она держала книжку.

— Здравствуйте.

— Я оставлю вас ненадолго, хорошо? Буду рядом.

Девочка кивнула. Женщина вышла и закрыла за собой дверь. Я попытался поздороваться с ребенком, но только прокашлялся, пытаясь прочистить горло.

— Привет, — Зоя улыбнулась. — Мы поболтаем с тобой немного, хорошо?

— О чем?

— Не знаю. Тебе хочется о чем-нибудь поговорить?

Девочка задумчиво посмотрела единственным глазом в стенку.

— Я же вас почти не знаю.

— Ну, — мы с Зоей подошли поближе и сели на соседнюю кровать. — Ты уже знаешь наши имена, мы знаем твое. Почти друзья.

— Друзьями становятся в бою.

Я открыл рот. Зоя улыбнулась.

— Ты полностью права. А еще друзьями становятся тогда, когда люди рассказывают секреты, а те эти секреты хранят. Хочешь, мы тебе расскажем какой-нибудь секрет?

— Почему вы думаете, что я их сохраню?

— Я подумала, что ты из тех, кто умеют хранить тайны. Я права?

Девочка кивнула, собрав под себя коленочки.

— Какой у вас секрет?

Зоя наклонилась к ней и сделала очень доверительное лицо.

— Мы — космические странники.

— Как это?

— Ну, как? Мы пришли сюда, на Землю, с неба. Поэтому можем путешествовать и путешествуем по Земле. Странники по Звездам. Земля — это ведь тоже звезда. Небесное тело.

Девочка нахмурилась.

— Получается, вы — пришельцы.

Зоя задумалась.

— Да, думаю, так тоже можно сказать.

— Докажите.

— Как?

— Расскажите что-нибудь о ваших путешествиях.

— А, да это без проблем, — жена улыбнулась и повернулась ко мне. — Костя, расскажи

Марии о приключениях по Земле.

— Ну... — я снова прокашлялся.

— Вы заболели? — девочка посмотрела на меня.

— Нет.

— Тогда почему кашляете?

— Когда человек долго молчит, его горло немного перестает работать, как следует.

Кашель помогает ему заработать снова.

Девочка задумчиво нахмурилась.

— А приключения?

— Ну... — снова нукнул я. — Знаешь, это очень долгая история.

Девочка не ответила, не спуская с меня глаз.

— Но я тебе ее расскажу, — сдался я, поняв, что выхода нет. — Но ты должна не забывать, что это секрет. Хорошо?

— Я умею хранить секреты!

— Отлично! — Зоя сложила пальцы в замок и улыбнулась девочке. — Тогда слушай.

История предстоит очень интересная...

— Эта история, — начал я, — случилась давным-давно. Мир еще не был таким, какой он есть сейчас. Не было поездов и машин, как не было небоскребов и компьютеров. Земля была другой и мы стали свидетелями событий, которые, возможно, переломили в корень ход самой эволюции. Это случилось в момент, который в истории назван Юрским периодом.

Мария снова нахмурилась.

— Это когда?

— О, ты не знаешь! Это тогда, когда по миру ходили динозавры.

Девочка удивленно открыла рот.

— Но вы тогда, получается, очень старые, а таких старых людей не бывает!

— А вот ты слушай, — теперь наклонился уже я. — И тогда узнаешь, что на свете бывает много того, чего быть не может, и ровно наоборот. Это началось на одной старой и высокой горе, обросшей густым, зеленым лесом: называлась она Одинокая гора, и жил на ней один такой же старый динозавр. Назывался этот динозавр Ти-Рексом...

К ночи дождь пошел еще сильнее. Грозовые раскаты раздавались за окном совсем близко, и я радовался тому, что они все равно оставались глухими: стены в нашем доме были достаточно плотными, создавая отличную звукоизоляцию. Домой мы вернулись уже ближе к ночи. После того, как мы поговорили с Марией, отправились поболтать еще с несколькими детьми. Вместе нам было весело, даже не смотря на то, что поначалу с каждым ребенком общение давалось достаточно тяжело — тяжелее, чем оно началось с первой девочкой. За исключением Марии, мы познакомились с другой малышкой, Элеонорой, она была на два

года младше и играла в игрушки. Кстати говоря, в динозавров. Мальчик Филипп воспринял нас в штыки, пока мы не рассказали ему, что на самом деле являемся спецагентами НРГ. Упомянуть о том, что частично это являлось правдой, мы уже не стали. Тогда это было бы совсем другой историей.

Также мы познакомились с, как бы удивительно это не было, близнецами. Два мальчика, оба серо-голубоглазые, с темными, каштановыми волосами. С ними мы тоже нашли общий язык.

Каждому из детей мы привезли немного сладостей. Это было сущей мелочью, но иногда мелочи вмещают в себя целый мир. Иногда значимость мелочей и является целым миром, и я знал это как никто другой. Нам хотелось думать, что дети обрадуются этим мелочам. И они им обрадовались.

Но сейчас мне было тяжело. Так иногда бывает — каждому, наверное, знакомо такое чувство. Сначала ты не хочешь делать что-то хорошее, потому что знаешь, что это может принести тебе боль, боль не приходит, вместо нее приходит счастье, а потом, когда события случаются, боль, наконец, наносит свой заветный удар. Уже тогда, когда ее совсем не ждешь.

Зоя словно почувствовала мои мысли. От нее пахло клубникой и земляникой. Я любил, когда от нее так пахло.

Коснувшись губами моего уха, она спросила:

— О чем думаешь?

— О детях.

— Что надумал? Они чудесные, правда?

Я промолчал.

— Милый?

— У меня такое паршивое ощущение, будто мы дали им надежду, что заберем оттуда.

Теперь не ответила Зоя.

— Что все будет хорошо. Понимаешь?

Она не ответила снова.

— Милая?

Я повернулся к ней. И понял.

— Эй. Это разное.

— Разве?

— Да. Слушай. Я не сомневаюсь, что в конечном счете у них все будет хорошо. Я рад, что мы съездили и немного помогли им. И тебе можно помочь. Я над этим работаю.

— Решив драться в бойцовских клубах?

— Что?

Зоя покачала головой.

— Я не глупая, милый. Даже если все наши близкие скинутся, а близких у нас не так много, потому что у человека много близких быть не может, денег на такую поездку нам не хватит. Но если стать Чемпионом Клуба, можно забрать сто тысяч долларов, верно? А еще в понедельник ты пришел с побитым лицом. И я знаю, что с Дедом вы тогда не гуляли. Ты был на тренировке. Кто бы взялся тебя тренировать? Вывод прост. Огонек.

— И ты теперь осуждаешь меня за это?

Зоя снова качнула головой.

— Моя жизнь не стоит твоей.

— Бред.

— Нет, не бред! Совсем с ума сошел? Я, видимо, умру, так ты решил тоже за мной отправиться?

— Да, черт побери! — я вскочил с кровати. — Да, я решил за тобой отправиться! Почему ты не доверяешь мне?

— Почему ты не сказал мне сразу?!

— Солнце, я не серая офисная мышь, которая за свою жизнь кроме кипы бумажек ничего не видела! Ты же в курсе моих событий на войне!

— Да, я в курсе, ты многое пережил! Знаю! Но причем здесь бои без правил, милый? Да, ты дерешься на пару с Дедом, а тогда надрал зад тому нацисту во Франции. Но тебе не кажется, что этого мало?

— Не мало, — горько сказал я. — Потому что ты не все знаешь.

— О чем ты?

Я вздохнул, чувствуя, как сердце бьется в груди.

— Я рассказал тебе подробно о Швеции, Франции и Италии, но никогда не говорил...

— Что было в Малайзии.

На несколько секунд наступила тишина.

— Да.

Зоя, успевшая встать, села на кровать.

— Тогда самое время тебе об этом рассказать, милый. Потому что я не хочу, чтобы ты дрался за меня. Это не тот способ заработать денег. Только если не переубедишь меня в обратном.

— Да. Да, ты права.

Я постоял с полминуты и прошел к шкафу, в котором хранилась наша верхняя одежда на осень-зиму. Наклонившись, достал из самого низа, заваленного грудой хлама и тряпья, чемодан.

— Это твой чемодан с войны.

— Верно. Большую часть его содержимого ты видела. Но есть кое-что еще. Материалы последнего эпизода...

Я вынул из старого, желтого конверта несколько фотографий. Затем сел на кровать, рядом с женой. Дал их ей.

— Это...

— Да. Это Мейгбун в малайской тюрьме. Это — Хорнет. Ветрогон. Рокки. А это я.

— Ты все-таки сел туда... — выдохнула она.

— Да. Сел. А теперь пришло время и тебе рассказать историю. Точнее, дорассказать...

Человек молчал. Его худое лицо с острыми линиями скул, обросших густой бородой, не выражало абсолютно ничего. Складывалось впечатление, что он либо спит, либо умер. Самым страшным являлось то, что вполне вероятным было и то, и другое.

Разбудили его еще до того, как над концлагерем начало подниматься солнце. Немцы ничего объяснять не стали. С ругательствами и оружием в руках выгнав его на улицу, повели прочь от блока, где спали узники, где спал он сам. Пускай заключенных здесь было не так много, каждый успел познать, что значит "настоящий ад на Земле". Таковой была судьба каждого, попавшего в лагерь смертников.

Лес темнел в тени гор, под которыми расположился лагерь. Небо еще было темным, но постепенно светлело. До восхода оставалось не так далеко. Если, конечно... Узник чуть

нахмурил уставшее лицо. Он не помнил, где располагался лагерь. Но, в любом случае, это, наверное, было не так уж важно. В любом случае, находились они где-то близко к Германии, а ни союзники, ни русские не могут сюда добраться. Для этого требовалось бы остановить Машину Зла, Третий Рейх, а такой поступок под силу только настоящим героям. Этой войне, наверное, не будет конца. По-крайней мере не при его жизни.

Его звали Генрихом и сам он был родом из Нидерландов. Когда-то у него была семья. Ровно до тех пор, пока нацисты не затравили ее в камере газом. Почему? Вероятно, причина была в том, что в семье Генриха была капля еврейской крови, а идея чистоты арийцев была слишком сильной и безукоризненной, чтобы такое могло быть допустимым. Так или иначе, это случилось давно. Кажется, полтора года назад. Полтора года — это целая вечность, и не только тогда, когда яростно чего-то ждешь, сколько тогда, когда это что-то уже прошло. Прошло, разорвав твое сердце на тысячи мелких осколков, которые, один за одним, постепенно перестают пульсировать, завершая кровоток по венам. А потом всё. Потом просто холодное тело.

Его провели в подвал по холодным, каменным ступеням. Он уже не чувствовал холода. Его ноги давно были обожжены одним из методом пыток и кожа потеряла свою чувствительность. Иногда это было плюсом, но гораздо чаще — минусом. Здесь, в концлагерях, плюсов было очень мало. А те, кто сумел продержаться здесь подольше, говорили, если на это оставались силы, что плюсов нет вообще. И это, пожалуй, было самой честной правдой, которую может услышать человек.

Подвал был не простым. Говоря откровенно, подвал смахивал на лабораторию. Через несколько минут, когда Генриха, который был хуже смерти, приковали к креслу, он понял это окончательно. Нацисты в белых халатах и масках появились перед ним из темноты. Яркий свет ударил в глаза и узник зажмурился. Глаза отвыкли от яркого света, от, по-крайней мере, настолько яркого. Искусственный свет даже пугал. Но это было уже совсем сложным понятием.

Холодный металл касался икр, предплечий и шеи. По началу было неприятно. Затем он привык.

Врачей — а точнее, монстров — было двое. Один был пониже и в очках, второй повыше, и, судя по голосу, помоложе.

— Welche Methode verwender wir?(Какой метод будем использовать? — нем. яз.) — спросил молодой.

— Lass ihn essen gehen. Er ist richtig hungrig(Пусть он поужинает. Он действительно голоден), — ответил тот, что был в очках. Затем крикнул в темноту: — Hey, warum haben Sie ihn so fest eingeklemmt? Behandeln Sie ihn respektvoller. Er leistet einen großen Beitrag zur Zukunft der Menschheit — er baut Glück auf. Befreit seinen Hals und füttert ihn jetzt(Эй, зачем вы так крепко его привязали? Он вносит огромный вклад в будущее человечества. Он создает счастье. Освободите его и накормите немедленно).

Генрих так и не понял, чем накормили его нацисты. Запах еды, ее тепло, ее вкус, полностью сводили с ума. Кажется, это была какая-то выпечка. Возможно, с мясом. Возможно, с чем-то вроде плотных овощей. С тем и другим вместе? Вероятно и так. Когда его накормили с рук, он некоторое время просидел в кресле неподвижно. Впервые за долгое время мужчине было хорошо. Так хорошо, как не было, кажется, никогда.

Он не помнил, сколько времени провел в таком положении. А когда более-менее пришел в себя, понял, что весь вспотел. И неизвестно, почему, хотя причин на это было

великое множество. Еще через некоторое время к нему начали приходить воспоминания, которые он считал видениями, до того реалистичными они были. Вот его пожилые отец и мать на фоне горящего дома. Вот их пинают ногами, вводя в черно-серый концлагерь. А вот из трубы лагеря валит черный, густой дым. Их тела сожгли.

А вот его жена, Элизабет. Жену он очень любил, и был уверен, что она по-прежнему ждет его. Правда, сил возвращаться не было, хотя и хотелось. Даже не столько моральных, сколько физических. Даже при достаточно высоком росте Генрих весил менее сорока пяти килограмм. Эти килограммы уходили за считанные дни.

А потом все неожиданно закончилось, не успев начаться. И случился первый приступ. Генрих видел жену в белом платье, с венком, у английской церквушки, потому что сама она была англичанкой и всегда мечтала пожениться в Англии. Он чувствует, как слюни текут у него с губ по подбородку, падая на грудь. Вот Элизабет улыбается, сидя с его родителями на кухне, уже в Нидерландах, дома. Они приехали ненадолго на его родину, помочь по хозяйству и дому. Он чувствует, как отключается его мозг, или его часть, вызывая пустоту в части головы. Он ощущает, как его трясет.

Элизабет лежит рядом с ним, глядя на него большими, голубыми глазами. Она так любит его, это в них видно. Хорошо, когда любовь видно в глазах, и счастлив человек, который видит это по отношению к себе. С ним было так. А потом он ушел на войну.

А затем его не стало. Мысли об Элизабет стали последним, о чем подумал Генрих Гектор Гроль, перед тем как уйти из жизни в возрасте тридцати семи лет.

Нацисты, стоявшие перед ним, переглянулись. Затем один из них, тот, что был выше и моложе, посмотрел на наручные часы.

— 9.45. Der Tod kam nach 14 Stunden und 26 Minuten. *(9.45. Смерть наступила через 14 часов и 26 минут).*

Первый хмыкнул.

— Okay, aber er hätte schneller sterben müssen. Wenn das Virus von Generation zu Generation weitergegeben wird, wird es seine Stärke verlieren. Dies wird die Grundlage dafür bilden, jeden zu töten, der kein reiner Arier ist. *(Хорошо, но он должен был умереть быстрее. Если вирус будет передаваться из поколения в поколение, он потеряет свою силу. Это заложит основу для убийства любого, кто не является чистым арийцем).*

— Aber wir wissen nicht, wie effektiv das sein wird. Werden sie bis ins hohe Alter leben? *(Но мы не знаем, насколько эффективно это будет. Доживут ли они до глубокой старости?)*

— Keine Sorge, mein junger Freund. Die Arier erreichen immer ihr eigenes. Zuerst werden wir ihre Gehirne zerstören, hier, jetzt und dann, in der Zukunft. Und wenn ihre Gehirne zerstört sind, sterben auch ihre Herzen. *(Не волнуйтесь, мой юный друг. Арийцы всегда добиваются своего. Сначала мы уничтожим их мозги, здесь, сейчас и потом, в будущем. И когда их мозги разрушаются, умрут их сердца).*

— Heil Hitler. *(Слава Гитлеру).*

— Heil Hitler. Und jetzt gehen wir. Darauf trinken wir. *(Слава Гитлеру. А теперь пойдём. Выпьем за все это).*

Глава 12. Тюрьма

Нигде ничто не ждет человека. Всегда надо приносить все с собой.

Эрих Мария Ремарк

Камера, несмотря на свою разруху и бедность, была теплой. Это был жирный плюс, которым я утешал себя, вспоминая заточение в Норвегии. Если там были холод и сырость, то здесь хотя бы не нужно было думать о том, как бы умудриться согреться. Однако, приbedняться лишний раз тоже не хотелось. В конце концов, тогда нас вытащили достаточно быстро.

На момент Третьей мировой войны ЕМГ — Единое Малайское Государство — являлась единственной в мире страной, не примкнувшей ни к одной из сторон в военных действиях. Малайцы не воевали на стороне нацистов. Итальянцы, норвежцы, французы и остальные были им безразличны. Помогать НРГ и союзникам в их планы тоже не входило. ЕМГ существовало отдельно от всего мира, словно Австралия, с тем лишь отличием, что не было отделено десятками километров океана от своих соседей. ЕМГ преследовало лишь свои, неизвестные остальным, цели.

Однако, не смотря на свою отчужденность от остального мира, иногда их планы были схожими с планами других государств. Руководство малайцев, как и наше руководство, было заинтересовано в том, чтобы поймать Йокира Мейгбуна. Еще при этом было желательно словить его так, чтобы не оставить лишних следов. Поначалу я думал, почему бойцы ЕМГ просто не убили нас, раз у них стояла такая задача. Очутившись непосредственно в тюрьме, в который раз неподалеку от побережья, но теперь среди джунглей, я понял, почему они не ликвидировали нас сразу.

Место нашего заключения, в переводе с малайского, которого я абсолютно не знал, называлось "Желтые камни". Мало того, что название было достаточно скучным и банальным, оно уже почти не соответствовало самой тюрьме. Раньше, возможно, некоторые части здания и строились из материалов желтых цветов. Сейчас же все было белым и серым. Это была старая, потасканная десятками лет, грязная, тропическая азиатская тюрьма.

В моей камере, как ни странно, я был один. Вероятно за счет того, что мы с Хорнетом обозначались теперь как "международные преступники", нас не закинули в камеры к местным ребятам, жившим, как правило, вместе. Наши номера находились на последнем этаже "Желтых камней". Здесь находились заключенные, сидевшие без соседей. Это мне тоже нравилось. Складывалось впечатление, что все было не так уж и плохо.

Хорнет сидел в камере по-соседству, слева. Мейгбуна, как мы поняли из разговоров некоторых заключенных, в тюрьме также говорили и на английском языке, расположили где-то на нижних уровнях. Как мы поняли, нацисту тоже досталась одиночка. Больше мы об этом ничего не знали.

Первые дни выдались достаточно тяжёлыми. Смятение от неудачи в Италии, от третьей неудачи подряд, сильно выбивало из колеи. Мы не знали, что стало с остальными членами отряда. Альва, Ветрогон, Петрович, Рокки и Вереск, возможно, по-прежнему оставались в осажденной врагами Италии. С тем шумом, который мы там натворили, тем более на пару с ЕМГ, на то, что они еще были живы, оставалось очень мало шансов. Это терзало больше всего. Даже больше того, что мы вновь не убили Мейгбуна. С другой стороны, тешила мысль, что светлокурый ублюдок также был совсем рядом. Мы нутром чувствовали, что нацист

находится неподалеку. И, конечно же, условия у него определенно не из лучших. Всяко хуже, чем у нас. Оставалось только до него добраться.

Когда возникла первая стычка мы с Хорнетом находились в столовой. Это был четвертый день пребывания в "Желтых камнях". Зал, где нас кормили, почти ничем не отличался от зала, в который мы выходили из своих камер. Это было такое же длинное место с множеством столов и скамей, разве что немного пошире. Но лестницы и несколько этажей, на которые можно было подняться по нескольким лестницам с двух сторон, здесь также находились. Вероятно, раньше тут был еще один тюремный блок, который по какой-то причине использовался как рабочее помещение. На первом этаже была столовая, на второй, как мне было известно, что-то вроде подсобных помещений, на третьей основной охранный пост. На каждом этаже было несколько коридоров. Куда они вели мы с Хорнетом не знали.

— Мы сидим здесь только четыре дня, — сказал напарник, смотря на древнюю миску с чем-то напоминающим кашу, — а у меня такое чувство, будто я начинаю проникаться этим местом. И это мне абсолютно не нравится.

— Подожди маленько, привыкнешь еще, — я сунул ложку в свою тарелку и попробовал это на вкус. "Каша" была отвратительной. — Тогда жизнь совсем иной станет.

Хорнет повторил мое действие и сморщился. Я было подумал, что он сейчас сблует прямо в тарелку, но друг сдержался.

— Вот уж нет, — выдохнул он. — Я обязательно отсюда свалю. Хотя бы для того, чтобы есть нормальную еду. Чего не сделаешь, чтобы хорошо поесть. Верно?

Когда я открыл рот, чтобы ответить, за спиной Хорнета из толпы образовались трое злобного вида заключенных. Вместо слов я вздохнул, понимая, что сейчас будет. Классика жанра.

— Нам ведь этого так не достает, ну конечно.

— Ты о чем?

— Сейчас поймешь.

— Ia adalah masa untuk bercakar, putih-assed. *(Пришло время поболтать, белозадые — малайск. яз.)*

Хорнет обернулся. Посмотрел на подошедших, затем обратно на меня.

— Чего он сказал?

— Не знаю, но там что-то было про жопу. Ass.

Друг повернулся обратно.

— Узкоглазый, тебе жопа моя не нравится? Так она и не должна. Я, конечно, понимаю, что это тюрьма, но...

Не знаю, что именно не понравилось заговорившему с нами заключенному, но когда он врезал Хорнету по лицу и тот, перелетев через наш стол, плюхнулся за мной, я понял, что дело плохо. Моментально запахло жареным.

Тарелка с "кашей", которую я так и не доел, тут же оказалась на лице у противника. Сама она не разбилась, но звук ломающегося носа доказал, что она, к тому же, очень крепкая. Говоривший грохнулся на пол, высмаркивая из ноздрей и рта "кашу". Его напарники бросились на меня. И, к добру ли, к худу ли, не только они. Толпа вокруг взревела и бросилась к нам. Одни побежали на меня с Хорнетом, а другие, напротив, на напавших на нас. В мгновение ока территория столовой превратилась в место массового побоища, в каких мне пока не доводилось участвовать. Врезав одному из заключенных по лицу, я успел нырнуть под стол, рядом с которым лежал ошалевший Хорнет. Схватив его за воротник, я

подтащил его под столом, на который тут же с грохотом упал кто-то здоровый. Ноги упавшего висели со стола.

— А здесь весело, — крикнул Хорнета, стараясь перекрычать шум и гам.

— Очень! Надо валить отсюда, пока...

Удар головой о пол оказался болезненным. Оказалось истинным чудом, что в результате этого я не сломал себе нос. Было достаточно и отбитого лба, на котором через некоторое время вскочила шишка.

Мужик, дернувший меня за ноги, напоминал огромную, белую обезьяну. Сказать кем он был по национальности я не мог. Да и было не до этого.

Когда он ударил меня по лицу, у меня сложилось впечатление, что голова начинает отрываться от шеи. Но нет. Я всего лишь, как и Хорнет, перелетел через стол и приземлился с другой стороны.

— Ты как, приятель?

Я не ответил. Надзиратели тюрьмы, видимо, наконец решили, что пора со всем этим завязывать. Через минуту я уже лежал на животе с вытянутыми руками за спиной. Металл наручников холодил предплечья.

Потом прогремели два выстрела. Толпа начала затихать.

А еще через некоторое время меня повели вниз. Несмотря на то, что голова гудела будто компьютер, которые только начали выпускать, я старался запомнить каждую лестницу и коридор, который мы проходили. Спустившись на несколько этажей вниз, мы пошли по коридору, где не было ни единого окна. Только камеры и решетки. Вот это место уже действительно напоминало подземелья Омессуна. Затем меня швырнули в очередную одиночку, в которой были только дырка в полу и койка.

— *Mari kita berharap bahawa ini akan menjadi pengajaran untuk anda, white-ass(Будем надеяться, что это послужит тебе уроком, белозады)*, — сказал один из конвоиров, после чего они удалились. Поморщившись, я потер лоб и тяжело опустился на койку. Голова болела. А еще они снова что-то сказали про зад. Кажется, охранники в "Желтых камнях" не сильно отличались от самих заключенных. Впрочем, ничего удивительного в этом, возможно, и не было.

— Штиль, — неожиданно рядом раздался знакомый голос. — Это ты?

Я открыл рот.

— Ветрогон? Ты?

— Да. Как ты, боец?

— По голове настучали. Ты-то что здесь забыл?!

Голос капитана звучал из соседней камеры, слева.

— Когда малайцы взорвали крышу виллы, мы оказались уже на подходе к ней. Не знаю, в курсе ты или нет, но остальные тоже тут. Мы начали стрелять, но нас всех быстро положили. Рокки получил пулю в плечо, Вереск в ногу.

— А Петрович?

— Цел и невредим, как я знаю. Нашего здоровяка мало кто может побить.

— Альва?

— А вот тут не знаю, — в голосе Кэпа послышались нотки беспокойства. — Я ничего про нее не слышал. Только знаю, что вы с Хорнетом где-то наверху разместились.

— Не знаю, почему нас туда отправили. А где остальные?

— Тоже не знаю. Нас всех раскидали по разным ярусам, в максимальном отдалении

друг от друга. У них есть переводчик, иногда нас вызывают и выпрашивают сведения, — капитан вздохнул. — Но пытаться не пытаются. Возможно, мы зачем-то им еще нужны.

— А Мейгбун?

— Тоже где-то здесь. Как я понял, ему дали максимальную одиночку в самом низу.

Некоторое время мы помолчали.

— Надо бы добраться до него, — сказал я.

— Надо. Но не сейчас.

— Потом времени может не быть.

— Да, — согласился кэп, — но мы слишком долго за ним гоняемся, чтобы в итоге его не прибить.

— Да. Не поспоришь.

Я посмотрел в стену. Затем наружу. Коридор освещался тусклыми лампочками, которым, складывалось впечатление, было по-меньшей мере лет десять. Если лампочки вообще столько служат.

— Ты сам как?

— Порядок, — Ветрогон вздохнул. — Меня не ранили особо. Когда стрелял по малайцам, один из них оказался сбоку и бросился в рукопашную. Так и вырубил. Просто чувство досады немного гложет. За все это.

— Не тебя одного, — я почувствовал, что голос у меня немного осип. — Но ведь не в первый раз.

— Не в первый. Но в том-то ведь и вся беда. Слушай, Штиль.

— Что?

— Меня тут, кажется, разместили на постоянной, а тебя скоро вернут обратно. Вряд ли тут долго продержат. Так уж получилось, что я капельку знаю малайский. Предупреждаю: у них по субботам происходит что-то опасное. Что именно я не понял, но как есть.

— Есть мысли что именно?

— Парочка. Думаю, охранники каким-то способом развлекаются, а заключенные зарабатывают уважение. Возможно, это бои без правил. Так что будь готов.

— Из меня хреновый боец.

— Вот поэтому будь готов. Не знаю, когда нас отсюда вытащат, но до тех пор деньки здесь предстоят определенно не из легких. И Хорнету то же передай.

На нижнем ярусе меня продержали действительно недолго. Кажется, около трех дней. Вернули обратно на поверхность как раз в субботу, когда должны были, по нашим предположениям, состояться бои без правил, бывшие, вроде как, очень опасными. Поэтому Хорнета, которого я все это время не видел, вышло предупредить достаточно поздно. Когда я рассказал ему о том, что наш отряд находится в "Желтых камнях", а вечером, скорее всего, нам начистят физиономии в каких-то драках, я готов был поклясться в том, что глаза у него округлились как банки от Кока-Колы. Убедиться в этом не получилось. В конце концов, он сидел в соседней камере.

— Я последний раз дрался в школе. Ну, в смысле до войны.

— Понадеемся, что военный опыт нам немного поможет.

— Да, — голос у напарника был немного уставший. — Понадеемся.

Потом на некоторое время наступила тишина. Кажется, прошло несколько часов, потому что солнечные лучи, бьющие в маленькое окошко сверху, успели спрятаться. Солнце, видимо, было где-то над тюрьмой, медленно клонясь к западу. Было слышно, как отжимается Хорнет. Я сомневался, что экстренный жим лежа нам чем-то поможет.

— Хорнет?

— Чего?

— Как думаешь, почему война началась?

— Решил удариться в философию?

— Нет. На самом деле, мне плевать. Выгорел, и хочется совсем немногого. Но все-таки хотелось бы понимать, ради чего мы в принципе здесь находимся.

— Ну, — напарник, судя по звуку, прислонился спиной к стене. Точно также, как сидел сейчас я. А потом выдал: — Бля.

У меня вырвался смешок.

— Согласен.

— Ты бы еще спросил, ради чего умер Христос.

— Там и так понятно. Ради людей.

— Ну, вот и мы тут ради людей.

— А они того стоят?

— А ты меньше мудрых вопросов задавай и больше ищи ответы. Тогда, может, поймешь. С две минуты помолчали.

— Я думаю, все дело в гребаных человеческих амбициях. В данном случае, в амбициях политиков. А если брать жизнь в целом, то вообще в амбициях. Человек лезет вверх по иерархии, которую сам себе выдумал, чтобы быть царем, которому сам себе обозначение и придумал. Да, тоже самое мы можем наблюдать у животных. Но у животных мозгов нет, а у нас есть. У них, как правило, нет выбора, инстинкт действует, а у нас нет. Пытаясь сожрать, пытаясь побить, пытаясь трахнуть, мы уподобляемся животным, и война — не исключение. Меряются пистолетами, вот и все. Одни нашептали, что эти хотят нас уничтожить, сказали об этом народу, тот взял плакаты в руки, а кто посильнее — оружие. Пошли войной друг на друга. А в реальности, если брать обычных людей, у которых и амбиции поменьше, всем друг на друга насрать. С чего бы у человека должна быть ненависть к другому человеку? Если, конечно, забыть про инстинкты. Ни с чего. Вывод — люди дебилы. Просто животные, которые пытаются надеть на себя корону, не осознавая, что они выглядят как идиоты.

Хорнет сплюнул.

— Не жизнь, а ебучее разочарование.

— Не думал книжки писать?

Хорнет снова сплюнул.

— Если вылезу отсюда — жди. Тебе с автографом оформлю. Бесплатно, кстати.

— Вылезем, приятель. Куда денемся. Главное сегодняшний вечер пережить, а там уже будет ясно.

— Bangun, gadis-gadis. Hei, kau dengar? Angkat. Ia adalah masa untuk bersenang-senang. *(Пробудитесь, девочки. Эй, ты меня слышишь? Поднимайся. Пришло время веселиться).*

Я с трудом разлепил глаза, пытаюсь понять, что вообще происходит. Как оказалось, уснул. За решеткой, в коридоре, стояли двое охранников-малайцев. Один сунул ключ в дверь камеры, щёлкнул замок, и они оказались внутри. Надев на меня наручники и вытолкнув сразу же в коридор, малайцы повторили ту же схему с Хорнетом, который, в отличие от меня, бодрствовал. На удивление, сейчас в тюремном блоке было тихо. Кто-то, разумеется, все равно балаганил, но все равно было тише, чем обычно. Видимо, большая часть народа находилась в другом месте.

И так оно и оказалось.

Охранники провели нас с Хорнетом через несколько коридоров, спустившись на несколько этажей вниз. Еще через некоторое время мы вышли в общий двор тюрьмы. Над частями "Желтых камней" возвышались тропические деревья. Их листья свисали вниз, такие длинные, что это даже немного удивляло. Дело близилось к закату. Если прислушаться, можно было услышать, как в паре километрах отсюда волны бьются в отвесные утесы острова. Но все-таки сейчас они были далеко. Непостижимо далеко.

Пройдя еще немного, мы вошли в большое здание, расположившиеся по-соседству от основного тюремного блока. Внешне это напоминало крупный зал какого-нибудь завода, что-то вроде производственного цеха. Как я узнал в последствии, здесь проводили работы некоторые заключенные.

Еще через некоторое время мы начали спускаться вниз. У меня, и у Хорнета, уверен, тоже сложилось чувство, словно мы спускаемся в самый ад. Но тогда, когда я было подумал, что спускаться мы будем действительно бесконечно, неожиданно по ушам ударил мощный гул голосов, а еще через некоторое время мы вышли прямо в толпу людей, охранников и заключенных, орущих и толкающихся друг с другом. А затем мы увидели и сам ринг, где проходили бои. Зрелище впечатляло. А еще нам быстро стало понятно, что в данных боях особо строгих правил не было. Весовые категории, умения бойцов, их рост, размах рук, все это значения не имело.

Огромный малаец, ростом примерно с Петровича, схватил другого малайца, ростом примерно с Хорнета, сделал выпад, поднял его и швырнул на несколько метров вперед. Его оппонент упал, застонав, на землю, усыпанную множеством небольших камушков. Подниматься желания у него явно не было.

Здоровяк подошёл к нему и резким движением перевернул на спину. Затем начал наносить удары по лицу.

— Baiklah, Baiklah, binatang besar. Anda membunuhnya, dan kita perlu cermin mata. Wawa lelaki itu pergi, *(Ладно, ладно, Большой Зверь, ты убил его. Нам нужны очки. Уведите этого человека прочь)* — на арене появился один из охранников тюрьмы. Насколько я успел разобраться в тюремной иерархии, он был тут одним из главных, если не самым главным. Внешне он чем-то походил на того парня, поймавшего нас на Сицилии, "Пабло". Только был более полным и имел еще большие усы. Да, этот точно вылитый Эскобар. — Kami mempunyai hari yang menarik hari ini, *(Сегодня у нас был интересный день)* — сказал он, — Mereka membawa kami sekumpulan yang baru, dan, bayangkan, semua penduduk asli NRG *(Нам привезли кучу новеньких, и, представьте себе, все они уроженцы НРГ.)*

Толпа заулюлюкала. Единственное, что я понял из его речи, что он сказал что-то про хара-кири и слово "НРГ". Значит, о нас талдычит.

— Ya, Ya, anda dengar betul. Oleh itu, saya cadangkan untuk tidak menghancurkan lembu dengan bola. Anda boleh mula bertaruh. Serius. Saya sendiri tertanya-tanya berapa lama mereka akan

bertahan. Walaupun hanya di arena(*Да, верно, вы не ослышались, потому можете не морить быка голодом, делайте ставки. Мне и самому интересно, сколько они продержатся. Хотя бы на арене*), — он улыбнулся. — Belum lagi penjara itu sendiri(*Не говоря уже о самой тюрьме*).

Толпа приветственно взревела, мгновенно начав что-то с друг другом обсуждать. Через минуту "Эскобар" неожиданно повернулся к нам, указав на Хорнета.

— Hey, you. Come out here. Show me what you can do. And if you can't do anything, you'll entertain the crowd.(*Эй, ты. Иди сюда. Покажи, на что способен. А если ни на что, то хотя бы развлечешь толпу — англ. яз.*)

С разведчика сняли наручники. Он растер предплечья и посмотрел на меня.

— Была не была, верно?

— Будь осторожен, остряк. Иногда лучше убежать, чем умереть.

Хорнет усмехнулся и вышел на ринг. Народ "Желтых камней" тут же начал с интересом его разглядывать. Среди очевидных ругательств и обзывательств находились и те, кто кричал ему что-то приветственное.

— What's your name, buddy?(*Как твое имя, дружище?*) — спросил у него "Эскобар".

— Hornet.(*Хорнет*)

— What does it mean?(*Что это значит?*)

— Fast and agile(*Быстрый и ловкий*).

Усач кивнул.

— Fine. Let's check how fast and agile you are(*Хорошо. Сейчас посмотрим, насколько ты быстрый и ловкий*), — ответил он, после чего снова обратился к толпе на своем языке, — Jadi, Selamat Datang-Cepat dan tangkas. Sudah tentu, saya sangat meragukannya(*Итак, приветствуйте. Быстрый и Ловкий. Конечно, я сильно сомневаюсь в этом — малайск. яз.*) — тут он посмеялся, и все посмеялись вместе с ним. — Tetapi kita tidak akan berlengah-lengah. Hari ini dia akan menghadapi haiwan kesayangan anda, kerana ia tidak ironis. Tuhan kelajuan!(*Ну да не будем медлить, потому сегодня он столкнется с вашим любимцем лицом к лицу. В юморе смысла нет. Итак... Бог Скорости!*)

Толпа взревела так громко, что у меня заложило уши.

— Mari kita mulakan perjuangan!(*Да начнется бой!*)

И после этих слов все началось так быстро, что я не успевал за этим следить. За события, произошедшие в следующие шесть минут, у меня появилось столько вопросов, сколько не было в последнее время в принципе. Это, в который раз, снова стало делом жизни и смерти.

Боец, появившийся из тени угла, накинулся на Хорнета быстро. Хорнет, по правилам успевший снять тюремную рубаху и обувь, еле успел увернуться, нырнув под руку противника. Выглядел противник, как это не странно, почти как Хорнет. Примерно такого же роста, возможно, немного выше, с острыми чертами лица и идентичной прической. Еще он был более мускулистым и гладко побрит, в отличие от разведчика, успевшего обрасти густой щетиной. Мне в голову пришла глупая мысль, будто этот человек — улучшенная версия моего друга, Хорнет Два Ноль. Но, разумеется, это было не так. Этот парень, налетевший из тени, не был хорошим человеком. Но на наше горе он был отличным бойцом.

Хорнет, в мгновение ока сжав кулак, ударил своего "близнеца" под печень. "Близнец" этого не ожидал. Удар оказался сильным и внезапным, но противник тут же пошел в контратаку, наступая и наступая, прижимая своего оппонента к ограде ринга, состоящей из

древних веревок и деревянных столбов. Хорнет блокировал каждый удар врага, умудряясь при этом наносить ответные удары, которые, в свою очередь, не приносили больших плодов. Неожиданно я понял, что если так будет продолжаться дальше, разведчик однозначно устанет и начнет пропускать кулак за кулаком, пока те не выбьют из него все, что можно. Но сейчас мне оставалось только наблюдать.

Мои предположения оказались верными. Хорнет, старающийся менять свое местоположение, тем самым не давая загнать себя в угол, начал опускать избитые руки.

Раз, два. В скулу, в плечо.

Пару ударов блокировал.

Три, четыре. Один в другую скулу, второй в ключицу. Хорнет, резко отступив на несколько шагов, чуть не упал. Его злая копия прыгнула на него...

...И напарник неожиданно пригнулся, вышвырнув руку с зажатым кулаком вверх.

Апперкот, которым разведчик моментально наказал противника за жадность, сработал отлично и совершенно неожиданно для всех, собравшихся здесь. Враг, дернув в воздухе ногами, оглушительно упал на спину. Через две секунды стало ясно, что он больше не поднимется.

Абсолютный нокаут, хотя и не чистая победа. Но разве это важно в малайской тюрьме?

Толпа взорвалась сильнее, чем первый взрыв ядерной бомбы. "Да, Роберт Оппенгеймер бы позавидовал". Через несколько минут побитый Хорнет уже стоял рядом со мной. Люди вокруг напоминали волнуемые волны. Напарник чуть улыбнулся разбитыми губами.

— Неплохо для первой драки здесь, да?

— Да. Ты молодец.

А затем на арену вызвали меня. Толпа, предвкушая очередное захватывающее зрелище, вновь зашумела, заулюлюкав и хлопав одновременно.

"Эскобар" вызвал на этот раз другого заключенного. Он отличался от меня по комплекции. Очевидно, не особо довольный начальник тюрьмы, если он действительно был начальником тюрьмы, решил в этот раз не рисковать и решил дать мне во враги оппонента, максимально отличающегося по габаритам. Да и внешне, говоря честно, тоже. Я был куда красивее, но это никого не волновало. Да и слава Богу.

Выше на полторы головы, с огромными руками и ногами, вышедший носил эспаньолку и небольшие, тонкие усики, слегка напоминающие те, которые носил тот известный художник, имя которого я забыл. Пикассо, кажется. Да, он, если у него были усы. Кстати, вроде он был тоже Пабло.

"Пикассо" посмотрел на меня едва ли равнодушно. В его взгляде не было ни уважения, ни агрессии. Он смотрел на меня как на работу, которую нужно просто сделать, но которая, в отличие от всех других работ, не будет ему не в удовольствие. Просто сделать. Вот и все. И я тут же понял, что сейчас будет тяжело. Возможно, слишком. И оказался прав.

Здоровяк сделал резкий выпад вперед, взмахнув огромными ручищами. Увернулся я чудом, буквально точно также, как сделал ранее Хорнет. Только, наверное, не так маневренно. Все-таки не зря он был Хорнетом. Кулаки рассекли воздух, и мы с "Пикассо" поменялись местами, развернувшись чуть ли не на пятках друг к другу. И он стал атаковать. Но в этот раз я был более готовым.

Уворот, отход, уворот. Да, это тоже проверка на выносливость, и проверка более тяжелая, нежели была у Хорнета. Как бы малыши не крушили здоровяков, длинные руки есть длинные руки, а значит, размах у них больше, а пространства, куда можно отступить —

меньше. Это не сила духа и воли, это просто факт.

Подступив под руку, когда верзила сделал очередной выпад, я ударил его в торс, приблизительно в печень, после чего зарядил моментальный удар в челюсть. Здоровяк вздрогнул и отскочил в сторону, как кошка и на мгновение я удивился и испугался его скорости, потому что с такими габаритами, как мне думалось, проблематично было быть таким быстрым. Но я ошибался.

Думая, что "Пикассо" отойдет и восстановится, я совершил ошибку, которая стоила мне достаточно длительного для "Желтых камней" восстановления. Здоровяк не стал отдыхать. Он налетел вперед, как смерч, и обрушил такой шквал ударов, какой на меня еще не сыпался в этой жизни в принципе.

Я чувствовал, как он отбивает мои руки и торс. Чувствовал, как они болят с каждым ударом все больше, понимая, что ничего сделать уже не могу. Я разведчик, а не боец рукопашных боев, я снайпер, а не боксер. И позитивный настрой, сила духа здесь бы не помогли. Это было дело практики, а дело практики — это тогда, когда ничего личного. Это тогда, когда просто факт.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я ощутил костяшки на скуле. Только помню как упал на арену, чувствуя подкошенные ноги, чувствуя вибрацию земли, невыносимый жар и неожиданный холод, взявшийся неизвестно откуда. Последнею мыслью был вопрос о том, не очутились ли мы часом в Антарктиде. Ведь только там, наверно, может быть так холодно.

Если вы поставили себе цель хорошо выучить какой-нибудь язык, или, например, подтянуть его — поставьте себя в такое положение, где не пользоваться этим языком вы не смогли бы. Хоть я более-менее и говорил и по-английски, за время нахождения в малайской тюрьме, в которой, на удивление, многие по нему говорили, я подтянул его очень хорошо. Малайский, правда, так и не выучил, за исключением каких-то базовых слов или выражений. Во-первых, было абсолютно не до того, во-вторых, язык сам по себе был достаточно сложным. По-крайней мере, я так считал.

Не смотря на то, что "Желтые камни" находились в достаточно уединенной части острова, и вокруг территории которой стояли сплошные джунгли, да и сама тюрьма находилась в джунглях, выглядела ужасно и едва ли не заброшенно, здесь имелся свой госпиталь. Находился он в основном блоке тюрьмы, где и сидели все заключенные. Только если для того, чтобы выйти в основной двор, нам с Хорнетом было нужно спускаться вниз и идти по коридору направо, то в данном случае необходимость была спуститься на второй этаж, повернуть назад и пойти также направо. То есть налево по отношению к стороне внутреннего двора и вообще в другую сторону.

Тюремный госпиталь представлял собой определенное количество врачебных помещений. Несколько палат, парочка кабинетов. Палаты были довольно часто забиты заключёнными. Иногда мест — очевидно, из-за проведенных боев — не доставало, и раненых по классике размещали в коридорах. Вход в коридор, откуда можно было попасть в госпиталь, закрывался на замок. Во-первых, там все-таки работали врачи, во-вторых, среди лекарств можно было найти и такие, которые могли подействовать как наркотик. Заключенные никак этому не противились и были только за обнаружить что-нибудь крышесносящее, потому и стоял в целях безопасности на решетчатой двери замок.

Когда я очнулся в одной из палат, на соседней кровати лежал другой мужчина. Выглядел, в отличии от меня, он абсолютно здоровым и ни капли не побитым. У меня же сложилось чувство, будто по мне проехался танк.

— Проснулся, — хмыкнул он, глянув на меня. Мужик был выбритым почти под ноль, а щетина была примерно такой же длины, что и волосы на голове. В руках он держал какую-то зеленую книжку. На вид ему было около сорока.

На мгновение я задумался, пытаюсь понять, что не так. А затем неожиданно дошло. Он говорил по-русски.

— Ты знаешь мой язык, — прохрипел я, чувствуя, как начинает гудеть голова.

— Я много языков знаю. А ты, если будешь говорить, и свой родной забудешь.

— Кто ты?

— Бэн.

— Десять?

— Что?

— Ничего, — я неожиданно для себя рассмеялся и голова чуть не взорвалась. — Так, бред сказал. А по национальности кто?

— Украинец.

— Украинец Бэн?

— А тебе так все и расскажи.

— Ладно. Извини за настырность. Давно я тут?

— Два дня.

— Немало.

— Если бы ты видел свое лицо — удивился бы, что в принципе проснулся.

— Да. Да, наверное.

В палате наступила тишина. Бэн читал свою книжку и когда мое зрение прояснилось еще сильнее, я заметил, что на обложке слова написаны красными буквами. Но что написано я прочитать не мог.

— "Мертвая зона", Стивен Кинг, — сказал Бэн.

— Хороший автор, — ответил я. — Читал несколько рассказов, понравились.

— Да, — Бэн перелистнул страницу. — Но тебе надо отдыхать.

— Успею еще. Хочу последний вопрос задать, потом отвлекать не буду.

Боль в ребра начинала приходить все быстрее с каждой секундой.

— Из какой губернии?

Бэн посмотрел на меня. Глаза у него были серебристые и серые.

— Киевская, — спокойно сказал он.

Я кивнул. Теперь все становилось гораздо понятнее.

В столичных полках НРГ, в частности Минских, Киевских и Московских, готовили пс большей степени наземную пехоту и танкистов. Но было кое-что еще. Около пяти-семи процентов становились спец-агентами с какими-нибудь важными государственными задачами. Если пехотинцы и танкисты сейчас сражаются в совершенно других частях Земли, становясь в обороне или ведя наступательные действия, что забыл в отрезанной от внешнего мира малайской тюрьме украинец "Бэн"?

Правда, точнее будет спросить, что за задание его сюда привело.

Глава 13. Создание через разрушение

Ум заключается не только в знании, но и в умении прилагать знание на деле.

Аристотель

— Итак, — Огонек, закинув ноги на стол, посмотрел на меня. Носки у него были теплые и шерстяные, новогодние, с оленями. Мы были у Петровича на квартире. Сам здоровяк сидел на фиолетовом пуфике в углу, в отдалении от нас. Не смотря на это, слушал он каждое наше слово. — Ты тренируешься уже почти два месяца, через несколько дней наступит зима. Это отличное время для того, чтобы вступить в бойцовский клуб.

— Но есть одно "но"?

— Не совсем. На самом деле, это необходимые формальности. Возможно, будет даже весело их оформить.

Я внимательно посмотрел на Серегу. Рыжий, улыбнувшись, развел руками.

— Ты не можешь выйти на ринг и сказать: Хей, ребята, привет. Меня зовут Константин Аристархович Штиль, я тут дерусь потому, что моя жена больна неизвестной болезнью, поэтому я здесь так, чисто ради бабок, а не вас развлекать.

Петрович хмыкнул в углу. Великан ковырялся ершиком для чистки табачных изделий в трубке. Это был малоизвестный, но все же интересный факт о Петровиче. Иногда он курил трубку. "Как хоббит," — говорил он. Пускай для хоббита он немного и не вышел ростом.

Я посмотрел в окно. За окном было достаточно светло, и Москва готовилась к Новому Году. Пусть отсюда и не было видно, но окна и двери магазинов, офисов и кучи других зданий уже были увешаны праздничными украшениями. В окнах темных панельных домов всюду сверкали гирлянды.

— Надо придумать имя и легенду, — задумчиво ответил я.

— Верно. Есть мысли?

— Не особо.

— Петрович?

Здоровяк зыркнул на Огонька.

— И не проси. Я не особо умею истории всякие придумывать.

Гаргарьин снова посмотрел на меня.

— Поступим по-классической схеме. Любимый фильм?

— Не думаю, что это лучшая идея.

— А тебе не надо думать, тебе надо драться. Думать тут буду я. Итак?

— Любимый не назову, наверное. Но мы с Зоей недавно посмотрели "Безумного Макса" и, возможно... — я замолчал.

Гаргарьин испытывающе глянул на меня.

— Возможно, Безумный Макс?

Рыжий отмахнулся.

— Это неплохо, но тогда все сразу поймут, а это не интересно. Скомбинируй. Возьми еще что-нибудь. Имя с "Безумного Макса", фамилию откуда-нибудь с другого места. Или наоборот.

— Макс Вейдер? — брякнул Петрович.

Мы с Огоньком одновременно посмотрели на великана. Тот отвернулся и через мгновение запыхтел трубкой, пуская аккуратные облачка дыма вверх к потолку.

— Возьмём фамилию, — сказал Серега. — Как его там звали?

— Рокатански.

— Точно. Надо еще имя.

Я задумался.

— Герберт.

— Ты не писательский псевдоним придумываешь.

Мы помолчали с минуту.

— Тогда Итан.

Теперь задумался Огонек.

— Ну как?

— Неплохо, — сказал он. — Весьма. Только ты будешь не Рокатански, а Рокотански. Типа Рокот.

— Да, мне нравится, — я даже почувствовал что-то вроде воодушевления. — Итан Рокотански. Рокот. Только надо чтоб фамилия читалась все равно через А, так произносится лучше.

— А почему Итан, кстати?

— Не знаю, мне просто нравится это имя. Простое, а вместе с Рокотански — звучит.

Огонек кивнул.

— Значит, пусть так и будет. Так тебя и представим.

— А какой этап дальше?

— Ну, — Гаргарьин почесал усы, — теперь надо оформить тебя в так называемую базу Клуба. А там уже организовать бой. Я придумаю как.

— Без сюзерена?

— Без сюзерена. Это слишком бандитская тема, не буду уверен, что сюзерен адекватный, не допущу тебя туда.

Я кивнул.

— Хорошо. И когда, думаешь, будет первый бой?

Тут Огонек усмехнулся.

— Готовься, Итан Рокотански. Примерно в Новый Год мы будем отжигать.

Тренировки становились тяжелее с каждым днем. Довольно часто я занимался при Зое. С тех пор, как я рассказал ей о том, что случилось в малайской тюрьме, она немного успокоилась, пускай и была потрясена услышанным.

Вставал я рано. Ранняя пробежка и разминка были обязательными условиями хорошего дня. Даже не столько для парня, собирающегося драться, сколько просто для обычного человека. Кровь нужно было разогнать по венам, заставить сердце биться чаще. Сердце у меня было крепкое и меня это радовало.

Отжимания, подтягивания с весами, поначалу небольшими, а затем все большими и большими, упражнения на передние и боковые мышцы пресса. Все это давалось мне тяжело, но даже если что-то дается человеку тяжело, оно тут же идет легче, если имеется надлежащая цель. У меня таковая цель была.

Но, как и в изучении тех же языков, тренировки пусты без практики. Спарринги были обязательным условием для того, чтобы у меня были хоть какие-то шансы победить в первом

бою. Чтобы я мог произвести впечатление на толпу, понравиться ей, чтобы имел возможность как можно скорее заработать денег. Вместе с этим я был осторожным: хоть болезнь Зои и не собиралась ждать, я знал, что если буду сильно спешить, скорее всего меня в первом бою, в лучшем случае, побьют, а в худшем же и вовсе убьют.

Когда я уставал при кардио-тренировках, когда не было сил прыгать на скакалке, бежать, делать берпи, на помощь приходил Огонек. Едва мне хотелось, обливаясь потом, сказать, что мы обязательно продолжим завтра, он тут же кричал: "У тебя нет никакого завтра! Нет никакого завтра!" — и эти слова имели куда больший смысл, чем могло показаться сначала, и пробивали они меня действительно сильно, потому что я знал, что завтра без Зои не будет. Потому что я знал, что без нее вряд ли справлюсь. Потому что знал, что она должна жить, заслуживает жизни, что она может жить дальше. И я тренировался дальше. Тренировался, чувствуя, как мое тело постепенно превращается в оружие для убийства.

Сделав выпад вперед, я пошел прямо на Огонька, и, сделав вид, словно ныряю ему под руку, резко выпрямился и нанес прямой удар другу в челюсть. Тот неожиданно грохнулся на пол ринга. Встряхнув головой, Огонек ошашело посмотрел вокруг, затем на меня. В зале кроме нас никого не было, и за окном снова шел снег.

— Неплохо, приятель, — сказал он. Я дал ему руку и он поднялся. — Наконец-то ты меня словил.

— Это хороший знак? — спросил я, чувствуя, как болит тело.

— Отличный знак. Ты молодец.

— Ты договорился обо мне?

Друг кивнул.

— Его зовут Мигель. Он примерно той же комплекции, что и ты. Рост метр семьдесят пять — метр семьдесят девять, весит примерно семьдесят три. Но сразу тебе говорю, не обмани себя. Он боец, вроде как, уже бывалый, но особо не светится. Так, развлекает публику.

— Значит, надо сделать так, чтобы ему было не до развлечений.

— Именно, друг. Именно. Но ты не переживай. Хоть мы и недолго тренируемся, но делаем это усердно, а это важнее. Ты обязательно его победишь. Просто во время драки не забывай: победа в бою — это сила характера, а не тела. Сможешь побить его — сможешь пойти дальше.

— Кто он такой?

Чболски посмотрел в бумаги.

— Итан. Итан Рокотански.

Мигель поднял брови.

— И все?

— Той же комплекции, что и ты. Раньше в боях не участвовал. На этом все.

Боец ничего не ответил, продолжив гонять во рту жвачку. Информация о новом бое — это хорошо. Значит, можно срубить денег, значит, можно дольше жить. Мигель пятерней поднял густую, черную прядь волос, закинув ее назад. Это все, конечно, недурно, причем весьма. И ничего удивительного. Но почему-то ноль информации о новом сопернике его

напряг. Обычно есть хоть что-то — какие-то данные, кто кому другом приходится, кто сюзерен, кто обучает, а тут просто ноль. Тот, кто его привел в клуб, видимо, хорошо постарался. Самое страшное — это когда не знаешь чего ждать. И Мигель как раз не знал чего. А значит...

— Надо хорошенько подготовиться к бою, — сказал он.

— Боишься? — Чболски, его высокий и тощий организатор, также в прошлом дравшийся в клубах, внимательно посмотрел на него.

— Скорее напряжен. Странно, что мы ничего не слышали про этого парня.

— Надо узнать, кто его привел, — друг поправил очки на носу. — Тогда станет понятнее, что вообще ожидать. Кстати, что думаешь об этом, как его. Огоньке?

Мигель хмыкнул, продолжая играть с жвачкой.

— Любопытная личность.

Чболски прищурился.

— Любопытная, но не интересная?

— Именно. Думаю его победа в недавнем бою — дело случая. Скоро начнет проигрывать.

— Тебе, кстати, тоже надо немного приподняться в рейтингах. Публику начальными драками долго развлекать не выйдет.

— Я хороший боец, — Мигель усмехнулся, взглянув на свои избитые костяшки пальцев. — Не пропаду. Скольких я перебил! Что уж мне какой-то там Итан Рокотански?

Снег укрыл городом белым, аккуратным одеялом, улегшись на стоящие во дворах машины, деревья, столбы и крыши домов. Зоя, лежа в постели, села и открыла прикроватную тумбочку. Вытащив из первого ящика какую-то небольшую голубую книжку, она снова улеглась и открыла ее.

Я лег рядом и стал как кот тыкаться головой в ее плечо.

— Че читаешь? Че читаешь? Че читаешь?

Жена улыбнулась и погладила меня по голове.

— Джеймс Роллинс, "Пещера".

— Не слышал про такого.

— Я тоже не особо знаю. Он про приключения всякие пишет, типо "Индианы Джонса" и все такое. Вот первый раз взяла.

— Тогда и мне почитай.

— Я плохо читаю вслух.

— А вот и нет, — я положил голову на ее живот и посмотрел на нее большими глазами.

Жена вновь улыбнулась и взъерошила мне волосы. А затем начала.

— "Джеймс Роллинс. Пещера. Посвящается Джону Клеменсу. Боже, что за ужасное место! Нечеткая запись в дневнике исследователя Антарктики Роберта Ф. Скотта, погибшего на обратном пути с Южного полюса..."

— По-моему совершенно очевидно, что этот Бен бабник, — сказал после часа чтения я, убаюканный голосом жены. — Сразу эту повел есть куда-то, хотя очевидно, что он в итоге с этой будет, ну как ее там.

— Эшли.

— Эшли, — я зевнул. — Может ляжем спать?

— Ляжем, мой Итан Рокотански. Хотя еще рановато.

— Для сна, — сказал я, — никогда не бывает слишком рано или слишком поздно. Сон — святое. Будь люди более мудрыми, они бы больше спали, — я коснулся губами живота жены и она улыбнулась. — Тогда, возможно, они были бы куда менее грустными, чем являются на самом деле. Но это уже философия. А сейчас...

Время поединка, пускай я и ждал его сильнее, чем второе пришествие Иисуса, наступило все равно немного неожиданно. На дворе стоял декабрь две тысячи седьмого — ровно тридцать первое число. Новый Год наступил через четыре часа по московскому времени. Было удивительно, что многие люди решили встретить его здесь, в бойцовском клубе, смотря, как дерутся два человека, которые раньше друг друга видеть не видели, а один и вовсе пока не дрался. Но, возможно, с другой стороны это было не так уж и странно.

Однако, кое в чем я все-таки ошибался. В чем именно? Ну, во-первых, драться мне предстояло вовсе не на ринге, а в открытом зале, на участке, границей которого являлись сами зрители. Вылететь за пределы арены было невозможно — в таком случае народ сам выпихнет тебя обратно. И народу, кстати, в последствии оказалось гораздо меньше, чем было на боях, где я присутствовал в качестве зрителя. Несколько десятков человек, не больше. Сам зал был тоже был не совсем зал. Просто широкий, темный коридор, с тускло светящимися лампочками над бетонным потолком. Все в традициях "Бойцовского клуба" Паланика. Да, это вам не Лондон и не Массачусетс, как сказал бы Дед. Никаких вам мест для "высшего общества" с шикарным освещением. Нет, тут все серьезно. НРГ, сами понимаете. Это для серьезных ребят.

— Волнуешься? — спросил меня Огонек, когда мы находились с ним в небольшой комнатке для бойцов. Было нас здесь только двое. Зоя, Дед и Петрович уже были где-то среди зрителей. Мерокко, парень, с которым мы познакомились, когда пришли в Клуб впервые, тоже там был.

Я кивнул. Из одежды на мне были только трусы, джинсы, не облегающие и не болтающиеся, да бинты, которыми Огонек обмотал мне руки.

— Я тоже волновался перед первым боем. Просто не забывай ради чего ты здесь. И еще: не сомневаюсь, что у тебя крутой опыт, но признай свой страх, потому что страх — это двигатель прогресса, страх — это хорошо, он помогает выжить. Используй его во благо.

— Сказать легко, — пробормотал я.

— А сделать сложно, — Гаргарьин хлопнул меня по плечу. — Но ты сделаешь. А теперь пойдем, не будем заставлять их ждать.

Ведущим боя оказался неизвестный мне до этого мужчина. Когда я подошёл к толпе, которая расступилась при виде Огонька и меня, он, выглядевший лет на пятьдесят пять, приветственно поднял руки. Позади него, с другой стороны, стоял тот самый Мигель и какой-то худой и высокий мужчина рядом с ним.

— А теперь поприветствуйте, народ — Итан Рокотански. Он впервые на песке, а точнее, на бетоне ринга.

Люди, к моему удивлению, похлопали достаточно громко. Пускай сдержанно, но все

равно громко. В толпе я увидел Зою, смотрящую на меня. Я чуть улыбнулся жене, и она тоже слабо улыбнулась. Изначально я не хотел, чтобы она шла. Но это был не тот случай, когда я мог ей что-то запретить. Друзья стояли рядом с ней.

— Бойцы, — сказал ведущий, — можете пожать друг другу руки.

Мы с Мигелем вышли вперед. Глянули друг другу в глаза. Тот, кто выходит на бой, понимает, что это достаточно важный момент. Глаза у противника были холодные и словно злые. Мы пожали друг другу руки, обтянутые бинтами. Ведущий отошел в толпу, едва не растворившись в ней.

— Разошлись по сторонам.

Мы выполнили указание.

— А теперь... Можете начинать!

И началось.

Но началось не так, как начинался бой Огонька с Эрвином. Началось не так, как бой тех двух парней, которых мы увидели в бойцовском клубе, когда пришли в него в первый раз. Не было ярких, белых ламп над ареной, десятков вспыхивающих огоньков вокруг. Не было кучи дыма, устилавшего пространство под потолком. Не было орущих людей. На мгновение наступила полная тишина.

Мигель, небольшой, но накаченный, сделал плавный шаг влево, не сводя с меня глаз. Аккуратный шаг вперед. Я сделал ровно тоже самое, и он сощурил глаза... После чего резко бросился вперед и не нанес удара, тут же отпрянув спиной назад. Хотел напугать. Хотел напугать, но не вышло. Я не был профессиональным бойцом. Но у меня был опыт, и мои руки помнили, мое тело знало, что нужно делать. Говорят, руки помнят все. Жаль, что это было как плохо, так и хорошо одновременно. Но сегодня это было хорошо.

Как и Мигель я лишь отпрянул назад, выгнув спину. Я чувствовал, что противник начинает злиться. Толпа, начавшая было потихоньку шуметь, вновь затихла, темными и безмолвными тенями сойдясь вокруг нас под светом желтой лампочки. А затем я ударил.

Удар не был неожиданным. Враг, напряжение которого я ощущал едва ли не также, как свое собственное, отстранился назад, но это не значило, что я облажался. Два быстрых шага вперед, настолько быстрых, что новичкам такие и не снились. Резкая двойка. Оба удара попали в лицо. Рано успокоился, ублюдок. Если твой первый удар не достиг цели, не стой столбом и наноси второй. В данном случае это было просто фрагментом боя. Даже эффектом неожиданности это не назовешь.

Мигель, получивший по лицу, отскочил к стене из людей и сделал полукруг, посмотрев на меня как ошпаренный. А затем налетел как смерч и мы сцепились, не побоюсь этого сравнения, как два полубога на каком-нибудь Олимпе. Пусть сражение вышло коротким, но жестоким.

Мигель произвел серию атак. Первые два удара прошли мимо, вторые два настигли цели. Один попал мне в грудь, ближе к ключице, второй в печень. Это было терпимо. Другое дело, нанеси он удар в печень, абсолютно доминируя при этом в бою, нанося каждый удар в яблочко. Тогда я бы вряд ли встал. Но это был не тот случай.

А затем он попытался схватить меня за шею, приблизившись максимально близко, настолько, что я ощущал его дыхание. Я видел, как сузились зрачки его темных глаз, заметил, как он хочет мне что-то сказать. И сказал бы, не толкни я его резко и сильно в грудь. Адреналин растекся по моему телу и я атаковал, уже ничего не видя перед собой. Только он, только Мигель.

А еще...

Стены тюрьмы вокруг. Лысые и лохматые, голые по пояс, заключенные, оружие что-то на малайском. Солнечный свет падает на ринг через грязное окно, окрашивая пространство вокруг в зеленоватый цвет, цвет джунглей, которые раскинулись вокруг "Желтых камней".

Удар летит не потому, что я захотел, чтобы он летел. Он летит потому, что он сам знает, что ему нужно лететь. Первый, второй. Ярость. Ощущение удара, как он врежется в скулу, выбивая из щеки кровь, нанося повреждение. Ты настолько быстр, что у тебя нет времени на защиту. Дело даже не в этом. Ты не презираешь защиту, ты не восхваляешь нападение. Тебе плевать. Ты просто атакуешь, вот и все.

Затем все вернулось. Неожиданно, пускай ожидаемо, хоть и не было времени об этом размышлять. Когда дерешься — времени нет. Все здесь, все сейчас. Тени вокруг. Тусклый свет. Противник с разбитым лицом падает на спину, залив кровью из носа и рта шею и грудь. Он не поднимается, и мир резко обретает очертания.

Затем возвращается звук. После...

Толпа орет, выкидывая вверх кулаки. Теперь лампы освещают людей, сделав небольшой бойцовский клуб куда ярче, чем он был раньше. А затем я уловил запах клубники и земляники, всегда идущих в комплекте. Грива волос жены утыкается в мой нос. Я обнимаю ее. Я обнимаю ее и понимаю, что сейчас я победил. А раз победил сейчас, значит одержу победу в конце. И никак иначе.

Одна секунда. Пять. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Пятьдесят одна, пятьдесят две, пятьдесят три... Чем дольше делаешь упражнение — тем сильнее пытаешься считать. Руки, пресс, ноги, грудь, все мышцы напряжены. Зачастую важно не количество повторений, а их качество.

Кронштадт слез с турника. Крепкий, достаточно высокий, с бородой, недавно подстриженной, но успевшей отрасти. Волосы у него были лишь по центру головы, средней длины, а по бокам было сострижено. Цвета они были черного. Глаза у мужчины были темные.

В зале горели лампы и людей не было вообще. Обычно народ собирается тренироваться с семи до десяти, после работы или учебы. Но некоторые, которым не нравятся большие скопления людей, или люди по отдельности в принципе, предпочитают проводить тренировки рано утром или поздно вечером. Кронштадт был из тех, кто занимался вечером. Он достаточно поздно вставал и достаточно поздно ложился. Но первым делом после подъема он всегда проводил лёгкую тренировку. Тренировка начиналась с разминки. Разминка перерастала в пробежку. И так день за днем.

Подняв голову вверх, Кронштадт постоял так с половину минуты. Затем он вышел из зала, достиг раздевалки, переоделся, облачился в зимнюю темно-синюю куртку и вышел на улицу. Московская ночь встретила его безжизненным светом фонарей и снегопадом, недавно снова атаковавшим город. На улице, как ни странно, было тихо. Ведь всем было известно, и коренным жителям, и провинциалам — в столице тихо не бывает. Но, видимо, это было не всегда так.

Автоматриграль виднелась в правой стороне, ближе к Москве-Сити и Москве-реке. Она не утихала никогда, и ее шум доносился и досюда. Но если находиться в квартире, закрыв

при этом окна, можно было насладиться полной тишиной и спокойствием. За это Кронштадт любил свой район и свою небольшую квартиру. Пройдя пешком примерно с километр, он зашел в подъезд старой панельки, поднялся на четвертый этаж из девяти и отпер дверь. Дом встретил его темнотой и теплой. Пес Догг, черный лабрадор, вынырнул из этой темноты почти без единого звука, глянув на хозяина. Кронштадт, по натуре свой холодный и не улыбочивый, улыбнулся другу. Этот приятель делал его квартиру гораздо уютнее, чем она была без него. Так уж происходит с собаками.

Кронштадт разделся, покормил пса и перекусил сам. Затем, в одних трусах и майке, уселся в старое красное кресло в спальне. Его район, изрытый строительными машинами и превращенный едва ли в свалку, уже спал.

Тут завибрировал телефон. Древний, кнопочный, но с отличной связью и хорошим динамиком. Кронштадт взял трубку. Звонил Леха.

— Да?

— Здорово.

— Здорово.

— Как оно?

— Как обычно.

— Понятно. Пса покормил? Впрочем, глупый вопрос. Я звоню по поводу клуба. У нас новенький нарисовался.

Кронштадт не ответил. Леха вздохнул.

— Сегодня избил Мигеля как собаку. А, извини. Ну, ты понял.

— Мигеля несложно избить, как собаку.

— Да, но не новичку. Этого парня раньше никто не видел. Ну, вроде как.

— Зовут как?

— Не помню. Какой-то там Крокотанский. Уточнить надо.

— Звони как уточнишь, — Кронштадт собрался бросить трубку.

— Да подожди ты. Я не просто так позвонил. Ты можешь и дальше говорить, что тебе есть с кем драться, но тогда какой смысл высматривать достойных новичков? Дело, значит, еще произошло. Крампуса сбил автобус с новогодними игрушками. Он в коме.

Кронштадт сжал челюсти, едва не выругавшись. Самообладание выше всего.

— Строчки бойцов немного посдвигались. Есть вероятность, что ты будешь драться с Огоньком или Глоданом.

— Но можно сделать интереснее. Да?

— Да. Я наблюдаю еще немного за этим новеньким, если успехи будут — попробую организовать бой. Посотрясаем еще немного этот Богом забытый ринг. Окей?

— Окей.

— До связи.

— До связи.

Кронштадт, бросив телефон на кровать, снова посмотрел в окно. Красные огни высоток мелькали одинокими огоньками среди других высоток, сверкавших синими и желтыми цветами. Боец закрыл глаза, слегка сжав подлокотники кресла. Догг, залезший к нему, положил голову на бедро хозяина. Город болел. Это было ясно. Стоило лишь закрыть глаза и послушать, что говорят его руки, легкие, вены. Да, все верно, город живой организм. Живой организм, который нужно лечить. И Кронштадт его вылечит. Или, по-крайней мере, попытается. А все остальное зависит уже от остальных. Его дело — дать толчок к действию.

Вот и все. Кратко и просто.

Глава 14. Ловля Фортуны

Жизнь, не стремящаяся к жизни, ищет путей к смерти.

Джек Лондон

Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы оказались в "Желтых камнях". Прошло много боев с тех пор, как мне надрали зад на ринге. Некоторое время я провел в госпитале. Некоторое время не дрался. А затем, когда начальство тюрьмы решило, что меня можно дальше бить, вновь выпустили на арену. Затем минул еще месяц, некоторые деревья в тропиках вокруг успели пожелтеть, и "Желтые камни" поглотили нас полностью, став частью жизни. Мы жили и дрались, почти не надеясь выбраться оттуда. Единственное, что по-прежнему имело смысл, это убийство Мейгбуна. Но его как и раньше держали где-то на нижних ярусах, куда нам было не добраться. А потом и вовсе пришла зима.

Руководство, кстати, сняло блок на встречи солдат НРГ. Когда это произошло, я, Петрович, Рокки, Вереск и Ветрогон стали зависать вместе почти постоянно, деля каждый день по несколько раз обеденный стол. Исключение составлял Кэп. Капитан не принимал участия в драках, и его кормили отдельно. Видимо считали, что он может знать нечто большее, чем знаем мы. Но я бы не удивился, если оно действительно так и было. Вместе с этим, едва я выбрался из госпиталя, рассказал друзьям о Бэне, том парне, который лежал на соседней койке. Ни у кого особо не было идей, что он мог тут забыть. Самым странным было то, что его тоже почти не было видно. Но иногда, если приглядеться, он все-таки где-то мелькал. Но слишком издалека и нечасто.

— Знаете, — сказал Рокки, проведя ладонью по своим кудрявым, отросшим волосам. — Я, конечно, всегда знал, что рожден для чего-то особенного, — большие глаза друга словно улыбнулись, — но сидеть в тюрьме на тропическом острове среди кучи злых азиатов мне немного надоело. Крути не крути, а надо отсюда сваливать.

— И что предлагаешь? — выдохнул Петрович, осматривая зал. Сложив здоровые ручищи, он положил обросший бородой подбородок на ладони.

— Вы ведь стали немного понимать по-малайски?

Все кивнули. Хоть никто экспертом себя назвать не мог, но, как ни странно, язык мы понимали с каждым днем все лучше и лучше. Точнее, странным было то, что учение шло действительно быстро, пускай учиться мы, в принципе, особо и не собирались.

— Короче, — начал, склонившись к центру стола, Рокк, хотя нас, скорее всего, никто и не понимал, — надо закорешиться с кем-то из охранников, из тех, кто гоняет на нижние уровни. Как-то договориться, чтоб нас аккуратно выпустили, хоть бы и по-одному, пробраться к Мейгбуну и убить его.

— Нет, — сказал я. — На Мейгбуна в одного никто из нас не пойдет.

— Ясен хер, — буркнул Хорнет, — хотя меня бесит тот факт, что он может побить любого из нас.

— Разве что с пистолетом и монтировкой, — фыркнул Петрович. — Но Штиль прав. Надо убить его так, чтобы самим остаться в живых. Не из легких задача.

— А у нас задач легких и не было, — Рокки обвел нас глазами. — Ну так что, вы за? Надо еще обдумать, как вытащить Ветрогона, но, думаю, это будет проще, чем пробраться и ликвидировать Мейгбуна.

Все кивнули.

— Хорошо. Тогда предлагаю следующее... Идея, конечно, не из лучших, но другой у меня нет... Но если сделаем все как надо, мы провернем все уже в эту субботу.

Мейгбун, облокотившись на подушку, кидал в стенку мячик. Тот, отлетая от стены, возвращался обратно в его ладонь, перед этим отскочив от пола. Было максимально скучно. Настолько, что мячик он ловил даже не смотря ни на него, ни на руку, в которую он попадал. Взгляд был устремлен в пространство, которое никто, кроме самого Мейгбуна, увидеть не мог.

Когда дверь его темницы начали открывать, он не прекратил кидать мячик в стенку. Даже если что-то волнует тебя, или интересно тебе, не давай знать, что оно действительно так и есть. Носи ледяную маску как щит, и тогда, возможно, останешься цел, да и яйца никто не цапнет. Такому принципу следовал Йокир Мейгбун.

Когда в дверях появился охранник, абсолютно ничем не примечательный малайский детина, блондин на него даже не посмотрел.

— Вставай, — сказал он.

— Зачем? — мячик снова отлетел от стены в ладонь мужчины.

— Переводят тебя.

— Зачем?

— Много говоришь, — охранник насупился. — Вставай, пока не получил по ребрам дубинкой.

Йокир, послушавшись, вздохнул. Хоть он и не особо понимал по-малайски, но основы языка уже изучил. Особенно популярным словом было "дубинка". Говорили его, как правило, охранники. Блондин вытянул руки вперед, и детина напялил на них наручники. А затем они вышли в темный коридор и шли по нему несколько минут. Редкие факела освещали им дорогу, и Мейгбун в который раз удивился внутри себя архитектуре этой тюрьмы. Интересно, сколько ей лет? Что тут было до "Желтых камней"? Наверное, какой-то замок, где правил тропический король. В бухту, находившуюся, вроде как, неподалеку от тюрьмы, приходили деревянные корабли с черными или золотыми флагами, с них сходили улыбающиеся моряки, старые и молодые, а с собой они несли сундуки несметных сокровищ для королевства, название которого Мейгбун уже знать не мог. Теперь все это было историей. И то, что происходит сейчас, вместе с самим Мейгбуном, тоже становилось историей, пускай и совсем другой.

Через некоторое время его провели в очередную камеру, только на этот раз с окном, через которое был виден солнечный свет, но все же в отдалении от других заключенных. Новая темница, видимо, находилась на другом этаже, или вовсе в другом блоке.

Когда Мейгбун вошел внутрь камеры, почти полностью идентичной той, что была у него до этого, за исключением окна и решетчатой двери, блондин недоуменно посмотрел на охранника.

— Не понял?

Охранник покачал головой, мол, если я начну тебе рассказывать, то все равно не поймёшь язык.

Мейгбун поднял брови.

— А ты попробуйся.

— Ты сказал, что мог. Тебя пытали, но этого не хватило, — было видно, что охранник старается говорить максимально понятно и просто, — важность тебя, как противника, сохраняется, поэтому ты теперь здесь. Но некоторая важность ушла, поэтому ты тоже здесь. Твоя ценность убавилась.

Мейгбун усмехнулся и сплюнул под ноги охраннику.

— Я самый важный человек в этом чертовом мире, малаец.

Теперь усмехнулся охранник.

— Оно и видно.

А затем закрыл дверь и ушел. Мейгбун слышал, как затихают в отдалении его шаги. Затем почесал отросшую, чуть ли не золотую бороду и подошел к окну. Подпрыгнув, он ухватился за прутья и подтянулся, чтобы видеть, что находится снаружи. Вид впечатлял.

Отсюда была видно, что тюрьма действительно находится на определенном и достаточно высокогорном плато. Если Мейгбун не ошибался, Малайзия в принципе была не особо горной страной. Да, здесь хватало тропиков, но чтоб прям горы? Нет, это не про это место. За исключением, видимо, "Желтых камней". Было видно, как тропики уходят чуть вниз, а затем обрываются резким обрывом. За обрывом всюду раскинуло свои объятия Южно-Китайское море. Солнце, поднимаясь над ним, играло золотом на идущих волнах. На несколько мгновений Иокир замер, любясь красотой. А затем слез на пол и медленно опустился на койку.

Ценность поубавилась, значит. Блондин аккуратно коснулся груди, на которой малайцы оставили шрам. Затем сделал тоже самое с плечом и бедром. Что же, пускай. То, что его перевели сюда, это, в принципе, лучше. Здесь было не так тихо. И, кажется, пытать его уже не собирались, а так — берегли на всякий случай, про запас. Лучше иметь козырь в рукаве в виде нацистского революционера, чем не иметь. Их дело. Дело Мейгбуна — дать отсюда деру, пока война не закончилась. Потому что, если она вдруг закончится, держать его здесь смысла точно не будет.

В идее Рокки закорешиться с каким-нибудь охранником был один жирный минус. Точнее, минус был отнюдь не один, но этот был самый явный. Во-первых, большая часть тюрьмы была настроена к нам негативно и в первую очередь именно охранники. А во-вторых, кто может закорешиться с охранником меньше, чем за неделю? И речь идет не о добыче каких-нибудь предметов вроде сигарет, зубочисток или мыла, а о том, чтобы выпустить из камер целую группу людей. Да что уж группу, хотя бы одного. Обмозговав этот вопрос, мы решили, что действовать будем немного по-другому. По старинке. Мы украдем ключи.

И в данном случае мы тоже действовали по старинке. Такой трюк часто можно было увидеть в книжках или фильмах, как правило, его проворачивают либо в барах, либо в тюрьмах.

За ужином, перед отбоем, мы как и обычно уселись за свой столик. Особо много не разговаривали. В столовой и так было довольно шумно. Вереск сидел с разбитым носом и рассеченной бровью. После сегодняшних боев ему крепко досталось. Друг, склонившись над столом, то и дело промокал лицо полотенцем. Да, влетело ему очень неприятно. Но все присутствующие понимали, что влететь может и гораздо хуже. Вереск, также это понимая,

не был. Он в принципе никогда не жаловался.

— Эй, Бак, — неожиданно обратился я к шедшему мимо заключённому. В руках он держал поднос со своей порцией еды. Бак был американцем и к нему в тюрьме относились также, как к нам. — Гора, — я кивком головы указал на бородатого здоровяка, — просил передать это Вулкану, — я поставил тарелку чёрствой каши на поднос. На каше было нарисовано сердечко с сердечком внутри. — Сделаешь?

Бак с неохотой кивнул. Насколько я знал, Бак, как и любой американец, терпеть не мог малайцев. Вроде как у них с ними был конфликт за какую-то там территорию. Увидев сердечки, Бак внимательно посмотрел на нас, и я понял, что он понял, что мы замыслиаем. И, к нашему удивлению, улыбнулся.

— Не знаю, зачем вам это, но, надеюсь, сработает.

— Спасибо, Бак.

Сработало. Вулкан, отличавшийся от Горы только тем, что борода у него была темная, как и волосы на голове, чуть ли не взорвался. Подойдя к Горе, сидевшему к нему спиной, здоровяк аккуратно потрогал его за плечо. Тот обернулся и Вулкан, замахнувшись кулаком размером с мою голову, настолько сильно треснул ему по лицу, что я подумал — врежь он так мне, моя голова бы отлетела к стене, срикошетила вверх, в мою камеру, снова в стенку, а от нее в окно. Эдакий гол.

Драка началась за считанные секунды. Люди Горы против людей Вулкана. К ним подключились и другие заключенные, разделявшие взгляды, какие бы они ни были, одной из сторон. Охранники, обалдевшие от такого поворота событий, тут же бросились разнимать заключенных. Их было немного и скоро должны были подойти еще. А значит и времени было мало.

Но все прошло как нужно. Хорнет, как самый ловкий и быстрый из нас, нырнул в толпу, а через минуту вышел оттуда уже с ключами, которые тут же исчезли у него за пазухой.

— Не стань ты военным, — бросил я ему так, чтобы нас никто не услышал, — стал бы профессиональным вором.

Друг улыбнулся в бороду.

— Время делать ноги, старина.

Да, время делать ноги. И делать ноги мы решили ночью, когда большая часть "Желтых камней" спит, а охраны не так много, как днем, потому что, как правило, она тоже спит. Охранники тоже люди.

Когда вечерний отбой уже минул, а за стенами тюрьмы наступила звездная, прохладная ночь, оставалось только ждать. Ждать и молиться — тем, кто действительно во что-то верил. И время, как оно обычно и работает, тянулось очень медленно, почти что вечно. Однако ожиданию подошёл конец — когда это случилось, я обрадовался, что фраза "все рано или поздно заканчивается" имеет место быть.

Через некоторое время я услышал, что Хорнет аккуратно открыл свою дверь. Затем он ее закрыл и появился в поле моего видения. Он медленно, почти не дыша, открыл мою, и мы двинулись туда, где располагались камеры Рокки, Вереска и Петровича. Страх все же достаточно крепко сжимал сердце. Да, ночью люди обычно спят, но все-таки кто сказал, что среди заключенных не найдется совы, которая тут же заорет на всю тюрьму, если случайно нас увидит?

Но нам повезло. Возможно, отчасти потому, что сами мы двигались как мыши, тихо и быстро, надеясь не нарваться на своего кота. И не нарвались. Через некоторое время мы, уже

впятером, как бы безумно это ни было, стояли в тени тюремного блока, сотрясаемого храпом десятков заключенных. Лунный свет падал через западные окна вниз, освещая центр помещения.

Почти не сговариваясь, мы вернулись немного обратно и начали спускаться вниз, туда, где располагалась камера Ветрогона. Тут мы и заметили первого охранника. Это было немного странно, что на огромную территорию с кучей заключенных мы не встретили ни одного, но в место, где сидит буквально несколько людей, Мейгбун, Ветрогон, и, возможно, кто-то еще, тут же один появился. Едва мы его заметили, тут же нырнули в тени по обеим сторонам коридора. Тени были непроглядны и почти что черны. Пространство на нижних этажах освещалось лишь одинокими лампочками и факелами.

Нейтрализовать стражника оказалось абсолютно беспроблемно. Когда он проходил мимо нас, пять пар рук выскочили из тени и вырубili его моментально, тут же забрав все, что могло пригодиться. Пистолет забрал Вереск, нож Хорнет, рацию Петрович. Засунув ему в рот его же салфетки, чтобы он не заорал когда проснется, мы сковали ему руки наручниками и оставили у стенки. Затем двинулись дальше.

— Не операция, — тихо шепнул Хорнет, держа нож наизготовку и пробираясь дальше, — а ловля Фортуны.

— "Я человек Фортуны, и я поймаю ее за хвост", — прошептал в ответ Вереск.

— Кто это сказал?

— Генри Эвери. Пират.

— Ааа.

— Помолчите, парни, — сказал я. — Не будем лишний раз шуметь.

Через некоторое время мы встретили еще одного охранника. Он вышагивал по коридору точно также, как первый, только этажом ниже. Уже собираясь пойти к нему, я вспомнил, что Ветрогон должен находиться еще ниже, и мы спустились снова, и встретили опять охранника, на вид точно такого же, каким был предыдущий. Его мы нейтрализовали также. А затем, пройдя вперед, наткнулись на Ветрогона, лежавшего на своей койке.

— Старина? — спросил Петрович.

Ветрогон нахмурился и посмотрел в темноту. А затем вскочил.

— Парни! Что вы тут делаете?

— Тебя спасаем, — Хорнет сунул ключ в замочную скважину и аккуратно провернул. — Только ты не ори, услышат.

— Как вам...

— Неважно, — я обнял Кэпа, когда дверь освободилась. — Сейчас важен только Мейгбун. Ты не знаешь, в какой конкретно камере он сидит?

Ветрогон покачал головой.

— Нет. Но я знаю, что он сидит на предпоследнем этаже и там есть блокпост охраны.

— Значит, двигаем туда. Ты как, порядок? — я посмотрел на синяки капитана, уже успевшие немного подзажить.

— Да. Пойдемте.

И мы пошли. Неизвестно, сколько времени есть в рукаве. Задача лишь одна. Убить и сбежать, а как — значения уже не имеет.

Блокпост охраны представлял из себя точно тоже самое, что мы видели в норвежском замке давным-давно. Всего лишь год прошел, а такое чувство, словно бы вечность. Нам тогда вставили мама не горюй и сунули в подземелье.

Два охранника стояли спиной к нам и достаточно громко разговаривали, встав поближе к теплу двух факелов, расположенных на разных сторонах коридорах. У каждого в руках было по автомату. Рокки усмехнулся, и все поняли, почему. Не было ничего проще, чем в двенадцать рук вырубить двух парней, стоявших к тебе спиной, а вдобавок завладеть их оружием. Когда мы это сделали, у каждого в собравшемся снова отряде было оружие. Огнестрельное, правда, только у меня, Ветрогона и Рокки. Но это уже было отлично.

Пройдя некоторое время по коридору, от факела к факелу, мы остановились посередине, среди каких-то коробок и железных ящиков. Мейгбуна не было ни в одной камере.

— Кэп, ты уверен, что он на этом ярусе? — с сомнением спросил Рокки.

Капитан кивнул.

— Да, должен быть. Не зря же поставили блокпост. Хотя, стой...

Я почувствовал, как по телу ни с того ни с сего побежали мурашки, а пространство вокруг будто наэлектризовалось, поднимая волосы на моих руках дыбом.

— Засада! — заорал я и толкнул Вереска к стене. Тот упал за ящики и коробки. Я и остальные, не дожидаясь, тоже спрятались среди них. Топот сапог и грохот автоматных очередей, разорвавших черное пространство над нами, был настолько неожиданным, что в какой-то момент меня чуть не стошнило от ярких красок и абсолютного шума, в один момент обрушившихся на организм. Стреляли с той стороны, откуда мы пришли. И охранников, очевидно, было много. Только почему они сюда пришли? Неужели дело в тех парнях, которых мы обезвредили пять минут назад? Но не могли же они среагировать так быстро!

— Надо сваливать отсюда! — рявкнул Ветрогон, и, на мгновение приподнявшись, дал короткую очередь в сторону врагов. Было неизвестно, задела она кого-то или нет.

— Под обстрелами не уйдем, — громко сказал Рокки. Высунув автомат вверх, он также дал короткую очередь вслепую. Один из охранников вскрикнул, поток пуль, летящих в нас, ушел в потолок. Что же, минус один. Уже неплохо.

— А что с той стороны? — спросил я Ветрогона, кивком головы указав в противоположную сторону. — Уйдем по коридорам?

— Вроде как да, если идти только прямо, — капитан снова дал несколько одиночных выстрелов. Несколько пуль просвистели прямо у нас над головами. — Но там...

— Нет времени, — ответил я и взялся за оружие. Бегите в ту сторону, мы попытаемся отбиться сколько сможем. Потом сразу за вами.

— Но... — Хорнет хотел было возразить, но не успел. Неожиданно одна из пуль, летящих со стороны охранников, настигла только привставшего было Вереска. Было видно, как фонтанчик черной крови выскочил у него из груди. Через мгновение, словно подкошенный, он рухнул на пол.

— Вереск!

Все подскочили к нему. Мы с Рокки перестали экономить патроны и высадили в сторону врагов абсолютно все, что у нас было. Через несколько секунд затворы защелкали, будто говоря нам — извините, ребята, но все. Лимит везения исчерпан.

Друг тем временем умирал. Умирал неожиданно и быстро, как оно обычно и происходит, а не как расписывают в великих книжках. Голова бойца была на коленях Петровича, а тот сжал руку на груди Вереска, пытаясь сдержать кровь. Но, стоило лишь кинуть взгляд на несколько пулевых отверстий, чтобы понять: это бесполезно.

— Приятель... — я рухнул на колени. Охранники медленно приближались к нам.

— Ничего, — прохрипел Вереск и улыбнулся. В темноте, в которой мы научились видеть, было видно, как его глаза словно бы слегка дрожат. — Ничего, парни. Если не казнят вас, выберитеcь отсюда. Ладно?

Кто-то кивнул, но никто не проронил ни слова.

— Ничего, — сказал он, и я почувствовал, как в горле встал ком. — Ничего. Это всего лишь смерть.

И его не стало.

Нахождение в тюрьме само собой подразумевает ограничение свободы. Если ты охранник, то частичное. Если ты заключенный, то почти полное. Когда сидишь достаточно, чтобы к этому привыкнуть, это уже становится не так уж и страшно. Но когда у тебя есть кто-то, кто близок тебе в месте заключения, и этот кто-то умер, а за стенами тюрьмы на него всем насрать, становится очень тяжело. Поэтому Вереска никак не похоронили и просто сожгли. Для мест вроде "Желтых камней" это было нечто вроде милосердия. И, говоря честно, мы были благодарны, что его тело не подверглось каким-либо насильственным действиям. Вот только чувство несправедливости никуда не делось — отличный солдат и не менее отличный парень, прошедший через ужасы Третьей мировой войны, сгорел в печке вонючей и дикой малайской тюрьмы, вдалеке от своего дома и страны, ради которых он здесь и оказался. И никто его не вытащил. Никто не явился в ЕМГ за нами. Не то, чтобы мы этого ждали очень сильно. Но было бы хорошо, если бы так сложилось. Жаль лишь, что эта история хоть и достаточно фантастическая, но все-таки реалистичная. В настоящей жизни спасения почти никогда не приходят в последние моменты. Они в принципе не приходят. А если и придут, ты — величайший везунчик на Земле. Вереск оказался не из таких. И не только он.

Жизнь текла дальше как обычно. Мы дрались в бойцовском клубе "Желтых камней", иногда побеждали, а иногда проигрывали. Лежали в больницах. После "инцидента" нас всех вернули по нашим камерам. Точнее, нам так сказали. Раскидали, в действительности, по другим местам. Только мы с Хорнетом почему-то остались жить по-соседству. Но был во всем этом дерьме и плюс: в "Желтых камнях" нас здорово зауважали. Не все, конечно. Хватало заключенных, максимально подлизывающих начальству. Но где таковых не бывает? В любом случае, наш авторитет ощутимо увеличился, и это нас определенно радовало. Мелочь, но приятно.

А еще через некоторое время меня, также неизвестно зачем, решили перевести. Уходить со своей камеры, особенно по-соседству с лучшим другом, не хотелось абсолютно. Но кто спрашивает?

Положив вещи, среди которых были и достаточно теплые, на постель в новой камере, я первым делом сделал то же, что и сделал в той, где очутился в первый раз: посмотрел в окно. Отсюда точно также было видно обрыв и море за ним, только чуть дальше и будто ниже. Чуть более нижний ярус, что я и так понял, когда спускался вниз, и немного другое расположение. Правда, было еще одно жирное отличие, которое я сначала не осознал, а когда осознал, думать об этом уже не думал — на этом этаже не было заключенных. Точнее, мне сначала так показалось.

— Черт, — раздался голос из-за стены. — Неужели ко мне подселили соседа? Эй, парень! Кем бы ты ни был, давай познакомимся, вдвоем будет не так уж скучно!

Я схватился за стенки решетки.

— Эй, ублюдки малайские! Вы решили посадить меня с этой тварью? Зачем?

— Боже, приятель, — Мейгбун, вскочив, заголосил, встав где-то слева и тоже схватившись за решетку. Видно его не было. — Это же ты, да? Ты! Я по голосу узнал.

— Можешь подавиться своим узнаванием.

— К чему такая агрессия? Ты разве не рад? Так давно хотел до меня добраться, и вот — я в паре метров.

— Лучше бы твоя голова висела на воротах этой тюрьмы, радости было бы куда больше.

— Как грубо. А я, знаешь, думал, что вас все-таки побили всех. Ну, в клубах. Ведь вы такие нежные.

— Себя видел? Или уже забыл, как я тебе ебло начистил во Франции? А, точно! А в Италии ты прямо-таки показал себя. Великий человек! Ха! — я сжал прутья решетки так, что мои пальцы побелели. Поток речи было не остановить. — Мейгбун, ты жалкая, трусливая шлюха, которая раз за разом стала позориться! Походу, уже вошло в привычку.

— По-крайней мере, я не вонючая грязнокровка из НРГ, у которой дружки дохнут один за другим как мухи, — заорал нацист, — и головки которых трескаются как орешки, стоит лишь один раз приложить усилие.

— Больной ублюдок!

— Жалкий выродок!

— Нацистская тварь!

— Я убью тебя точно также, как прибил того парня качка на площади, — бросил блондин. — Как убил азиата.

— Сначала попробуй достать меня!

— Это, вроде, ты все собирался сделать?

Наступила резкая тишина.

— То-то же, — было слышно, как Мейгбун сплюнул. — То-то же.

Адреналин растекся по всему организму. Сказать неожиданно стало нечего. Дернув плечами, я отошел к окну, затем немного походил и сел на свою койку. Тело начинало постепенно приходить в себя, медленно успокаиваясь. Успокоиться ему было тяжело. Мне успокоиться было тяжело.

Он сидит буквально в метре, просто за стеной, а убить его нельзя. Он будет смеяться и насмехаться, и сделать ему ничего нельзя. Он будет жить, и сделать с этим ничего нельзя.

Однако, с другой стороны... Меня ведь посадили сюда-то зачем-то, верно? Значит, в этом был какой-то смысл. Я вперил взгляд в стенку, где сидел нацист. Как бы там ни было, я доберусь до тебя, блондинистый ублюдок. Доберусь и разорву на две части, а затем еще на столько же, а потом еще. Просто жди, "приятель". Жди, и я приду.

Глава 15. Человек с Севера

Человек, который почувствовал ветер перемен, должен строить не щит от ветра, а ветряную мельницу.

Стивен Кинг

Дмитрий Кронштадт родился в Мурманской губернии, в начале восьмидесятых. Каждый, кто родом с тех мест, прекрасно знает, что жизнь там нелегкая, а иногда и вовсе тяжелая. Семья у него была не богатой. Не сказать, конечно, что бедной, но многого себе позволить родители Димы не могли, однако когда оказывалась возможность, могли поделиться тем, что имели. Грубо говоря, это были простые люди с должным воспитанием. Сейчас таких людей не воспитывают.

Жизнь текла своим чередом: Дима закончил школу и поступил на механика в местное училище. Ремонтировал он по большей степени автомобили и мотоциклы, но если появлялась возможность починить что-то другое, особенно, если это другое было крупнее, будущий боец тут же брался за работу. Ремонтировать что-то — это не просто чинить. Снова дать жизнь, придать лучший вид, нежели был. Если задуматься, в этом есть своя небольшая философия, которой при желании можно следовать очень и очень долго. Вопрос лишь в том, хватит ли у философа терпения.

Все изменилось в тот день, когда началась Третья мировая. Девяностые почти минули, на дворе стоял девяносто седьмой, и тут из всех радиорубок НРГ диктор сообщил о том, что объединенные северные государства, Швеция, Норвегия и Финляндия, объявляют войну всему миру. Сначала все подумали, что они, конечно, сошли с ума. Может ли три страны победить весь мир? Но, говоря откровенно, когда Германия начала войну, сначала она тоже была одна. Здесь ситуация оказалось такой же. Внутри Европейского Альянса оказалось не все так гладко, как могло показаться жителям НРГ. Франция и Италия заявили о своем безоговорочном согласии с Северным Трио, вызвав немалые осложнения на территории континента. Большая часть африканских государств также поддержала нацистов, окружив соседей зубами войск. Затем их танки направились к границам Альянса.

А потом начались первые бомбежки. Быстро и неожиданно, как они обычно и случаются. Север НРГ, точнее северо-запад НРГ, подвергся массовой бомбардировке. Город Мурманск, небольшой портовый город, теплый и зеленый летом, а зимой словно сам подсказывающий дорогу, куда идти в темноте, был полностью уничтожен. Димы в тот день в городе не было, он только возвращался. Но сложно будет описать чувство, когда выезжаешь на междугороднем автобусе из лесу, водитель тормозит, потому что на дороге пробка, а потом ты видишь серые самолеты, пикирующие над городом, скидывающие вниз бомбы и тут же уходящие за горизонт. Видеть черные столпы дыма за холмами, где в низине расположен родной город. Их бессчетное множество, а если приглядеться, можно над желтыми деревьями — война началась осенью — увидеть языки пламени, стремящиеся подняться до неба. И, раз уж автобусы встали, ты все равно бежишь вперед, бежишь домой, чтобы увидеть руины родного дома и погребённых родителей под ними. Чтобы понять, что у тебя ничего больше нет. Что у тебя никого больше нет.

Так, октябрём девяносто седьмого года, Дмитрий Кронштадт записался в армию. Сначала он сидел на зенитках над Архангельском. Еще через некоторое время записался в десант, после чего уже мартом двухтысячного высадился на побережьях Африки. Отчасти

это напоминало высадку в Нормандии: кресты на берегу и толпы энэргэровцев, бегущих брать берег. Пулеметы африканцев, бьющих из бетонных и надёжных дотов. Реки крови, которые вбирает в себя Мозамбикский пролив. Грохот и смерть, бьющая жизнь.

Закончилось все через год, весной девяносто восьмого. Они по-прежнему находились в Африке, когда руководство сообщило, что теперь дело пойдет легче: после того, как зимой Соппротивление в Трио дало отпор врагу и забрало Норвегию, во Франции прошла спецоперация по устранению каких-то там ракет. Суть была проста: половина страны была взята под контроль союзников и больше ядерного оружия у нацистов не имелось. Это значило, что теперь войскам НРГ будет легче пройти к Африке, предоставив помощь Кронштадту и остальным, бьющимся в ней. Правда, итальянцы по-прежнему оставались большой проблемой. Если брать все страны Альянса, они, пожалуй, представляли наибольшую угрозу: но таковой была война, а война редко бывает легкой. Это закон жизни и смерти.

Через некоторое время Кронштадта ранили. Это воспоминание осталось с ним на всю жизнь. Небольшой отряд, в составе которого он находился, должен был проникнуть на военный аэродром, где находился один из важных африканских офицеров. Задача была обычная — ликвидация. С задачей они справились. По одному перебегая от баков с топливом к ящикам, из тени в тень, умерщвляя одного противника за другим в тишине, избегая при этом света уличных фонарей, освещавших коридоры из песков и пыли, они проникли под аэродром, где и нашли офицера. Его ликвидировали, важные документы забрали. Вот только отступить без потерь не удалось — на обратном пути охранники все же заметили их и начали стрельбу. Сирены тут же взвыли, разорвав своими связками тихую, прохладную ночь пустыни. А потом они бежали, но недалеко. Противники все же достигли их у одного из обрывов, ведущих в прямые джунгли. Некоторые из отряда погибли от пуль. Вместе с парой товарищей Кронштадт приготовился к прыжку, ибо падение обещало быть не мягким, как одна из пуль все же настигла и его. Врезавшись ему в поясницу, она заставила его упасть вниз и покатится по каменистому склону прямо к джунглям. Напарники тут же бросились за ним. Что спасло их в дальнейшем было просто странной глупостью. Африканцы, достигнув обрыва, некоторое время постреляли им в след, но следовать за ними не стали. Как узнал потом Кронштадт, когда напарники тащили его по очереди к их базе через кучу лиан и кустов, местные верили, что лес таит в себе зло, отчего ночью в него лучше не соваться. А раз другое зло само сунулось в лес, значит, большее зло, что в лесу, определенно с ним расправится. К счастью энэргэровцев этого не случилось. Кроме нескольких напрягающего вида пауков и парочки змей бойцы не встретили ничего опасного и добрались до базы. Кронштадт к тому времени был почти мертв. А затем его комиссовали домой, и служба Дмитрия в армии НРГ подошла к своему концу. Наградили медалями и парой орденов. Кронштадт вернулся в Мурманск.

И когда вернулся, понял, что хотел бы город восстановить. Только этого не вышло — как оказалось впоследствии, многие бомбы, которыми нацисты бомбили северное побережье НРГ, имели запас радиоактивных элементов. Таким образом большая часть Мурманской губернии оказалась заражена радиацией. В ближайшие лет десять, или, возможно, больше, город восстановлению не подлежал. Так и родилась СЗО — Северная зона отчуждения.

И Кронштадт отправился дальше. Работая на военных заводах и морских судах, он получал рабочий опыт жизни, временами вспоминая войну, думая, что хорошего и полезного

он мог бы сделать еще, хоть и сделал уже немало. И человеком он был хорошим, пускай и суровым — в своих странствиях из губернии в губернию, из города в город, он отрастил длинные волосы и оброс широкой, густой бородищей. Некоторые даже принимали его за святого отца, и порой не напрасно: иногда он помогал на территориях церквей, в различных деревнях, хотя и не верил в Бога. Верить Кронштадт старался только в себя. Это и стало одной из причин того, что за годы приключений он объездил всё НРГ, от границ с Альянсом до мыса Дежнева. На острове неподалеку от США, считавшейся самой восточной точкой НРГ, он так и не побывал.

А затем он снова оказался в Москве, где бывал до того много раз. Правда теперь он обосновался в ней окончательно и последние пару лет дрался в бойцовском клубе. За время проведенное на ринге Кронштадт успел достичь немалых успехов. А если говорить без лишней скромности, он стал одним из лучших бойцов. Жизнь на поверхности, жизнь на гражданке, здесь тоже оказалась нелегкой. Дмитрий поселился на юго-востоке города, немалая часть которого была превращена едва ли не в огромную свалку. Тут и там бегали бандюганы, дети с самого детства познавали взрослую жизнь, а на углах замусоренных улиц работали проститутки. Чем всегда удивляла Москва — так это своими контрастами. Это, правда, было вполне логично. Москва город большой.

Поэтому Кронштадт и здесь нашел себе определенную цель. Вытащить свой дом, в котором он нашел себе пристанище, из руин. Воскресить из пепла. И для этого нужны были деньги. Хорошие деньги можно было получить только в бойцовском клубе. Точнее, конечно, не только, но это был неплохой вариант для него.

Так было ровно до тех пор, пока в его жизни не появился Итан Рокотански.

Леха стоял рядом с боксерской грушей. Груша сотрясалась от тяжелых ударов Кронштадта. Здоровяк закончил ее бить и посмотрел на друга. Чуть обросшие щеки и густая борода спереди. Прическа на голове была аналогичной: бока были чуть обросшие, а по центру было много.

Дима кивнул.

— Короче, — Леха достал блокнот из-за пазухи. — Есть три кандидата на следующий бой. Первый — Альварес. Он оправился после травм. Второй — Лонг Дарк. Хоть внешне и спокойный, но вроде как яростно хочет стать чемпионом. Третий — Итан Рокотански. Этот новенький провел еще несколько боев. Последний дался ему достаточно тяжело, он пропустил сильный удар в печень, но уверенно движется вперед.

— По нему так ничего и неизвестно?

— По которому?

— По последнему.

— А, немного известно. Его тренирует Огонек, который, кстати, и набил Альваресу морду, тусуется рядом с каким-то усатым здоровяком и тем лохматым парнем, который, кажется, свою шаурмечку держит. Ну, ты понял.

— Мне без разницы, с кем он тусуется, — Кронштадт молчал. Лицо бойца было спокойным. — Но у нас есть цели. Альвареса я побью, он хочет только славы, а значит будет обесславлен. Лонг Дарк хороший боец, но та же история. А этот Рокотански, не знаю почему, но мне интересен.

— Слушай, — Леха пожал плечами, — дело твое, конечно, но большая ли тебе разница? Став чемпионом, ты получишь много денег. Облагородишь район, в котором живешь. Дети перестанут кланчить поест, бабки не будут милостыню просить. Возможно. Ты уже им помогаешь. Подерешься с тем же Альваресом — сможешь идти к этому дальше. Он по рейтинговому списку у тебя идет следующий.

— Необязательно, — Кронштадт тоже пожал плечами. — Пусть дерётся с кем-нибудь другим. Можно придумать иначе. Как толпа относится к этому новенькому?

— С большим интересом. Он, вроде как, даже начинает получать народную любовь. Дерётся честно, как может, выглядит приятно. Что еще нужно людям?

— Дать им второго такого же бойца и сцепить их.

Леха поднял брови.

— Он неплохой вариант, потому я его и привел в списке. Но бой не будет рейтинговым. Ты не продвнешься к званию чемпиона.

— Мне и не нужно. Я — народный любимец. Новенький тоже. Если мы соберём ажиотаж, главные клубов могут сделать исключение из правил. Так и я, и Рокотански, продвинемся гораздо ближе к званию чемпионов, чем могут другие.

— А если... — Леха замолчал.

— Что?

— Если он победит?

Дима слегка пожал плечами.

— Значит он действительно хороший боец. Но не спеши: никто не даст ему кучу бабок и звание чемпиона за одну победу надо мной. Главные все соки из нас выжмут, стараясь заработать максимум денег. А значит...

— Если вы сцепитесь с Рокотански...

— Нас ждет трилогия боев.

— Если он выдержит, — заметил Леха.

Кронштадт кивнул.

— Если. Но, думаю, он справится. Попробуй организовать бой. Пусть готовится: и я буду. А там уже будем смотреть, во что все это выльется.

Огонек, сидя за барной стойкой, болтал ногами. Я сидел напротив него. Петрович, стоя за баром, смотрел на нас. Подоконники высоких и узких окон бара заворошило: зима близилась к концу, и мороз на улице стоял ужасный, не давая снегу растаять. Приближающаяся весна никак не хотела приближаться.

— Ну так? — не выдержал Петрович.

Сережа вздохнул.

— Короче, он опасный тип. Не хочу я, чтоб ты против него дрался.

— Почему? — спросил я.

— Потому что он очень умен.

— Штиль тоже не тупой, — сказал Петрович. Я благодарно глянул на него.

— Никто не спорит... Ладно. Его зовут Дмитрий Кронштадт. Он того же возраста, что и ты. Но что касается характеристик, тут они разные. Метр восемьдесят три, вес такой же. Ты уступаешь ему на шесть сантиметров и восемь килограмм.

— Не так уж и критично, — Петрович пожал плечами. — Хули там эти сантиметры. Чем громче шкаф, тем громче падает.

— Чем меньше тумбочка, тем дальше летит, — ответил Огонек.

— Смешно, что про шкаф сказал здоровяк, а про тумбочку — наоборот, — сказал я. Разница в росте Гаргарьина и Петровича составляла где-то двадцать два сантиметра.

— Дело не в этом, — отмахнулся Гаргарьин. — Можно долго затирать, что характеристики в бою не особо важны, и зачастую так оно и есть. Есть минусы в большом росте, есть минусы в маленьком росте. Оно везде так. Я это к тому, что Кронштадт долгое время выступал в "любительских боях" — дрался с опасными типами, собирая большие толпы. Потом, не так давно, он начал идти вверх по рейтинговой системе. Хочет стать чемпионом. Но почему-то хочет драться с тобой.

— Почему бы и нет? Я провел уже четыре боя, не так уж и страшно. Я, вроде как, нравлюсь людям.

— Да, — сказал Огонек. — И он тоже. Понимаешь, в чем дело: если ваш бой состоится то народу будет просто тьма.

— А значит, — перебил я друга, — я смогу заработать денег. Возможно. Как-нибудь. Да?

Тот кисло кивнул.

— Но нужно победить.

— Он хочет чтобы сошлись два любимца публики, получается, — сказал Петрович. — Да?

— Да.

Усач посмотрел на меня. Мы оба кивнули. А затем я посмотрел на Сережу.

— Я согласен, Сереж. Ответ соглашением. И начинай тренировать.

Стоит сказать несколько слов о бойцовских клубах и о самих боях в частности. Самым базовым правилом являлось не носить удары ниже пояса и работать только руками. Поэтому большинство дерущихся были либо боксерами, либо в своих боях сочетали какие-либо боксерские элементы. Нередко можно было увидеть удары из кикбоксинга или других видов различных единоборств, но только те удары и приемы, которые, конечно, воспроизводились руками. Поэтому бойцовский клуб был ограничен и не ограничен одновременно: многие дрались как боксеры, что несколько сужало возможности, но с другой стороны никто не обязывал тебя драться как боксер, что те самые возможности расширяло. Огонек боксером не был, потому учился боксировать сам, и я боксировал вместе с ним. Вместе мы изучали различные техники и удары, вместе их отрабатывали друг на друге. Хорошо, когда у тебя есть кто-то, кто разделяет твои увлечения, или то, что ты делаешь, пусть тебе это и не нравится. Хорошо, когда ты не одинок.

Нам с Огоньком повезло. Мы боксом не ограничивались, хотя основной упор делали именно на него. Разучив "маятник" Майка Тайсона, мы, так как были некрупного роста, учились подбираться максимально близко друг к другу, стараясь занырнуть под руку, достать, уничтожить. Качаясь из стороны в сторону, держа руки так, чтобы удар не прилетел в голову, старались отточить максимальную скорость, с которой могли двигаться, не забывая при этом о силе ударов, которые должны были наносить сами. Не оставались в стороне и

бои с тенью. Хотя в бою с тенью всегда побеждаешь, секрет заключался в том, что побеждать ее нужно было снова и снова, потому что десятка, десятков, и даже сотен побед над ней будет мало. Достаточно будет лишь тогда, когда ты поймёшь это сам.

А затем состоялся наш бой с Дмитрием Кронштадтом, народным любимцем. Дата поединка выпала на конец февраля, в самый последний день зимы. Поединок состоялся на той самой арене, где мы оказались в первый раз, придя в бойцовский клуб. Тогда никто из нас и не подозревал, что из драки выйдет даже серия "РОКОТАНСКИ-КРОНШТАДТ". Никто не знал, что она будет собирать такие толпы, которые раньше никому и не снились. Никто не знал, что будет происходить в перерывах между этими боями. Никто не знал, что будет после того, как пройдет последний бой. Но в этом-то все и дело, что мы не знаем, что будет дальше. И думать, что было бы, если бы знали, совершенно бесполезно — пускай иногда это немного и утешает. А иногда и так много, что слезы наворачиваются на глаза. Потому порой, возможно, это и допустимо.

— Как там Зоя? — спросил меня Дед, пришедший к нам с Огоньком на тренировку. Сам Гаргарьин куда-то отошел, а я присел отдохнуть.

— Часто голова болит. Мы практикуем с ней разные медитации и всевозможные вещи, чтобы дать ее мозгу расслабиться. Вроде помогает, но... Мне кажется, ее состояние ухудшается.

— Приступы были?

— Нет, новых не было.

— Надо чтобы она почаще была рядом, — сказал он. — Где был один, там будет второй, а так дальше.

Я промолчал.

— Извини.

— Ничего. Ты прав. Но, — я попытался улыбнуться, — мы даем всему этому бой и идем к победе. Для этого я здесь. Все получится.

Березовский кивнул.

— Обязательно, малыш. А шо там этот Кронштадт, кстати?

Я пожал плечами.

— Вроде сильный боец, но ничего сказать не могу. Посмотрим на ринге.

— Волнуюсь я немного.

— Я тоже, Дед. Но куда здесь без волнений?

Толпа, собравшаяся в день моего первого боя с Кронштадтом была больше, чем мы могли себе представить. Да, раз нам дали бой на этой арене, значит предполагалось, что и людей будет, соответственно, немало. Но зал был забит на процентов семьдесят пять, а это было недурно для боя парня, который не особо светится на боях, и стоящего напротив него новичка, одержавшего всего несколько побед. Свет в зале погас: мы с Огоньком находились у ограды ринга с той стороны, откуда мне полагалось выйти.

Снова появился "Джош Хэмилтон", такой же небритый, как и всегда. Складывалось чувство, что когда он отправился из дома к бойцовскому клубу, то очень спешил. Рубашка была немного помятой, рукава закатаны на разных частях руки. Но всем было плевать, это

ведь были не официальные бои, спонсируемые государством с десятками камер повсюду. Нет, это был подпольный клуб. Конечно, пафос определенный здесь имел место быть, но он не стоял на первом месте: многое вертелось тут вокруг денег, я сам вертелся вокруг них, но в первую очередь тут стояли честные поединки, а уже потом чей-то там внешний вид.

Он встал между нами и произнес звонким и сильным голосом в микрофон:

— Дамы и господа! Сегодня, прошу меня простить, не какой-то бой между чемпионами. Да, это верно. Верно, но он проводится здесь, да? И, если это бой не между чемпионами, тогда почему он так интересен вам? Почему вы все здесь собрались? А я вам скажу почему!

Толпа одобрительно зашумела, поддерживая говорящего.

— Сегодня состоится поединок между двумя интересными бойцами. Первый известен вам: несмотря на то, что он большую часть своих боев провел за кулисами рейтинговых схваток, вы любите его и считаете легендой. Что и говорить: он и есть легенда. Дамы и господа, поприветствуйте: Кронштадт!

Толпа вновь, в который раз на моих глазах, обернулась морем. А затем мой противник выбрался на ринг.

Первым моим ощущением было чувство того, словно я где-то видел его раньше. Однако, подумав пол минутки, я понял, что это маловероятно. Дмитрий Кронштадт напоминал Слэйда Уилсона из Вселенной DC — с тем лишь отличием, что у Кронштадта на месте были оба глаза. По-крайней мере, пока что. Накаченный, с темными волосами на теле, он действительно представлял из себя угрозу, и дело было даже не в него внешнем виде. Он притягивал взгляд.

— А теперь, — сказал Хэмилтон, — я попрошу выйти следующего бойца. Несмотря на то, что он не провел и десяти боев на подземных аренах, данный молодой человек уже успел вам полюбить: за честную борьбу и простоту ведения боя мы приглашаем сейчас на арену Итана Рокотански!

Толпа взорвалась не хуже, чем когда на ринг вылез Кронштадт. Я выбрался на ринг и подошел ближе к центру. Мой противник сделал тоже самое, подобравшись ближе. А затем наши взгляды встретились.

Глаза у него оказались не злыми, но холодными. У меня сложилось чувство, будто они изучают меня. Долго поиграть в гляделки не удалось. Мы ударились руками, Хэмилтон срулил со сцены, и бой начался. Начался быстро и немного неожиданно.

Кронштадт не стал нападать, тратя свою энергию сразу. Встав в боксерскую стойку, он начал аккуратными полу прыжками двигаться ко мне. Я сделал тоже самое. И через несколько секунд мы снова оказались в центре ринга — а затем обменялись первыми ударами.

Во-первых: бил он сильно, и я сразу понял, что лучше лишний раз под его удары не попадать. Во-вторых: бить он мог и гораздо сильнее, потому шансы у меня есть. Уж точно будут, если он не зарядит мне в челюсть со всей мощи. Тогда нокаут будет обеспечен. Резко нырнув ему под руку, прорабатывая технику Тайсона, я хотел выкинуть кулак ему под дых, но к моему изумлению он резко увернулся влево, также используя "маятниковое движение". Мы снова встретились глазами. Да, это точно будет битва не из легких.

А затем Кронштадт вдруг резко атаковал, во всю используя размах своих рук. Выставив руки перед собой, я принял два удара, но от третьего уйти не смог. Сложно было не почувствовать, как метко попадает его кулак в мои ребра, как они стонут, не в силах выдержать полученный от противника урон. Отскочив в сторону, я посмотрел на него, но он

не дал отдохнуть: противник налетел на меня и начал колотить, прижав к канатам. При этом он не стоял вплотную: и тут я понял, что сейчас он бьется как Артуро Гатти. Вместе с этим я понял, что в этом есть и плюс. Артуро Гатти прозвали Рубакой за открытые и мощные удары едва ли не во всю ширину руки, а порой и всю — но в его стиле боя был один большой недостаток. Сам Гатти, возможно, так и не считал, но легендарный боец, сделавший одну из лучших трилогий в боксе, полностью забывал о защите. Да, возможно, не забывал, а даже презирал ее: но нужно ли считать, сколько ударов он пропустил, в то время как мог бы защищаться?

Чувствуя, как Кронштадт рубит меня по плечам, стараясь снова пробраться к бокам, метя параллельно в голову, я вырвался вперед и нанес ему несколько ударов по лицу. Не ожидавший этого противник отступил на несколько шагов в сторону, прекратив атаку. Я знал, что он поступит именно так. Поэтому лишнего времени ему не дал и сам стал на какое-то время Артуро — удар в бок, удар в челюсть. Кронштадт бросается вперед и отталкивает меня. Толпа орет, но ни я, ни мой соперник не разбираем ни слова: на арене сейчас только мы и ничего больше не имеет значения.

— Бей как Мэнни! — неожиданно донёсся до меня голос Огонька среди десятков других голосов. — Стань смерчем!

И я его послушал. Не без труда, потому что тело начинало отказывать: несмотря на то, что адреналин полностью залил вены, усталость и боль брали свое. Из последних сил я начал уворачиваться от ударов Кронштадта, на миллисекунду вставая в стойку, и каждую миллисекунду приближаясь к нему: выкидывая руки вперед, я достигал его почти каждым ударом. Жаль, что не каждым: ценой за промах являлась энергия тела, а только с ее помощью я все еще стоял на ногах.

А затем я почувствовал, что виски у меня липкие от крови, сам я в поту, а несколько ребер переломаны точно. Бороду Кронштадта, темную и аккуратно постриженную, заливала кровь. Глаза сверкали в свете ламп, освещавших арену. Вокруг шумело человеческое море. Над человеческим морем висели столпы дыма. Я не видел это, но знал, что это так. Впрочем, никакого значения это не имело.

Я выкинул Кронштадту джеб. Он резко нырнул вниз и отправил мне хук. Я успел почувствовать, как кулак, сделанный будто из стали, врежется в мою челюсть. Ощутил, как мир вокруг погружается в темноту. Несмотря на то, что все это произошло буквально за секунду, для моего мозга это продлилось с полминуты — а это было невероятно долго. Но почему так произошло я не знал, да и никакого значения это не имело. Мир погрузился во тьму.

Не вспомнить, сколько на протяжении этой истории меня отправляли в беспамятство. Потомушний раз рассказывать о том, как я приходил в сознание, смысла нет. А пришел я в него уже дома: друзья увели меня и погрузили в машину Петровича, после чего отвезли к Огоньку домой. Сказать лишь можно о том, что состояние по пробуждению оказалось гораздо паршивее, чем можно было представить. Все тело болело: торс, руки, лицо, ноги, находившиеся во время боя в постоянном напряжении. А еще я проиграл. Проиграл не только бой Кронштадту, но проиграл самому себе. А значит, я подставил жену. Подставив ее, я потерял время на лечение болезни. И от осознания этого хотелось провалиться под землю

— только иногда права на это не имеешь. Почему? Потому что надо быть сильным. И не ради себя, а ради кого-то. А это иногда гораздо важнее.

Но все оказалось не совсем так, как я ожидал. Даже нет — все оказалось совершенно иначе. Информация, которую поведал мне Огонек, едва я немного пришел в себя, вырвавшись из мучительного беспамятства, дала огонек надежды.

Толпа требовала продолжения боя. В это сложно было поверить, но это было так. Пусть кто-то и болел за Итана Рокотански на арене, пусть кто-то ожидал его проигрыша, но зрелище не оставило равнодушным никого. Пусть этот бой и не был каким-то особенным или выдающимся, но он был максимально настоящим. А если что-то в этом мире действительно стоящее, действительно настоящее, то оно очень ценно и востребовано. Так работает, если вокруг много фальши и подделок.

Информация о бое "КРОНШТАТД — РОКОТАНСКИ" разнеслась далеко за предел бойцовского клуба, в котором он проводился. Она достигла самых отдаленных уголков остальных клубов. Люди начали спрашивать, где можно будет купить билеты на второй матч, а еще — где можно будет поставить на кого-либо из бойцов. Руководство "Преисподней" не заставило себя ждать. Боссы тут же связались с Огоньком и предложили неплохую сумму денег. Недостаточную, чтобы покинуть НРГ и добраться до берегов Японии, но ее хватит, чтобы дать старт сбережениям и добыть еще немного времени. И от этого мы решили отталкиваться. Чувствуя, как щипает раны, пока Зоя протирает их салфетками с перекисью, я сказал Огоньку, что согласен на второй бой. Он кивнул и молча вышел, оставив нас с женой наедине. Та со слезами на глазах посмотрела на меня.

— Не надо слез, малышка, — прошептал я. — Это всего лишь драки.

— Все это из-за меня, — всхлипнула, склонившись, она. Чувствуя как сводит ребра, я притянул ее к себе, положив рядом.

— Ты не виновата, детка. Просто так случается, вот и все. Но мы справимся. Ясно? Да, я проиграл бой, — я закрыл глаза, чувствуя, как в них появились горячие слезы, — но не войну. Все будет хорошо.

Зоя прижалась ко мне, аккуратно сжав мою руку. Даже в этот момент, болея неизвестной болезнью, переживая в себе море эмоций, она не забывала о моей боли. Я поцеловал ее в макушку и обнял крепче.

— Все будет хорошо, малышка. Я обещаю тебе.

Глава 16. Луч надежды

Признак незрелости человека — то, что он хочет благородно умереть за правое дело, а признак зрелости — то, что он хочет смиренно жить ради правого дела.

Джером Сэлинджер

— Знаешь, — протянул лежавший за стеной Мейгбун, — что отличает человека, способного выжить, от человека не способного выжить?

Я промолчал, смотря в бетонный потолок.

— Способность убивать. Превращаться в животное, следуя одним лишь инстинктам.

Я промолчал и здесь, хотя ответ уже вертелся на языке.

— Кстати, — блондин, находившийся так близко, но которого я не видел уже несколько месяцев, будто бы почесал в голове, — не помнишь, Рождество уже было? Хочется отпраздновать. Тебе, наверно, тоже?

Тишина.

— Ты серьезно не хочешь попросить подарков у Санта Клауса?

— Ты можешь заткнуться хотя бы на пять минут?

— Черт, парень, а ты все-таки не потерял свои голосовые связки. Жалко, конечно, что нет — если бы я тебе снес голову во Франции, связки улетели б куда-нибудь с ней же.

— Уверенность — отличное качество для мужчины, — я сел в постели. — Жалко, правда, что ты баба. Пиздеть пиздишь, а сделать никуя не можешь. В том числе и во Франции.

— Сказал придурок, попытавшийся сбежать с малайской тюрьмы, но в итоге сидящий теперь в самой ее жопе.

— Знаешь в чем плюс? — я поднялся и встал максимально близко к стене и решетке, так, чтобы Мейгбун меня отлично слышал. — Я не какая-то важная шишка, а значит для моей страны не будет большой потерей, если я здесь сдохну, что, конечно, вряд ли. А вот ты... Уверен, норвежцы уже сидят в тюрьмах, а ваши знамена срывают с флагштоков наши бойцы. Чем ты там руководил, напомни? А, у моря тусил. Дотусился, неудачник. Пытался-пытался сбежать от нас, да ни хрена не вышло. Сидишь теперь здесь, совершенно никому не всратый.

— По-крайней мере у большей части моих друзей головы до сих пор на плечах, — ответил Мейгбун, тоже встав очень близко. — А что там с твоими? Ах, да, я их всех поубивал. Слышал, еще один недавно сдох, прямо здесь где-то — в обосанных тунелях тюрьмы. Впрочем, это хорошее окончание для куска дерьма из НРГ. Большого вы не стоите.

Я сжал челюсти.

— Я убью тебя.

— Можешь попытаться. Я здесь.

Наступила звенящая тишина. Затем я подошёл к окну, ухватился за прутья и слегка подтянулся.

Туман укрыл находящиеся вокруг джунгли. Море штормило. Я сел на койку.

А затем рядом с моей камерой появился охранник. Охранник был не один — рядом находился "Пабло", начальник тюрьмы. Поглядев некоторое время на меня, он кивнул охраннику. Тот открыл дверь, вошёл и сказал:

— Поднимайся.

Я встал.

— Что происходит?

— Рот закрой. Будешь говорить, когда будут спрашивать.

Охранник надел на меня наручники и вывел из камеры.

— Теперь второго.

Охранник открыл камеру Мейгбуна.

— Эй, руки убери, волосатый уб...

Хлесткий звук. Было понятно, что блондин получил по лицу.

— Поднимайся, девочка. И закрой рот. Воняет.

Первым моим желанием, едва я увидел обросшего, как и я сам, нациста, было броситься на него и избить до полусмерти. Это я и сделал, пускай лишь наполовину: в наручниках особо руками не помахает, но об этом мой мозг думать уже не стал. Злые глаза Мейгбуна встретились с моими, а уже через секунду я врезал ему двумя сжатыми кулаками по морде. Еще через мгновение мы были уже на полу.

— Черт, парень, ты меня каждый раз удивляешь, — сказал Эскобар, когда охранник стащил меня с Мейгбуна. — Столько пылкости, а мозги не появляются. Успеешь ему еще рожу набить, не спеши.

— Хуй ему, — харкнул кровью Мейгбун. Харчок попал на его же грудь и я неожиданно рассмеялся.

— Веди их к подполу, — сказал Пабло, — пусть готовят. Посмотрим, чего они стоят с открытыми руками. Да, гринго? — он посмотрел на меня.

— С радостью, — выдохнул я, чувствуя, как кровь быстрее начинает бежать по телу. — Посмотрим, как быстро я сверну ему шею.

За спорами с Мейгбуном, каждый день выводившим меня из себя с той стороны стены, я успел позабыть, что сегодня уже была суббота. Меня драться выводили по-прежнему. Мейгбуна, вроде как, нет. Кажется, сейчас его вели туда первый раз.

Процедура была простая. Умываешься перед боем, приводишь себя в порядок, быстрая разминка и вперед на ринг. Это и сделали мы с нацистом — правда, находясь в некотором отдалении друг от друга, потому что охранник не позволял нам сблизиться раньше времени. А через некоторое время тишина "ванных" комнат стихла, и нас вывели в тот самый зал, где и проводились бои. Море заключенных по всем углам в абсолютно одинаковых белых и грязных майках. Они что-то кричали на малайском: что-то про шлюх, уважение и жажду крови. Как они относились к Мейгбуну, я понять особо не мог. Было лишь ясно, что многие наслышаны о самом заключенном узнике тюрьмы, а потому всем было интересно взглянуть на так называемого "новенького". Меня же все знали и так.

Я посмотрел вверх. Крыша этого места имела большие, панорамные окна. Они, конечно, были грязные, отчего отдавали желтым цветом: а затем из-за серых туч, где-то над тюрьмой, выглянуло солнце, и эти грязные окна заблестели ничуть не хуже золота. На мгновение я даже зажмурился. А затем охранник толкнул меня под лопатку, и я пошел дальше между заключёнными, после чего залез на ринг, перелез через ограду и встал в своем углу. Мейгбун встал в другом.

Я оглянулся. В толпе увидел Хорнета, Петровича и Рокки — друзья стояли группкой, и увидев, что я на них смотрю, тут же ободрительно мне улыбнулись. Я улыбнулся им. Из-за того, что еду нам с Мейгбуном таскали персонально по камерам, я видел их теперь только раз в неделю. На боях. На секунду в голове проскочила мысль, как же мы до всего этого

дошли, как очутились здесь — оказавшиеся однажды в одном полку, каждый хотел сделать что-то хорошее, потому что не знал, зачем ему больше жить. Не знал, как ему дальше жить. Потому что жить — это сложно, целая наука. Далеко не многие люди это умеют. А теперь мы были здесь, те, кто пережил все эти ужасы войны и тюремного заключения. Все лохматые и бородатые, потому что держать при себе бритвы и прочие режущие предметы нам не особо позволяли. Это было очень странно: некоторым заключенным это было разрешено. Но каждая тюрьма имеет свои секреты и свою историю, которые разгадывать порой было бы и вовсе сущими потемками. И мы не стали.

Я посмотрел на Мейгбуна. Голый по пояс, исхудавший, хоть я до этого и не видел его голым по пояс, он стоял передо мной, некогда красивый, величественный и ужасный. Сейчас он по-прежнему был опасен, но больше не внушал страха. Если боишься драться — подерись. Страх уходит, стоит только сделать то, чего ты боишься. Не всегда, правда, это дельный совет. Но в большинстве случаев он работает. Нацист посмотрел на меня, и на мгновение я увидел в его глазах что-то, что не совсем понял сначала, но осознал потом: чувство тотального разочарования.

— Бой! — неожиданно проорал на весь зал Эскобар. И заключенные взорвались, разбившись на два лагеря, начав делать ставки. Но это было уже неважно.

Если и мелькнуло что-то человеческое в глазах Йокира Мейгбуна, то оно тут же прошло, потому что мы наконец столкнулись в равном поединке. Равном, конечно, относительно. Это был бойцовский клуб заброшенной в тропиках малайской тюрьмы, где не было толком ни правил, ни делений по росту и весу. Это были просто драки, между крупными людьми и небольшими, между толстыми и худыми, а иногда между плюс-минус одинаковыми. Мы с Мейгбуном относились к последним.

Когда он приблизился, я атаковал первым. Два "джеба" — удары из бокса, обозначение которых я узнал лишь примерно через десяток лет — прилетели Мейгбуну в лицо. Я чувствовал, как мои костяшки врезаются в его обросшие колючей бородой скулы. Чувствовал, как смещается челюсть, будто в некой замедленной съёмке. Обычный человек бы упал, пропиши ему такую двойку в лицо. Но это был Мейгбун, гроза Северного Трио, пусть и в остатках былой славы. Будто не почувствовав моих ударов, он врезался в меня, обхватил руками за пояс и швырнул через себя. С грохотом я упал на бок, чувствуя, как дыхание почти полностью покинуло легкие. Упавший Мейгбун начал подниматься. И во время подъема швырнул зажатый кулак мне в лицо. Как я отскочил? Не знаю. Кажется, это было чем-то интуитивным. Чем-то животным.

Перевернувшись на другой бок я вскочил. Мейгбун сделал тоже самое, сложив перед собой руки в, кажется, боксерской стойке. Ноги были чуть согнуты, одна нога немного позади второй. Я знал, что его ноги напряжены. Он сам был напряжен.

И теперь атаковал он. Взмах, первый, второй, третий. Я у ограды. Мейгбун не попал ни разу, но прижал меня к канатам. И врезал снова, ровно в бок. Я согнулся, чувствуя, как воздух ушел окончательно. Противник схватил меня за шею, заломав и начав душить.

Весь мир куда-то делся, растворившись в боли и настоящем моменте. А затем пришла ярость. Иногда силы приходят словно из неоткуда. Порой это согласно законам человеческого тела. Порой — нет.

Поставив одну ногу назад, я оттолкнулся второй от себя. Мейгбун перелетел через подножку и потянул за собой меня. Но хватку ослабил. А больше ничего было не нужно. Вывернувшись, я начал его избивать. Сначала он сопротивлялся, пытаясь схватить мои руки

своими. А затем перестал.

Кровь вылетала из его рта, из носа, из бровей. Она вылетала из щек и висков. Я чувствовал ощущение уничтожения. Чувствовал, что еще немного и все. Что цель отряда будет достигнута через полминуты. Может, минуту. Но не позже.

Но достигнута, конечно, она не была. Когда меня оттащили от окровавленного нациста, лицо которого представляло собой фарш, я не понимал ничего. Кровь стучала в висках. Мыслей не было. Только дыхание, ощущение горящих от боли кулаков. Частый пульс. Желтые грязные окна. Толпа, находящаяся так близко, но при этом бывшая так далеко, потому что я ее больше не слышал. Не слышал и не видел.

Мир вернулся только тогда, когда я снова очутился в своей камере. Был, кажется, следующий день, возможно, утро, и рядом находился Бен, тот парень, которого я встретил однажды в госпитале. Сидя на моей койке, он смотрел на меня. Заметив, что я больше не сплю, спросил:

— Как ты?

— Жить буду, — не русский язык, не белорусский, не украинский. Что-то непонятное просипел, чего не понял сам, но что понял Бен.

— И то хорошо.

Некоторое время мы помолчали. Бен смотрел в стену. Я смотрел на него.

— Слушай, — сказал он. — Хочу кое-что сказать тебе, но для меня это может быть опасно.

Я слегка улыбнулся.

— Киев, да?

Бен помолчал.

— Да.

— Задание, наверно, не скажешь.

Украинец кивнул.

— Тогда чего хочешь?

— Я имею связи с начальником тюрьмы. В принципе на территории ЕМГ. Почему и зачем — не скажу. Но я убедил начальника, Перто, что вы больше не представляете из себя ценности. Ты и остальные члены отряда.

Я усмехнулся.

— Что?

— Ничего. Просто думал, что его зовут Пабло.

Бен усмехнулся в ответ.

— Да, я тоже.

Мы помолчали.

— Бен?

— Да?

— Как?

— Как всегда — не без сложностей, добрый друг, — он печально улыбнулся. — Но если все пройдет так, как надо, вы сможете покинуть тюрьму.

— Я слушаю.

— Очень редко в "Желтых камнях" проходят массовые мероприятия. Точнее — бои группа на группу. Это что-то сродни гладиаторским побоищам. Перто зовет всяких важных шишек, они устраиваются повыше, группы выходят на большую арену — не ту, где вы

обычно деретесь — и сражаетесь. Насмерть.

На некоторое время снова наступила тишина.

— Я, Хорнет, Петрович, Рокки и Ветрогон, — просипел я.

— Да.

— А Мейгбун?

— Он будет в другой группе.

— Будь он в нашей, мы сначала бы убили его, а затем принялись за остальных. Где он?

Я его не слышу.

Бен снова усмехнулся.

— Ты не видел, что с ним сделал, да? В госпитале он. Лечится теперь. И еще долго будет лечиться. И это хорошо — потому что если ты согласен, согласны твои парни, у вас будет время подготовиться. А к свободе или смерти, зависит уже от вас.

Я закрыл глаза.

— Если мы убьем другую группу, нас выпустят? Точно?

Бен кивнул.

— Да. Говорю тебе: я договорился. Понимаешь, Перто... Он тот еще сукин сын, но сукин сын честный. Достаточно опасная комбинация, говоря откровенно. Но ты должен понимать, Константин, что это не просто драка на кулаках. Вы действительно можете умереть. Даже если умрет один, для тебя это будет ударом. Да, я знаю, что ты это знаешь. Просто осознай это в полную. Вы достаточно потеряли. Возможно, в дальнейшем будет шанс покинуть тюрьму как-то иначе, не знаю. Я просто предлагаю вариант, а соглашаться или нет — решать вам. Другая группа заключенных хочет свалить не меньше, можешь не сомневаться.

— Я согласен, — сказал я, глядя на Бена.

Бен просто кивнул.

— Хорошо. Теперь спрошу остальных.

— Они тоже согласны, — прошептал я, почувствовав внезапную усталость. — Я уверен.

— Пусть так, — украинец поднялся и двинулся к двери. — Восстанавливайся, боец. Тебе потребуются силы, чтобы вернуться домой.

Как Бен вышел из камеры я уже не заметил. Сладкое беспамятство опустилась неожиданно и не отпускало уже до следующего утра.

Хорнет сидел на своей койке, прислонившись спиной к каменной стене. Стояло раннее утро, джунгли за окном покрыли туман и роса. В тюрьме было тихо. За время заключения в "Желтых камнях" разведчик приучил себя к еще более ранним подъемам, чем их поднимали и так.

Завершив первую из двух тренировок за день — вечером предстояла еще вечерняя — Хорнет сидел на постели и думал. Думал обо всем и сразу, как обычно бывает, когда сидишь в тюрьме. Почесав бороду, боец открыл шкафчик, который стоял, кажется, у каждого заключенного в камере. В нем была куча всякого ненужного хлама. Взяв толстую тетрадь с коричневой обложкой, Хорнет достал и черную ручку, самый острый предмет, который мог у него находиться. Некоторое время он посидел, слушая тишину. Не смотря на свой сварливый и немного тяжелый характер, боец любил тишь и максимально ей наслаждался.

Он считал, что любой нормальный человек делал тоже самое.

А потом открыл тетрадь и начал писать. Ручка оказалась с черными чернилами.

А. Л. Бродяжников. Записи и воспоминания

С минуту разведчик посмотрел на написанную жирным шрифтом строчку, а затем продолжил:

03.03.1999. Тюрьма "Желтые камни", ЕМГ

Честно говоря, даже не знаю, с чего начать. Никогда не писал дневники. Всегда считал это чем-то глупым и всегда забрасывал — надолго никогда не хватало. Нет оснований полагать, что и сейчас не заброшу. Но, наверное, лучше написать что-то, чем ничего. Попробовать, чем не попробовать. Боже, как же пафосно прозвучало... Ну, ладно. Пусть.

Стоит начать с того, что меня зовут Хорнет. Это прозвище, данное мне в армии, когда я впервые в нее попал. С прозвищами работает такая штука, что иногда оно перерастает в имя. Со мной, думаю, именно так и получилось.

А в армии, возвращаясь к теме, я оказался впервые в конце девяносто седьмого. Сейчас мне двадцать один — оказавшись впервые среди военных взводов, военком моей губернии, Ставропольской, то есть, потому что оттуда я родом, определил меня, как и большую часть пришедших, в простых пехотинцев. Здоровье у меня было крепкое, сам я был ловким и быстрым — и, в принципе, сейчас такой же, хоть и стал гораздо слабее. Некоторое время наши отряды патрулировали границы НРГ. Несмотря на то, что большая часть стран выступила против противников, ни одно государство не может быть полностью идеализированным и единым. Всегда будет кто-то против общего порядка. Всегда будет белая ворона, будет кто-то другой. Иногда, думаю, это хорошо. Иногда — плохо. И в нашем случае это было плохо.

В каждой стране, если только эта страна не прям маленькая, есть нацисты. Или не нацисты, но те, кому вечно все не нравится. На границах НРГ такие нашлись. Такие нашлись, честно говоря, и у нас. Южные границы страны постоянно подвергались нападениям различных диверсионных групп. Анархисты, коммунисты, просто разбойники, все кто хочешь наводили ужас на поселения, иногда сжигая целые деревни до тла. Ими и я занимался вместе с ребятами. Занимался до тех пор, пока руководство не сообщило, что война движется к более страшной фазе, а у Северного Трио есть оружие, способное нанести нашей стране такой ущерб, от которого она уже не оправится. Так среди наших рядов начали набирать парней, готовых отправиться прямо к врагу в лапы — командование решило вести бои до последнего. Таким образом на территории Трио высадилась целая армия НРГ — войско в несколько тысяч человек штурмовали берег Норвегии осенью девяносто восьмого. Среди них оказался и я. Многие очутились там не по своей воле: многие, конечно, хотели чем-то помочь стране, но не все хотели при этом ее покидать. Хотелось быть со своими близкими поближе. И это можно было понять, потому что никого дороже близких быть не может. Но это, наверное, логично.

Однако, уходя немного в сторону от повествования — рука, кстати, уже немного устала писать. И да, почему бы мне об этом не написать? В конце концов, это не мемуары для печати, а дневник. Короче, да. Уходя немного в сторону, хочу сказать еще пару слов обо мне. Я был с радостью готов отправиться в Норвегию. Почему? Причина была проста. У меня никого не было. Родители разбились в автокатастрофе, когда мне было девять. Так я стал жить у бабушки с дедушкой с материнской стороны. Родители папы умерли задолго до моего рождения. Во время учебы в школе у меня появилась девчонка, Мила. "Что,

Мила?" — спросите, наверно, вы. А я отвечаю — да, Мила, и она, кстати, была очень милой. Честно говоря, за исключением моих братьев по оружию, сидящих со мной в этой тюрьме, она — лучшее, что со мной случилось. Скажу больше: я очень ее любил. Вы, конечно, тут же мне ответите, что никакой любви в школе быть не может, и вообще — надо пожить вместе сначала года два, а потом уже станет ясно, любишь ты или не любишь. Конечно, часть правды в этом есть. Но видите ли, какое дело, любовь — штука такая, неизведанная. Я очень любил Милу. Влюбленность или жажда тела — это совсем другое, это отличимо от любви. А я ее любил. И она любила меня. И мы оба это знали. Хотели съехаться, когда нам стукнет по восемнадцать. Стоит также сказать, что не удалось. В последний год учебы, а мы учились с ней в параллельных классах, на юге начал орудовать маньяк-педофил, которому в дальнейшем дали прозвище — будь он проклят — Стиратель. Вам, конечно, не сложно догадаться, что было дальше. Вам не сложно, а у меня сердце сжимается. Пишу в этот чертов блокнот, переживший самое разное дерьмо на свете, а сердце до сих пор сжимается.

Он изнасиловал Милу и убил. Так я умер второй раз в жизни. Первый раз был тогда, когда умерли родители. Теперь же я умер снова, но теперь будучи в осознанном возрасте. Так началась моя первая депрессия во взрослой жизни. Со временем, конечно, стало легче. Но правда в том, что некоторые вещи будут с нами до конца, пускай, возможно, они и перестанут приносить нам боль. Этот же эпизод всегда будет меня колоть. Я знаю это. Знаю, потому что по-другому быть не может.

Стиратель скрылся. Абсолютно никаких следов и зацепок не обнаружилось. По-началу я хотел найти его, но, думаю, вы и сами понимаете, как глупо и опрометчиво это было бы. Семнадцатилетний парень ищет убийцу-педофила, способного, наверное, разобрать его на мелкие кусочки. Так или иначе, искать его я не стал, хотя сейчас с радостью бы попытался. Бабушка и дедушка отговорили и помогли оправиться. А насчет него — как мне известно, ублюдка так и не нашли. Но я уверен, что рано или поздно он заплатит за свои преступления.

Так я и попал в армию. От этого бабуля с дедулей отговорить меня уже не смогли. Да и было это не особо в их полномочиях. Студентом я не был, здоровье было хорошее, вот и пришла повестка. И я с некоторым облегчением ушел.

Именно в Норвегии я познакомился с теми, кого сейчас могу назвать своими друзьями. Многие из них погибли — погибли горько и ужасно, но это ведь война, и иначе на ней не бывает. С некоторыми вещами человеку нужно просто смириться. Другое дело, что часто человек этого сделать не может.

В Норвегии мы попытались нейтрализовать Йокира Мейгбуна, одну из ключевых фигур в этой стране. Он руководил определенной частью фронта и моря, поставляя с суши в море съестное и боеприпасы, в том числе на какой-то остров, до которого мы так и не добрались. Почему? Это уже история мутная, сам не знаю. Нас вообще взяли в плен, и не единожды. А сам Йокир Мейгбун, кстати говоря, сидит сейчас здесь, в этой самой тюрьме, где я все это пишу.

После того, как наши с союзниками и членами норвежского сопротивления взяли страну, мы отправились во Францию. Задачей было не дать нацистам выпустить в небо ядерные боеголовки. Мейгбун находился там же. У нас не было главной целью его устранить, но если бы такая возможность представилась, руководство против бы не было. Не удалось и здесь — с горем пополам мы вывели из строя ядерный арсенал в Париже,

но Мейгбун снова нас обставил, хотя и сам получил сполна: тут хорошо сработал Штиль, мой лучший друг. Он избил нациста и, возможно, мог его даже убить, но не удалось. К тому пришли на помощь, и он снова скрылся.

А потом мы отправились в Италию, на Сицилию. Было немного тяжело, но именно немного, потому что недалеко было добираться, но мы справились и провели, вроде как, вполне успешную операцию. Честно говоря, я здорово ей горжусь, хотя ее финал и привел нас сюда. Мы взорвали склад с боеприпасами в центре одного итальянского города, устроили переполох на его границе и пробрались в резиденцию Мейгбуна. В этот раз главной целью была его полная ликвидация. И мы почти справились — почти что. Возможно, мы и не выбрались бы оттуда живыми, убей мы ублюдка, но возможно так было бы даже лучше. В любом случае, в дело неожиданно ввязались малайцы. Они подорвали особняк и забрали всех нас, кроме одной девушки-норвежки, и Мейгбуна на вертолете и увезли в ЕМГ. В этом заключается одна из проблем — проблем ли? — изолированных и закрытых от чужаков стран. Никто не знает, что внутри этой страны происходит, а еще никому неизвестно, что на уме у ее руководства. Так мы оказались в "Желтых камнях". Поначалу нас пытали, что-то выпрашивали, потом перестали. Продолжали пытаться только Ветрогона, нашего капитана, и самого Мейгбуна, сидевшего, как и Кэп, изолированно от всех остальных. Довольно скоро мы ощутили все прелести тюремной жизни. Хотите верить, хотите нет, а она оказалась нелегкой. Хотя, думаю, если сравнивать с событиями в Норвегии, она была абсолютными цветочками.

Так или иначе, в тюрьме имелся — имеется — свой бойцовский клуб. И мы среди тех, кто дерётся в нем. Деремся каждую субботу или через неделю. Иногда, если нас сильно побили, то отдыхаем дольше. Это что-то вроде местной закалки и развлечения одновременно. Поначалу немного напрягало, а затем перестало. На ринг поднимаешься будто к себе домой. Но оно, наверное, так и работает.

Единственное, что не дает мне покоя, это Костя и Мейгбун, сидящие в соседних друг от друга камерах. Мы все хотим убить его, но они расположены так близко, а нацист, крути не крути, все-таки опасен. В безопасности ли он? Знаете... Господи. Так пишу, будто кто-то это прочитает... Впрочем, какая разница? Я скажу как маленькая девочка, но я очень люблю своих друзей и беспокоюсь за каждого. После смерти Вереска, одного из них, в душе поселилась какая-то депрессия, которая никак не хочет уходить. Он был хорошим парнем, пусть мы и не очень много времени провели вместе — точнее много, но не столько, сколько, например, с Петровичем. В любом случае, это неважно. Он мертв, мне от этого плохо, вот и все. Тяжело, когда умирают те, кто тебе дорог, но что еще остается делать? "Только жить, только жить, подпирая твой холод плечом — ни себе, ни другим, ни любви, никому, ни при чем". Я люблю своих друзей, вот что знаю наверняка. Я бы жизнь за них отдал, если потребуется.

Хорнет положил блокнот и ручку рядом. Немного размял руки. Затем встал и прогулялся туда-сюда по камере. За время письма в тюрьме успело посветлеть — дело близилось к подъему. Вернувшись к окну, он подтянулся на железных прутьях и посмотрел наружу. Солнце горело над океанской гладью в туманной дымке, отражаясь немного блеклым светом на синих волнах. Разведчик улыбнулся. Хотя что-то в тюрьме может быть хорошее, например возможность наблюдать рассвет. Особенно над тропиками.

Глава 17. Очень странные дела

Чтобы начать спасать мир, надо спасать каждого человека по отдельности, одного за другим, спасать всех — это романтизм или политика.

Чарльз Буковски

Маленькая девочка, лежа на пожелтевшей траве, смотрела на звезды. Звезды были яркие и белые, а небо, несмотря на опустившуюся на мир ночь, все равно оставалось немного синим. Поэтому девочка видела не только звезды, но и горы с холмами, раскинувшиеся вокруг. Деревья, стоящие на них твердо и непоколебимо, были ярких красных и желтых цветов, что было видно даже в темноте, и даже в темноте это являлось красивым. Дул ветер, но это был приятный ветерок, пускай и прохладный — такой бывает обычно в апреле, ближе к маю, или в середине сентября. Но девочку не волновал ветер. Точнее, конечно, волновал, но он не беспокоил ее: ветер был ей другом, как и звезды, улегшиеся на небесном покрове. Возможно, можно было сказать, что они легли спать. Но разве звезды когда-нибудь засыпают? "Наверное, ближе к утру, — подумала она. — Ведь они работают всю ночь, даже тогда, когда приходят тучи. Просто этого не видно".

Через некоторое время рядом оказался папа. Глянув на дочь из-за ровных и прямых бровей, он лег рядом, не касаясь ее, и тоже стал смотреть на звезды.

— Папа, звезды когда-нибудь спят? — спросила она звонким и мягким голосом. Волосы у девочки были каштановые и выющиеся.

— Конечно.

— Когда приходит утро?

— Да, детка. Ведь они светят всю ночь, чтобы освещать путникам дорогу.

— Но ведь люди ночью спят.

— Разве?

Дочка посмотрела на отца.

— Да, солнышко, — он глянул на нее. — Обычно люди спят. Большинство. Но понимаешь, есть и те, кто не спит. Таким людям не до сна: они идут своей дорогой и днем, и ночью, и дорогу поочередно освещают им и солнце, и луна, и звезды.

— Но почему они не могут идти как все? Почему у людей бывает другая дорога? — девочка прижалась к отцу и посмотрела на него большими, зелеными глазами, а отец на нее глянул точно такими же.

— Этого никто не знает, малышка. Даже я. Просто так случается: их ждет на улице дождь, а других ждет дома обед. За такими людьми закрывают дверь. Такие люди идут рисковать.

Отец задумчиво замолчал и дочка тоже.

— Это тоже какая-то хорошая песня?

Мужчина кивнул.

— Да, детка. Да.

А затем снова наступила тишина, и только звезды мерцали двум людям, улегшимся перед ними. Деревья, переодетые в осенние наряды шелестели, словно о чем-то переговариваясь друг с другом — ветер витал между ними, а затем направился к отцу и дочери, холодно, но будто заботливо коснувшись их. Отец сел.

— Нам пора домой, детка.

— К дедушке?

— К дедушке.

— А вы с мамой сделаете мне тот чай с медом?

— Сделаем.

Девочка встала, и отец поднял ее на руки. Они направились вниз по склону.

— Папа?

— М?

— А почему люди умирают?

— На это всегда разная причина, солнышко. Иногда она кажется справедливой, иногда нет. Ты переживаешь за дедушку?

Девочка кивнула. Девочка знала, что он тяжело болел, и поэтому они ездили его навещать — к нему и бабушке.

— Знаешь, — отец посмотрел в ее глаза. — Я скажу тебе одну вещь, но ты должна пообещать мне, что будешь достаточно храброй, чтобы принять ее — потому что если нет, я не смогу тебе ее рассказать.

Ребенок кивнул с серьезностью, присущей не столько детям, сколько не всем взрослым.

— Мы все когда-нибудь умрем, милая. Я, мама, ты. Все. Но, знаешь, на самом деле это не конец, и в действительности это не так уж страшно. Каждый цветочек со временем увядает, но вырастает новый, заново: каждое дерево осенью, — отец обвел рукой мир вокруг, — теряет свои листья, но весной они возвращаются.

— Люди возвращаются после смерти? — робко спросила дочь.

— Может быть, детка. С людьми сложнее. Единственное, что я могу тебе сказать, что смерть — это нормально. Скажу даже больше, милая. Иногда смерть — это всего лишь смерть. И не нужно ее бояться. Слышишь?

Девочка не ответила.

— Зоя?

Зеленые глаза снова встретились с зелеными. Дочь кивнула.

— Хорошо, детка. А теперь пойдем. Дорога предстоит длинная. Мы постелим тебе на задних сиденьях, ты укроешься теплым пледом, а перед этим мы сделаем тебе черный чай с медом. Хорошо?

Зоя улыбнулась и кивнула. Отец улыбнулся в ответ.

— Значит, договорились. А теперь полный вперед!

И отец побежал по склону, слегка наклонившись вниз. Скорость увеличивалась, и девочка засмеялась: ее темные и непослушные волосы развевались на прохладном ветру, который, если внимательно прислушаться, тоже смеялся, вместе со звездами, не способными сдержать своих далеких, но теплых улыбок, затесавшихся в бесконечном небе. Просто звезды тоже знали, что смерть — это всего лишь смерть. И порой она не так уж страшна. Совсем другое дело, что происходит с теми, кого она не забирает. Но это уже действительно совсем другое.

Следующий приступ у Зои случился дома, едва не в постели. В один момент потеряв сознание, она не просыпалась двенадцать часов, и я знал, что никто ей не поможет, потому что от ее болезни нет лекарства, способного не сделать хуже. Поначалу ее сердце бешено

билося, кожа стала очень бледной, настолько, что даже венки синими линиями проступили вокруг глаз и вдоль рук. И мне было страшно. Так страшно, как никогда больше не было, потому что я не знал, проснется она еще или нет, увижу ли я ее зеленые глаза, так ярко искрящиеся на солнце. В тот день она была жива, что было самым главным. И я боялся ее потерять. Но затем она очнулась. А произошло это в конце марта, когда снега уже почти полностью сошли, хотя холодный ветер никуда не делся.

Небо за окном квартиры было синим-синим, и люди, ходящие во дворах и между подъездами, все еще носили пуховики.

Жена посмотрела на меня больными и уставшими глазами. Она выглядела так, будто уже находилась на смертном одре. А потом улыбнулась.

— Сколько проспала?

— Двенадцать часов, тридцать пять минут.

Она улыбнулась чуть шире.

— Прямо считал?

Я взял ее руку в свою, коснувшись каждого пальца по отдельности.

— Да. Как ты себя чувствуешь?

— Истощенно... Силы будто уходят из меня с каждым днем.

Я аккуратно сжал ее руку.

— Знаешь, — сказал я, посмотрев ей в глаза, а потом отвернувшись, — иногда на меня так накатывает, и мне становится очень страшно. А потом я понимаю, что сделал недостаточно для тебя.

Зоя посмотрела мне в глаза.

— Помнишь слова врача? Японские монахи, живущие в горах, могут работать с мозгом.

Жена слегка кивнула в ответ. Блики солнца, сияющего на абсолютно чистом небе, коснулись ее одеяла.

— Гора, где они живут, не так далеко от места посадки, — сказал я. — Но нам не хватит денег, чтобы добраться туда сейчас.

— А значит, нужно заработать еще, — закончила Зоя. — Как и планировал, ты хочешь выйти на второй бой с Кронштатдом.

— Да, детка. Думаю, этого хватит, чтобы разменять валюту где-нибудь у них, и на полученные деньги добраться до Горы. Если придется.

Жена некоторое время помолчала. А потом сказала:

— Я так люблю тебя.

— А я люблю тебя.

Я поцеловал ее руку.

— Отдохни еще немного. Как почувствуешь, что сможешь встать, позови. Хорошо?

Зоя кивнула.

— Я в соседней комнате. Нужно тренироваться к бою. Дальше.

Огонек сидел за барной стойкой, держа в руке бутылку медовухи. Медовуха была вишнёвой, как в тот день, когда боец познакомился со Штилем. Петрович, находясь за баром, что-то писал в бумажках. Вокруг было шумно: стоял вечер, начало апреля, люди лезли с холодной улицы в помещения, а за счет того, что стояла пятница, все собрались

отдыхать в баре. Играла музыка, на потолке крутился этот дурацкий белый клубный шар, название которого Гаргарьин не знал: находиться в толпучке ему не хотелось, поэтому он спокойно сидел и выпивал, никого не трогая и никого не слушая. Петровичу повезло меньше: кто-то постоянно кричал "Бармен! Бармен! Мне еще пива" или чего-то в этом роде, и здоровяк отвлекался от своих бумаг, в которых, наверное, писал какие-либо отчетности о находящейся в баре продукции. Он шел и наливал пиво, мешал коктейли, а Огонек думал о своем: и о личном, и не очень. Дела обстояли тяжело. Может быть и не для него самого, но уж точно тяжело.

— Привет, — мысли отвлек появившийся из ниоткуда парень. У него были темные волосы и абсолютно обычная внешность — никаких отличительных черт у человека не было.

— Привет.

— Слышал, ты тренируешь Рокотански?

Огонек глянул на парня повнимательнее.

— Допустим.

— А сам сейчас не дерешься?

— Что с того?

Парень развел руками.

— Ничего. Я тоже не дерусь, простой зритель. Спрашиваю, потому что твои бои нравились.

— Спасибо.

Некоторое время они помолчали. Огонек отпил еще медовухи. У парня в руках был рокс с каким-то крепким алкоголем. То ли виски, то ли нечто схожее, но такого же цвета.

— Если ты не против, — сказал парень, — я хотел бы спросить, что приводит бойцов на ринг.

Гаргарьин усмехнулся. Пол дрожал от танцев и вибрации музыки.

— У всех все по-разному, приятель. Нет какой-то общей причины. Это же не мобилизация какая-нибудь.

— А что привело тебя?

— Деньги.

— Я думаю, почти всех ведут на ринг деньги, — парень почесал идеально выбритую физиономию. — Другое дело, зачем они нужны. Хочешь купить спорткар?

— Почему спорткар?

— А почему нет?

Огонек снова усмехнулся.

— Нет. Нет, я просто хочу купить дом или квартиру. Просто быть обеспеченным. Ничего интересного.

Парень кивнул.

— Но почему тогда дальше не зарабатываешь? Или по-другому как-то, на поверхности? Зачем кого-то тренировать?

Гаргарьин почесал усы, уставившись куда-то за спину стоящего за кофемашиной Петровича.

— Иногда проблемы близких важнее твоих собственных, — сказал он.

— У Рокотански беда какая-то?

Огонек чуть дернулся.

— Это не моя история, приятель. У всех причина разная, вот и все. Можешь

поспрашивать кого-нибудь другого.

Парень поднял руки.

— Понял. Извини. Хорошего тебе вечера тогда.

И, не успев Гаргарьин открыть рот, скрылся в толпе. Сережа устало поднял брови.

— Кто это был? — спросил освободившийся Петрович.

Рыжий боец пожал плечами.

— Без понятия. Тень.

Здоровяк укоризненно покачал головой.

— Всё у тебя тени, дружок. Люди же!

Огонек махнул.

— Люди — хуи на блюде, Петрович.

Здоровяк открыл было рот, чтобы что-то ответить, но затем закрыл.

— Не поспоришь, — сказал через минуту.

А затем какая-то женщина завопила:

— Бармен! Бармееееееен!

И Петрович снова принялся за работу.

Я опустился на колени, стараясь отдышаться. Пятьдесят берпи после спарринга с Сережей дались с большим трудом. Но не таким большим, как раньше, что уже радовало.

В зале было как всегда пусто.

— Говоришь, нужно провести еще один бой? — спросил друг.

Я кивнул.

— Говорю тебе, давай я еще дам денег. У меня есть немного.

Я улыбнулся.

— Ты и так сделал и дал достаточно, приятель. И делаешь еще больше. Но не все вертится вокруг денег.

— О чем ты?

— По старым связям узнал что самолет, на котором мы доберемся до Японии, вылетит не раньше мая.

Огонек покачал головой.

— Долго.

— Да. Так что еще один бой я точно проведу.

Теперь Гаргарьин кивнул.

— Если победишь, половина дела, считай, сделана. Останется только добраться. Я думаю, что монахи действительно помогут.

— Надеюсь на это, — я взял бутылку и сделал несколько глотков. — Потому что проиграть в этот раз у меня нет права.

— Не проиграешь. Ты и тогда показал себя хорошо, а теперь, думаю, и вовсе отлично. Может, конечно, он и избьет тебя до полусмерти, но ты победишь.

— Спасибо, Сереж. За все.

Друг снова кивнул.

— Для этого и нужны друзья.

Кронштадт сидел, облокотившись спиной о спинку стула. Несмотря на то, что стоял вечер пятницы, в кофейне было тихо. Бариста потихоньку закрывал заведение. Боец допивал свой американо. Кофе был уже не таким горячим, каким он его получил, потому Дмитрий не боялся обжечь язык. Никакой другой кофе, кроме американо, Кронштадт не пил.

Через некоторое время последние люди покинули кофейню. Бариста посмотрел на Кронштадта. Если бы они виделись впервые, кофевара, конечно, раздражал бы человек, сидящий в кафе до талого, в то время как ему уже пора отчаливать домой. Но не в этом случае. Кронштадт иногда оставлял ему чаевые и был вежлив, а ничего лучше для сотрудника общепита не придумаешь. Потому Дмитрий кивнул кофевару. Тот кивнул в ответ. Боец поднялся.

— На улице все еще холодно, — сказал бариста.

— Хорошо, что на мне куртка, — ответил боец. — Пусть легкая, но в такой самое то гулять в апреле или октябре.

Бариста улыбнулся и снова кивнул. Кронштадт покинул кофейню. Затем он сел на автобус, державший путь в его район. Ехать предстояло минут двадцать, потому боец сел в самом конце, у окна, надел наушники и прижался лбом к стеклу.

Играла песня Эминема, та, одна из самых известных. Москинберд. Слушая ее Кронштадт вспоминал свою нелегкую жизнь. Но, как ни странно, это приносило некоторое удовольствие. Дмитрий, привыкший вкалывать ради чего-либо важного и действительно стоящего, удовольствие любил, пускай и редко его выказывал. Хладнокровие — ключ к победе. Надо только знать, где конкретно оно нужно.

Москва, над которой сгустились сумерки, мелькала за окном. Кронштадт смотрел.

Голые деревья, готовящиеся в скором времени распуститься. Весенний ветерок, который залетает вовнутрь автобуса, когда двери открываются, прохладный и приятный одновременно. Дома из стекол, превращающиеся через несколько улиц едва ли не в трущобы. Блеклые звезды, виднеющиеся за клубами дыма и облаков. Огни встречных машин, летящих куда-то назад, откуда ехал Кронштадт, и проходящих вместе с этим вперед, а также — вскользь, мимо. Дмитрий прикрыл глаза. Прикрыл всего на секунду, а очнулся уже на конечной. С ним такое было от силы два раза за жизнь. Может, три.

— Мы приехали, — водила будил его за плечо. Здоровый и хмурый, с небольшой бородой, он хмуро смотрел на бойца. — Давай, двигай отсюда.

Кронштадт, обычно собранный и ко всему готовый, удивленно помотал головой.

— Давай-давай, — зло сказал водитель, — пиздуй, пока пизды не дали. Мне домой пора.

Боец молча покинул автобус, сунув руки в карманы. Музыка в наушниках почему-то встала, но он этого не заметил, продолжив идти по темно-синим районам куда-то в сторону дома. Времени было около десяти с чем-то.

Кронштадт прошагал так минут двадцать. Потом его внимание отвлекла следующая сцена.

Ребенок. Девочка. Кажется, лет одиннадцать. Стоит под фонарным столбом, бросающим теплый оранжевый свет на нее. Рядом двое. Парни. Сколько лет — не ясно. Может, двадцать три. Один примерно такого же роста, как он сам, другой чуть поменьше. Перейдя на ту стороны улицы, где фонари по какой-то причине не горели, они в принципе

горели довольно периодически, боец встал под одним из деревьев, спрятавшись за стволом. И прислушался.

— Всем и так понятно, — сказал парень повыше, — что Кронштадт во втором бое развалит Рокотански. Я вообще без понятия, какого хрена этот выскочка резко поднялся так высоко. Это бойцовский клуб, в нем надо иметь уважение.

Второй фыркнул.

— И почему Кронштадт вызывает у тебя уважение? Он хороший боец, но больше про него ничего неизвестно. Да, хочет, вроде как, город восстановить. Но сколько их, таких восстанавливал? Каждый второй хочет. Но знаешь что? Кто хотел бы — давно б сделал. Рокотански — другое дело.

— С чего это?

— Говорят, — я не знаю, так это или не так — он хочет спасти больную жену. Чем болеет тоже не знаю, но вот так. Его же вообще раньше не было, свалился как снег на голову. Если победит Кронштадта — заработает еще бабок. На лечение, очевидно. А если нет, то не знаю. Зачем ему еще драться?

Тот, что был выше, хотел что-то ответить, но промолчал. Затем достал из нагрудного кармана блок сигарет и сунул одну в рот. Второй, который был пониже, тут же ее вытащил из его рта и кивком головы указал на молчавшую девочку. Первый вздохнул.

— Ну не знаю. Если так, у Рокотански достойная причина. Но и у Кронштадта тоже. Бросить вызов обществу, миру галстуков, американо и Бентли — это не каждому дано.

— Так или иначе, он не даст себе проиграть. В любом случае все будут смотреть на бой, а не за его кулисы. Просто надеюсь, что если Рокотански действительно спасает жену, он справится.

— Да. И я тоже.

— И я, — сказала молчавшая до того девочка.

Тот, что был повыше, хлюпнул носом.

— Пойдем. А то холодно чето.

И они ушли под периодически мигающими фонарями. Кронштадт, стоя под кронами дерева, некоторое время смотрел им вслед. Затем фонарь, стоявший рядом, неожиданно загорелся, бросив на него свой свет, и он двинулся дальше, вновь сунув руки в карманы. В голове было много мыслей.

— Знаешь, — сказал я, когда мы с Зоей под руку прошли под одной из арок, ведущих в дворы где-то в центре Москвы, — тут где-то есть пироговая кофейня, или вроде того.

— Опять хочешь объестся вкусностей? — улыбнулась жена. Шум машин, движущихся куда-то под темным вечерним небом, слегка стих, когда мы свернули во дворы. Деревья понемногу начинали распускаться.

— Да, — просто сказал я. — Не уверен, что выпечка там будет горячей, это надо утром идти, как нормальные люди, но всегда можно что-то подогреть. Я думаю.

Зоя кивнула. Я поцеловал ее в висок.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Правда хорошо.

Теперь кивнул я. А через минуту сказал:

— Вот мы и пришли.

Посреди моря повседневной печали, груза ноши, которую мы с Зоей и остальными несли на своих плечах, пироговая кофейня оказалась маленьким островком счастья, которое было будто неподвластно злу: у меня даже сложилось чувство, что имей все же зло какое-нибудь воздействие на это счастье, оно все равно никак не смогло бы к нему прикоснуться. И дело было не в выпечке, какую продавали в кофейне, а продавали тут выпечку самую разную. Нет, в ней, конечно, дело было, но далеко не главное. Было оно и не в людях, работающих здесь. В кофейне было тепло. Вид, открывавшийся из нее, был прост, но в то же время... Близок. Да, пожалуй, это самое подходящее слово. Бывает так, что ты не ощущаешь счастья, но чувствуешь, что это то, что тебе сейчас нужно. Бывает так, что ты не чувствуешь себя несчастным, но и счастливым назвать не можешь. Случается так, что то, что ты наблюдаешь, наблюдается именно потому, что оно должно сейчас наблюдаться. Возможно, это был какой-то невиданный и нигде неписанный закон вселенной, мне невидимый и неподвластный: но это было так, и так и было. Вот и все.

Мы купили несколько булочек с творогом и вишней, которые нам слегка подогрели, ровно также как и пирожки с яйцом и луком, которые мы съели до этого. Сидели мы у окна. На город опустилась ночь, народу в кофейне поубавилось, а прямо напротив окна стоял фонарь, бросающий белый свет на зеленеющий кустик, вокруг которого все было заасфальтировано. Мы некоторое время смотрели, как весенний ветер, тепла которого мы не чувствовали в заведении, касается зеленых лепестков. Сначала мимо проезжало много машин, а затем они стали ездить все реже и реже, пока не исчезли вовсе.

— Интересно, когда они закрываются? — Зоя поставила чашку чая на стол. Вдобавок к выпечке мы взяли чайник ромашкового чая.

— Вроде в час ночи.

— Странно!

— Да. Но для нас это хорошо.

Зоя кивнула.

— Эй, Викторыч! — гаркнул один из мужиков, сидящих у входа. Бариста, мужик примерно того же возраста — лет тридцати семи — оглянулся на него. — Включи новости, а то там в интернете странные вещи пишут.

— У меня еще народу полно в кафе, чего суету наводить?

— Включи, — подключились несколько голосов. — Случилось что-то?

Викторыч что-то проворчал и выключил Ютуб, на котором играла какая-то расслабляющая музыка. Затем несколько раз потыкал пульт, переключая каналы, пока не включил Четвертый. Хотя, даже если бы он оставил какой-нибудь первый, я уверен, там бы показывали тоже самое.

Несколько людей в зале испуганно охнули. Кто-то замер. Я почувствовал, как сжались челюсти. Ощутил, как напряглась Зоя.

— Пятнадцать минут назад сенатор Альянса, в связи с последними событиями, объявил о полном закрытии границ с НРГ. Армии стран мира, одна за другой, переходят в режим полной боевой готовности — неизвестно откуда взявшиеся порталы появляются в абсолютно разных местах света, в морях, на земле, и даже в воздухе. То, что выходит из них, — из голоса телеведущей, стоящей на фоне целого ряда видеозаписей, слышалась едва ли не

паника, — не поддается ни одному научному объяснению. — Человечество, никогда не верящее в чудовищ, официально признало свою ошибку. Это просто невозможно...

Тут она исчезла и остались только видеозаписи.

Искрящийся белый портал, излучающий какое-то голубое свечение, сверкал в нескольких метрах от земли между деревьями. Сложно было понять, каких он был размеров. Может, два на два метра, может больше. Надпись справа внизу гласила, что место находится где-то в Аргентине. А потом из него начали выскакивать странные существа — длинные, белые, очень похожие на вендиго, только больше, хотя никто и понятия не имел, какие должны быть вендиго. Все в зале охнуло, включая меня и Зою. Какая-то девушка даже вскрикнула.

— Сможет ли армия НРГ защитить своих жителей от вторжения пришельцев, — на экране появился седовласый мужчина лет шестидесяти, — или нас ожидает новая мировая война? Узнаем в ближайшее время. Берегите себя.

Эфир закончился. В зале повисла абсолютная тишина. А потом кто-то резко сказал:

— Что это было, блять?

— Шутка какая-то? — поддержал кто-то.

Бариста взмахнул руками.

— Без понятия, ребята. Без понятия.

Глава 18. Свобода или смерть

Человек умирает тогда, когда умирает последнее воспоминание о нем.

Джоан Роулинг

Над предложением Бена, разумеется, никто долго не раздумывал. Все понимали, что это единственный шанс в ближайшем будущем покинуть тюрьму. Также все понимали, что сбежать может и не получиться. Смерть с одинаковыми шансами ждала нас в день боя, точно также как желанная уже долгое время свобода. Свобода, пахнувшая пылью и чем-то неизвестным и известным одновременно.

Битва должна была состояться в том же помещении, где стояла наша основная арена бойцовского клуба. Бен оказался не прав, сказав, что нас поведут биться в другое место. Просто на старой арене должны были пройти некоторые изменения.

Предстояло всему этому случиться в самом конце мая. Отличие было в том, что заключенные и охранники не будут наблюдать за поединком за стенами ринга. Ринг предназначался только на двоих. Поэтому его уберут — и, как оказалось, в кровавой драке будут участвовать не две команды, как мы предполагали, а целых три. Пятнадцать человек, по пятеро в команде. В одной из них был Мейгбун. Он уже успел относительно восстановиться: я слышал, как нацист тренируется за каменной стеной: очевидно, блондин отжимался. Я слышал его дыхание.

С тех пор, как его вернули из госпиталя, мы почти не говорили. Он ненавидел меня, а я его. Но несмотря на эти чувства, мы оба устали — поэтому ненавидели молча. Молчание само по себе золото. А кто считает иначе, тот себя обманывает.

Тем не менее, один разговор у нас все-таки состоялся. За день до выхода на арену. Я сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Мейгбун, видимо, сидел точно также.

— Знаешь, — сказал хрипло он, — ты отморозок.

— Знаю. Как и ты.

— Да. Только ты — больший.

— Почему?

— Ты можешь не разделять мои взгляды в политике и остальном, — Мейгбун, судя по голосу, сел поудобнее, — но я больше ценю свою жизнь, чем свою идею. А ты наоборот.

— Вы развязали войну потому, что думаете, что ваша нация лучше остальных, — сказал я. — Будто у вас голубая кровь. Эта идея, несмотря на ее лживость, многого стоит. И ты говоришь, что твоя жизнь тебе дороже, чем она? Ведь из-за нее ты здесь.

— Нет, приятель. Вы, русские, украинцы и прочие, любите возводить все в какой-то метафорический абсолют. Я предпочитаю факты. Есть действия, действия ведут от одного к другому, так появляется результат — или, напротив, не появляется, что зависит уже от действий. Я здесь не потому, что моя идея, как ты говоришь, лживая, я здесь потому, что малайцы взорвали мою виллу и забрали меня оттуда. Если бы не они, вы бы сдохли еще в Италии. Тогда мир немного раскололся — нам в относительно одинаковой степени повезло и не повезло. Вы обосрались, но выжили, я выжил, но обосрался. Вот и все. Факты.

— Тогда почему я поехавший?

Мейгбун не ответил. Я представил, как он пожал плечами.

— Не обижайся, приятель, но вряд ли твое имя по возвращению на Родину, если завтра ты выживешь, станет легендарным. Ты делаешь свое дело — хорошее для тебя — и

остаешься в тени, как и миллионы других солдат. Я делаю хорошее дело — для меня — и мое имя будет вписано в историю. Оно уже вписано в историю.

— Ты нацист.

— Да. Я нацист, а ты заиклился на этом, как девственница, впервые увидевшая член. Для одних я буду героем, для других злодеем. Так устроен мир, парень. Даже будучи хорошим человеком, даже будучи прекрасным человеком, все равно будут те, кому ты не нравишься. Кто тебя ненавидит. Не так ли? Ты делаешь одно, я делаю другое, результат по общественному мнению один. И скажи теперь, что мы не одинаковые?

— Ты...

— Ах, извини. Я все равно своего достигаю: дети, уча историю, будут знать, кто был Иокир Мейгбун. Неважно, какие выводы они сделают: но они будут знать. А ты останешься тенью. Либо здесь, в этой вонючей дыре, либо на родине, среди ваших мусорок и блеклых, однотипных высоток, построенных не хуже немецких концлагерей. У меня это даже вызывает немного восхищения.

Я усмехнулся.

— А говоришь, тебе идея не дороже жизни.

Мейгбун к моему удивлению промолчал. Только минут через пятнадцать прохрипел:

— Жизнь — это ебаное дерьмо.

— Да, — ответил я. — Впервые я с тобой согласен.

Я посмотрел в окно, в котором виднелось синее-синее небо — далекое и недостижимое. Больше мы с Мейгбуном не разговаривали.

Порой жизнь течет своим чередом. Этот черед необязательно должен быть спокойным и легким, как случается у счастливых людей. Иногда вся жизнь — это полоса боли, и с этим ничего не поделать, как жить дальше. Но иногда, даже тогда, когда жизнь — боль, все бывает еще хуже, чем казалось до этого. И тебе не нужно для этого жаловаться. Испытания и потрясения просто сыпятся на твою голову раз за разом. Возможно, они сыпятся до тех пор, пока ты их не переживешь. Или не упадешь окончательно, без подъема. Может быть, это и называется жизнью. Единственный и главный вопрос, как бы банально это не было — сможешь ли ты подняться?

Ринг они действительно убрали. То есть сам блок, на котором он стоял, остался, а веревок по периметру не было. Вообще все помещение, в котором могло находиться больше сотни человек, стало вдруг удивительно большим и широким. По-крайней мере нам так показалось, когда мы оказались в нем в последний раз.

Первое правило бойцовского клуба — дерутся без верхней одежды.

Второе правило бойцовского клуба — дерутся без обуви.

Третье правило бойцовского клуба — удары ниже пояса не наносятся.

Четвертое правило бойцовского клуба — бой ведется до тех пор, пока один из оппонентов не сможет подняться.

Стоит сказать, что третье и четвертое правила в этом бою не работали. Можно было наносить удары ниже корпуса. Можно было атаковать ноги, пах, все остальное. Поправка четвертого состояла в том, что "не сможет подняться" — это не будет без сознания. Это будет на том свете. Если он, конечно, есть.

Зрители столпились на нескольких лестничных площадках, находящихся вдоль стен помещения, в нескольких метрах над нашими головами. Некоторая часть разместилась на крыше — пожелтевшие и грязные окна, через которые вниз падал солнечный свет, были вытащены. Головы заключенных и охранников были направлены вниз. Толпа встретила нас улюлюканьем и аплодисментами, едва мы появились из одного из входов на арену. Глаза довольно быстро привыкли к полумраку. Свет, падающий аккуратно на место, бывшее раньше рингом, был ориентиром центра зала.

А затем появилась еще одна команда. Пятеро заключенных вошли из другой двери, встав под углом от нас. А потом появилась еще одна пятерка, среди которой оказался и Мейгбун. Также встав под углом, они остановились, как и команда до них. В помещении оказалось пятнадцать человек.

А потом появился Пабло. Неспешно пройдя в самый центр, он поднял руки вверх, призывая к тишине — потому что каждый раз, когда появлялась какая-нибудь из команд, заключенные и охранники начинали рукоплескать и кричать что-то на своем, малайском. А, может, и не только на нем.

И затем Пабло, который был вовсе и не Пабло, на что мне было плевать, начал говорить. — Сегодня, — сказал он, — для всех нас будет большое зрелище. Иногда, как знают старожилы нашего драгоценного дома, мы делаем большие турниры. Эти турниры отличаются от всех других: в этих турнирах заключенные дерутся не один на один, а командой на команду, не до потери сознания, а до смерти, не за уважение в Желтых Камнях, а за свою свободу. Ибо тот, кто выйдет из битвы живым, сегодня уйдет из тюрьмы через открытые ворота. Он не будет задержан нигде в ЕМГ. Тот, кто выберется, сможет вольно перебираться по нашему государству, если захочет — сможет жить в нем, а нет — покинет его пределы.

Толпа шумно, но сдержанно поаплодировала. Я взглянул на Мейгбуна. Тот спокойно смотрел на Пабло.

— Могу сказать лишь одну вещь тем, кто сегодня оказался на бетоне арены, — Пабло по очереди посмотрел на нас. — Вы ощутили на своих шкурах, что Желтые Камни — место не для слабаков. Поэтому сегодня вы здесь. Поймав лунную бабочку, помните о том, что и вы вернётесь в царство под луной.

Пабло ушел с арены, а затем появился на одной из лестничных площадок, где расположились какие-то похожие на него армейские малайцы.

— Да будет бой! — бросил он.

И толпа взревела. А другая толпа, наша, превратилась в единое целое, пускай и ненадолго.

Мы с Мейгбуном оказались друг напротив друга почти моментально. Сложно было сказать, что я чувствовал, взглянув в его глаза перед тем, как наши кулаки начали наносить удары по корпусам и лицам. Разумеется, мне хотелось его убить. Но с другой стороны мне хотелось другого: оказаться на том укрытом тропическими джунглями берегу, вид которого открывался из моей камеры, и прожить там до конца моих дней. И чтобы никакой тюрьмы, никакой цивилизации рядом не было. Но жизнь на то и жизнь, что не дает нам грустить и думать тогда, когда нам этого хочется. Когда нам не хочется, она говорит — живи. И мы живем, потому что иначе окажемся в лунном царстве, а оттуда не возвращаются. Только, разве что, лунные бабочки.

Я ударил Мейгбуну в челюсть, чувствуя колючую бороду, которой она обросла. Он

сделал тоже самое, выкинув кулак так быстро, что я не успел отвернуться. Но что такое один удар в челюсть, когда долгое время живешь в тюрьме, где удары — часть самой жизни? Где удары равны дыханию. Мы с Мейгбуном одновременно переставили ноги по часовой стрелке, бросившись в стороны. И снова сцепились, одним ударом уже не ограничившись.

Рокки, уворачиваясь от удара огромной и лысой детины, нырнул тому под руку в духе Тайсона. Один короткий, но мощный удар. Здоровяк грохнулся наземь. Здоровяк больше не поднимался.

Ветрогон, получив от какого-то бугая слева, отлетел в сторону, скрывшись из моего поля зрения.

Петрович со всей мощи зарядил одному из противников, бывших меньше чуть ли не в два раза. Заключенный отлетел в другого заключенного, из другой банды, и здоровяк бросился на остальных врагов.

Битва вскипела, как вода в максимально нагревшемся чайнике. Толпа ревела сверху, подбадривая своих фаворитов и оскорбляя тех, кто был ей не уместен. Это была битва гладиаторов, и только сильнейшие останутся на холодном асфальте арены.

Толкнув Мейгбуна в грудь, я бросился на него, но нацист резко нырнул вниз и обхватил меня руками за пояс. Через мгновение я перелетел вокруг него, мгновенно ощутив, как заболела спина и межпозвоночные диски. Из горла вырвался стон. А затем кулак противника попал мне в челюсть, как и следующий. Боясь темноты, которая может наступить, которая может наступить навсегда, я бросился, забыв о боли, ничего не видя, на врага. И мы снова вцепились друг в друга, нанося удары, чувствуя, как ломаются сосуды глаз, вылетают зубы, как дробятся костяшки пальцев, взбивая кожу. А затем мы каким-то образом оказались на той арене, которая раньше ограждалась перегородкой, на возвышении. Солнечный свет резанул по глазам, мелькая из-за фигур зрителей, столпившихся сверху. На миг у меня возникло чувство, что мы с Мейгбуном как Бэйн и Бэтмен, и он только что чуть не сломал мне позвоночник. Но больше это не имело значения, потому что я, наконец, настиг его. Настиг ведь?

Ощущая горячую кровь, заливающую левый глаз, я швырнул руку вперед и попал точно в горло Мейгбуну. Нацист свалился наземь, на секунду выпучив глаза и схватившись за шею. И следующий миг стал решающим, потому что я со всей силы врезал ему по лицу, уложив окончательно. И набросился на него сверху.

Иокир Мейгбун не мог дышать, потому что его дыхательные пути были повреждены. А даже если бы не были, времени на дыхание у него не было. Я чувствовал, как мои руки врезаются в его лицо, снова превращая его в кровавое месиво. Чувствовал, как выходит вся ярость, выходит туда, куда ей и было нужно все это несчастное время, что я нахожусь на войне. Не было слышно ни криков зрителей, не воплей дерущихся — не было абсолютно ничего, кроме крови и злости.

А потом мир вернулся. Мир вернулся и распался на множество осколков — будто тех разов, что он распадался до этого момента, мне было мало. Будто мало горя я пережил.

Я не хотел смотреть на то, во что превратилось лицо переставшего дышать нациста. Не хотел смотреть на свои руки, оказавшиеся по локоть в крови, и совсем не голубой, как могло ожидать. Чувствуя, как солнце палит в затылок, я обернулся, пытаюсь найти глазами своих. И я нашел их.

Петрович, что-то крича, размахивал огромными кулачищами, выбивая из набросившихся на него малайцев все, что только мог. Кровь будто вспышками вылетала из

их голов — великан был в такой ярости, в какой, наверное, не был еще никогда.

Ветрогон, к моей легкой и мертвой неожиданности, выкинул ногу высоко вверх и ударил в подбородок одного из малайцев. Тот сразу же рухнул на пол и капитан бросился на помощь к Петровичу, потому что тот был максимально близко к нему и дрался один на троих.

Рокки с разбитой головой бился с одним из противников у одной из дальних стен. Я было попытался подняться, чтобы бросится к нему, пока не увидел Хорнета.

Напарник также желал помочь Рокки, но тут его сбил с ног один из бугаев — и сбил не просто толкнув, а одним лишь ударом, но таким, что худющий Хорнет, до того казавшимся мне самым крепким из нас после Петровича, отлетел на два метра вперед, грохнувшись наземь. Я попытался встать, но не вышло. Ноги подкосились, не выдержав нагрузки. Слыша все как в отдалении, я чувствовал, как кровь стучит в моих висках, все быстрее и быстрее, угрожая взорвать голову. Но это не имело значения.

Бугай схватил Хорнета и перевернул на спину. Попытавшийся выскочить напарник тут же получил огромной ногой в живот и скорчился, выплюнув изо рта кровь. А затем нога приплась ему по лицу. Быстро и безжалостно, а затем снова и снова. Я закричал. Закричал, будто это должно было помочь. Но не могло. Мейгбун умер, а я снова смотрел, как умирает близкий мне человек. Как умирает мой лучший друг, и ничего не мог с этим поделать.

А потом появился Петрович. Так быстро, но вместе с этим будто через целую вечность. На ходу столкнув здоровяка, он начал избивать его. Я снова попытался встать, но упал с арены. И пополз к Хорнету.

Напарник почти не дышал. Звуки вернулись, заполнив голову разными шумами. Разбитые голова и лицо. Друг смотрел в место, где раньше было окно, в синее небо, и на губах его стояла кровь.

— Хорнет...

Он посмотрел на меня светлыми глазами. Попытался что-то сказать, но вместо этого у него в груди забулькало.

— Не надо... — начал я, но он перебил:

— Ничего, — он улыбнулся, и на мгновение чувство ужаса полностью заполнило меня, каждую клетку, каждый сантиметр тела. — Ничего, приятель, — сказал он, — тернии прошел, теперь можно и к звездам.

И перестал дышать.

А потом не стало и мира, если таковой действительно когда-то был. Я смотрел в его глаза, ставшие будто стеклянными, устремлённые к солнечным лучам, и не было совсем ничего.

А затем было что-то.

Я плохо помню, что именно. Помню окровавленных Ветрогона, Петровича и Рокки, стоявших рядом. Помню груды мертвецов, залитый кровью бетонный пол. Алые ручейки стекали куда-то, а куда именно я не знал, да и мне было плевать. Рядом стоял Перто. Он что-то громко говорил, а заключенные и стражники хлопали.

А затем меня стали тянуть за плечи. Но я не уходил. Только тогда, когда мы взяли с собой Хорнета, которого понес на руках Петрович, мы покинули здание. Солнце резануло по глазам. Прохладный ветер продул нас насквозь, и трава шелестела, касаясь собою наших ног. Потом были ворота тюрьмы, и они открылись. А потом мы шли дальше по какой-то просёлочной дороге. Я не помню, сколько. Я не помню, как. Это, наверное, было неважно.

Потому что больше ничего на свете не имело значения.

Остановились мы в джунглях, около одной из пещер — она была неглубокой и в случае чего мы могли спрятаться от дождя. Но дождь, кажется, идти не собирался. Мы переждали там ночь, питаясь фруктами, росшими вокруг. Пили воду из ручья, бегущего вдоль пещеры куда-то на северо-восток. На утро мы пошли дальше. А затем оказались в небольшой роще и сделали привал.

Я сидел, чувствуя болящей щечкой кору какого-то неизвестного мне дерева. Роща сияла в лучах солнца, поднявшегося над Малайзией. Река здесь становилась шире, делясь на два русла — одно шло будто бы в сторону тюрьмы, но на самом деле впадала в один из потоков, уходящих в океан. Другое шло дальше, будто бы туда, куда нам надо было идти. Я зажмурился, чувствуя, как палит солнце. А затем сказал:

— Мы похороним его здесь, — голос был слабым, — это хорошее место.

— Я думал отправить его вниз по реке, — сказал Рокки, — к тому обрыву.

Я помолчал, слушая, как поют тропические птицы. Петрович, сидя рядом, не сказал ни слова.

— Да, — ответил я, — думаю, он этого хотел бы.

Так мы и поступили. На следующее утро, чуть набравшись сил, мы соорудили максимально простой плот и привязали к нему тело Хорнета своими ремнями. А затем подожгли, добыв огонь самым древним способом, который знало человечество — силой трения. Плот начал медленно загораться, и мы оттолкнули его от берега. Перед этим каждый попрощался с разведчиком. Я поцеловал его в лоб.

Мы смотрели, как он уходит, заходясь дымом и пламенем в диких и тропических джунглях. Река была такой широкой, что без проблем могла его поглотить — но не стала. В конце концов плот превратился в настоящий костер, а затем резко пропал, видимо, упав куда-то вниз с какого-то обрыва. Я дернулся. А затем сказал:

— Покойся с миром, брат. Мы сделали, что должны.

После этого солнце поднялось в зенит, начав нас нещадно палить, а мы отправились дальше, вдоль другого русла, прячась от него в тени густых и больших деревьев. Через несколько дней, грязные и голодные, выглядящие хуже мертвецов, а в сердцах именно ими и являясь, мы вышли к одному из селений. Как оказалось, это был город. И в городе был свой порт.

Сначала город предстал перед нами в сизой, туманной дымке, образовавшейся в предрассветных сумерках: немymi и размытыми очертаниями его крыши и шпили приближались все ближе, не имея четкого цвета, не имея углов или граней. Затем рядом пронеслась чайка — низко, прямо над головами людей, столпившихся на палубе. Что-то крикнув, она унеслась вверх, скрывшись за мачтой. Затем корабль загудел, обходя небольшой остров, и море окрасилось в золотой цвет. Солнце выглянуло из-за края горизонта. Подул прохладный морской ветер, и я прикрыл глаза. Балтийский залив. Еще через десять минут корабль вошёл в порт.

Сложно описать чувство, когда возвращаешься на Родину. Когда идёшь по своей земле, земле своей страны, — возможно, той ее части, где ты никогда не был, но с осознанием того, что это все — твое. Особенно после того, что ты ради всего этого отдал. Санкт-Петербург,

серый и золотой одновременно, встретил нас шумом большого города, и, вместе с этим, неким безмолвием. Кому-то от такого безмолвия стало бы неудобно. Кому-то, но не мне. Почему? Я и сам этого не знал. Добравшись до ближайшего телефона, мы сделали несколько звонков. Потом мы стали ждать. Еще через некоторое время — довольно скоротечное — к нам подъехал черный автомобиль. И затем мы ехали, пока не добрались до военного штаба. Первым, что мы узнали, было то, что война закончилась шесть месяцев назад. Несмотря на то, что на корабле мы посетили несколько стран, никакой такой информации мы не получали — во многих местах горели дома, где-то слышались выстрелы. "Добивают остатки нацистов, — сказал сержант, — так всегда после конца. Нужно время, чтобы все зачистить".

Затем нас вымыли, накормили и напоили. Потом допросили, и рассказ наш вышел очень долгим. Говорил преимущественно Ветрогон, которого дополнял Рокк. Мы с Петровичем молчали. Затем нас представили к награде, дали денег. Одним словом, обеспечили. Сказали, что при желании, мы можем продолжать службу. Возможно, не стоит говорить о том, что службу продолжать никто не захотел. И отпустили.

Прощались почти без слов. На Московском вокзале было шумно. Ветрогон уезжал к родным, тем, кто остался в живых. Как всегда, капитан был сдержан и молчалив — после объятий он кивнул нам и растворился в толпе. Рокки устало улыбнулся.

— Вот и конец, верно?

Петрович слегка склонил голову.

— Да. До встречи, Бальбоа.

Друг улыбнулся снова и тоже исчез. Мы остались вдвоем.

— Что будешь делать?

— Не знаю, — хрипло ответил я. Голос, отвыкший от разговоров, не хотел слушаться. — Я думал остаться здесь.

— Я в Москву поеду, — сказал уса, — позвонил, там есть знакомые, они бар держат. Нужен им бармен. Я в этом разбираюсь.

— Езжай, Петрович. Езжай, если нужно.

— Отдохну наконец, — сказал здоровяк и замолчал. А затем добавил: — Ты тоже приезжай, если надумаешь. Как восстановишься.

— Вряд ли я восстановлюсь, — сказал я. Затем посмотрел в окна вокзала, в которых виднелось синее небо. — Если только со мной не случится чуда.

— До свидания, брат.

— До свидания, Петрович.

Солнечный свет падал через светлые занавески на пол, касаясь кровати, шкафа, стены. Я чувствовал его тепло — аккуратное, ласковое, будто он говорил: "Отдыхай, приятель. Ты это заслужил. Но и встать не забудь, сегодня чудесный день. Нужно прогуляться, посмотреть город". Я устало улыбнулся через полудрёму. Всё, что нужно для счастья, это гармония и спокойствие. Для того, чтобы их получить, порой достаточно и одного солнечного тепла.

Поднявшись, я открыл окно. Двор утопал в зелени и пахло дождем. Это был простой питерский двор, но от его вида на душе было так тепло, как не всегда бывает даже сидя на печке. Собравшись, я отправился на прогулку. Идя дворами, которыми никогда не гулял, я знал лишь, что двигаюсь куда-то к центру города, и это было единственным, что имеет

значение. Через некоторое время дворы вывели меня к странному месту: неподалеку было очень шумно, но шум этот меня почти не достигал. Наверное, дело было в большом количестве весны. Я знал, что она забирает звуки себе.

Подняв голову, я увидел табличку. "Библиотека им. Е. М. Инир". Войдя внутрь, я не обнаружил никого, и немного удивился: разве может быть такое, что в библиотеке никого нет? В воздухе кружились пылинки, падавшие откуда-то с книжных полок. Солнечный свет, прорезая мрак, превращал их в золотые ресницы. Здесь было много разных книг: фантастика и фэнтези, приключения и поэзия. Я взял в руки "Хоббита" и на некоторое время погрузился в историю. А затем рядом что-то грохнуло, и я повернулся.

В целом облаке пыли, поднявшимся с пола от кучи книг, появилось лицо девушки. Когда пыль чуть рассеялась, я увидел, что у неё каштановые и удивительно прямые волосы. Глаза были зелёные. А ещё лицо у нее было таким красным, будто она съела перец чили и решила не запивать его молоком.

— Извините... Я случайно...

Будто тысячи молний вспыхнули в грозовом облаке одновременно — будто грозовое облако опустилось над пустыней, поднимая и смешивая ее пески. Я не знал, что это было, и знал прекрасно. И, прежде чем ответить, успел подумать, что не прав был Рокки, сказав на вокзале, что все закончилось. Нет. Может быть, все только начинается.

— Ничего, — я отложил «Хоббита» в сторону и стал помогать ей собирать книги обратно в стопку. Чтобы замять неловкую тишину, спросил: — Собираете материал для учёбы?

— А? Нет-нет, я работаю здесь... Ну как, подрабатываю, точнее, — она смущённо улыбнулась. Лицо у неё было по-прежнему красным. Я почему-то тоже смутился, и, отдавая ей стопку книг, сказал:

— Тогда мне повезло, — попытался улыбнуться, чувствуя, как начинают гореть уши, — я было подумал, что кроме меня в библиотеке никого нет.

Неожиданно девушка засмеялась, и её звонкий смех полетел между стеллажами и полками, пока она не прикрыла рот ладонью — мол, забыла, что в библиотеках нельзя шуметь.

— Нет... Ну, то есть, не бывает ведь такого, чтоб в библиотеке никого не было. Ну, в открытой, в смысле.

Я чуть не выпучил глаза, потом пробормотал:

— Да, я тоже самое подумал, когда заходил. Эта, как её, миндальная связь, не иначе.

Из глаз девушки посыпались весёлые искорки...

Глава 19. Последний бой

— Наверное, это наш конец.

— Конец? Нет, наш путь не кончается смертью. Смерть — лишь продолжение пути, начертанная всем. Серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и ты увидишь...

— Что? Что, Гэндальф? Что увижу?

— Белые берега и за ними — далекие зеленые холмы под восходящим солнцем.

— Это неплохо.

— Нет... Нет конечно.

"Властелин Колец"

В день поединка Зоя была очень бледной — даже бледнее обычного. Болезнь, как бы мы с ней не боролись, убивала ее с каждым днем. Пусть она старалась этого не показывать, но только слепой не увидел бы, что это действительно было так. Тяжело описать чувство, когда твой любимый человек умирает, а выживет он или нет, зависит только от тебя. Да и то, не факт, что только. Что может человек сделать перед лицом смерти? Смерть — единственная в мире вещь, которая гарантирована нам всем. Мы можем не получить богатства или хорошую семью, можем не получить голод или войну, можем не получить отличного или плохого государя, но смерть обязательно получим. Вопрос заключался лишь в том, когда она придет, и больше всего мне на свете хотелось, чтобы за Зоей она пришла лет в девяносто. А еще лучше — пусть сначала бы она пришла за мною. И, пусть это эгоистично, я действительно этого хотел. Всем сердцем.

Когда я проснулся, она уже была на ногах. Я зашел на кухню, где она что-то готовила. Окно было открыто, и яркий солнечный свет заливал пространство. Снаружи щебетали в зеленой листве птицы.

Зоя готовила блины. Склонившись над ее ухом, я тихо прогудел:

— Сразу говорю, хочу со сгущенкой.

Жена слабо улыбнулась.

— Будут. Но тебе сладкое сегодня нельзя. Поэтому будешь есть с сыром и ветчиной.

— Меня это устраивает.

Зоя фыркнула.

— Еще бы! Сковородкой бы получил, если б не устраивало.

Тут во входную дверь постучали, и я поднялся.

— Пришли?

— Наверное. Сейчас посмотрю.

Я пошел в прихожую и открыл дверь.

Петрович, Дед и Огонек стояли снаружи.

— Доброе утро, парни.

— Доброе утро, чемпион.

— Проходите, будем завтракать.

Во время завтрака Дед с набитым ртом сказал:

— Это лумшие блимы которые я когда-либо ел.

Зоя улыбнулась.

— Вечно ты хвалишь мою стряпню.

Гаргарьин открыл набитый рот:

— Нимкамкая эмто не стрямпня. Емда бомгов.

Мы с Петровичем рассмеялись, а потом рассмеялись все, и смех заполнил всю квартиру. Отсмеявшись, некоторое время помолчали. Потом Огонек посмотрел на меня:

— Ты готов?

Я кивнул.

— Помнишь, чему я тебя учил?

Я кивнул снова.

— Хорошо. И все же я повторяю: пусть результат этого боя безмерно важен, сосредоточься не на нем, а на своих действиях. В погоне за целью люди не видят того, чего делают, особенно в поединках. Твое тело и разум должны быть единым целым, потому что у Кронштадта точно так и будет.

— Я выиграю бой, — сказал я.

— И станешь Чемпионов Чемпионов, или как его там, — заявил Петрович. Дед был открыл рот, чтобы его поправить, как я ответил ему:

— Неважно, какие титулы мне это даст. Главное получить деньги и погрузиться на самолет. Ты нашел пилота? Который должен был лететь.

— Да. И самолет. Суммы, которую назвал, как раз хватит. Может, даже останется что-то.

— Хорошо.

Огонек кашлянул и все посмотрели на него.

— Прежде, чем пойдем готовиться, предлагаю... Помолиться. Как христиане. Знаю, что тут почти никто не верит, но все же.

Все переглянулись. Наши с Зоей глаза встретились. А затем все взяли друг друга за руки, положив те на стол, и склонили головы. Я закрыл глаза.

Я так давно не обращался к Тебе, потому что искренне уверен, что Тебя нет. Потому что если бы ты был, никаких войн, наверное, и в помине бы не было. Не произошло бы того, что случилось на Третьей мировой. Откуда в мире столько жестокости, если есть Ты, который может все? Что может человек против такой дикой злобы? Так или иначе... Так или иначе, все то дерьмо, что случилось со мной, не исключает все хорошее. Не исключает прекрасных людей, собравшихся здесь, чтобы помочь нам. Не исключает искренней дружбы и любви, любви чистой и светлой, какая, я думал, есть только в книгах, и ошибался. Несмотря на все ужасы, что со мной произошли, если Ты есть, Ты дал мне и много прекрасного, и, если так, я благодарен Тебе. И прошу Тебя только об одном: дай мне спасти ее, потому что иначе я не представляю, как мне жить дальше. Потому что одна она несёт такой свет, какой не несут и десятки других людей, живущих вокруг. Пусть это эгоистично, пусть это, может быть, лицемерно, но почему те, кто чинят погром, доживают до старости, воспитывая также своих детей, а те, кто достоин жить, умирают в тридцать лет? Почему так? Я не знаю, да и ты не ответишь. Сейчас это неважно. Дай мне спасти ее. О большем я не прошу. Аминь.

Парень, похожий на Джоша Хэмилтона. Полный, забитый битком, зал. Люди шумят и молчат, ожидая самого крупного и самого интересного боя последнего времени. Может

быть, даже последних лет. Кто-то уже пьян, но даже те, кто пьян, смотрят на ринг, на Джоша Хэмилтона, выступающего с предварительной речью, разогревающего толпу. Его голос звенит, уходя к высокому потолку бойцовского клуба, туда, где горит единственная белая лампа, пока во всем другом пространстве царит мрак.

Я наблюдал за этим, стоя в коридоре для бойцов. В одном из коридоров, двери которых увидел в первый раз придя сюда в качестве зрителя. Тогда я не знал, куда ведет эта дверь. Теперь я знаю.

В коридоре мы стояли одни. Зоя, Петрович и Дед уже были среди зрителей, в первом ряду. Огонек положил руку мне на плечо.

— Не буду желать удачи. Иногда мне кажется, что это звучит как-то фальшиво и говорится не для близких людей.

— Да, наверное.

— Бей так, как ты умеешь бить, поднимайся так, как ты умеешь подниматься. Ты капитан своего тела. Не забывай об этом.

— Спасибо, Огонек.

— Пойдем.

Джон Хэмилтон назвал наши имена, и мы вышли. Толпа, как и всегда, превратилась в бушующее и шумное море. Через некоторое время я оказался на ринге. Хэмилтон говорил. Я закрыл глаза. Через две минуты море вокруг снова обрушило волны, и я понял, что на ринге оказался Кронштадт. Глаз я не открыл, и ведущий продолжал говорить.

— Знаете, — выдохнул он, — я уже давно являюсь голосом этого бойцовского клуба. Было много прекрасных бойцов и боев, которые останутся с нами надолго. Но, ей Богу, мне кажется, что этот бой останется с нами навсегда.

Человеческое море согласно зашумело.

— Не будем тянуть. Удачи вам, парни.

Хэмилтон покинул арену.

— Да начнется бой!

Пол едва ощутимо дрожит. Не ясно, отчего и почему, да и значения, наверно, не имеет. Белый свет падает на меня, но я его не чувствую. Не знаю, почему. Возможно потому, что и не должен. Иногда свет — это просто свет. Голые ступни твердо стоят на полу. Рукава джинс, не особо широких, касаются икр. Спокойствие наряду с напряжением превращаются в нечто большее. Превращаются в адреналин.

Столкновение с Кронштадтом произошло через несколько секунд после того, как Хэмилтон объявил бой. И сразу же я понял, что северный боец изменил свою технику. Он не действовал как Майк Тайсон, группируясь и нанося сокрушительные удары вблизи. Не действовал как Мухаммед Али, не подпуская к себе, выпуская четыре десятка ударов за десять секунд. Не действовал как Флойд, нанося удары тогда, когда этого совсем не ждешь. Мурманский боец будто взял методику Артуро Гатти, и в тот момент, когда я это понял, то также осознал и то, что стал его Микки Уордом. Вопрос состоялся лишь в том, кому достанется победа в этом матче.

Не стараясь увернуться от двух ударов по лицу, Кронштадт принял их, посмотрев мне в глаза. А затем пошел на меня вперед, наплевав на защиту, мощными руками разрезая пространство передо мной. Иногда пространство заменялось моим лицом. Несмотря на то, что это было больно, отчасти это даже не чувствовалось.

Нырнув в один из его замахов противнику под руку, я выскочил перед ним и попал ему

ровно в подбородок. Через мгновение мурманский боец с грохотом оказался на земле, и толпа взревела.

Но, несмотря на то, что по правилам бойцовского клуба оказаться на земле было чертовски хреновым делом, не всегда это означало поражение для упавшего. Это не стало поражением и сейчас. Дмитрий выплюнул кровь и поднялся, снова посмотрев мне в глаза. Я не мог понять, что выражал его взгляд. Времени на то, чтобы в этом разобраться, у меня тоже не было. Через несколько мгновений он снова атаковал, и толпа взревела, когда он врезал мне по лицу так, что из носа хлынула кровь. И это было очень плохо, потому что через несколько минут я мог потерять сознание от резкой потери крови в совокупности с другими факторами — с разбитой носоглоткой, например.

Это значило, что времени больше не было, и мы снова вцепились, нанося удары друг другу по корпусу, пытаюсь защититься, когда это было возможно, и вбивая друг в друга кулаки тогда, когда это возможным не представлялось.

А потом наступил момент, который отчасти перевернул мое сознание, потому что понял я его гораздо позже. Впрочем, на тот момент, когда я это понял, никакого значения это больше не имело.

Кинувшись вперед, я толкнул Кронштадта в плечи и дважды ударил его по плечам. Он провел контратаку, дважды врезав по мне — один удар прилетел по лицу, а другой над ухом. Неожиданно тело пронзила острая, кричащая боль, а затем мир будто стал в разы медленнее, и я снова встретился с противником взглядом. Глаза у него были серые и темные, и, наверное, многое можно было бы по ним прочесть. Но не в этот день. Встав ровно и занеся все тело для рывка, я ударил его в челюсть и теперь он упал еще громче предыдущего. И больше не поднимался.

Я закрыл глаза.

Толпа взрывалась, бойцовский клуб утонул в смогах табачного дыма, замелькал огоньками сигар. Кронштадт не поднимался. А потом то ли Хэмилтон, то ли кто-то еще, закричал, что Итан Рокотански победил. Мою руку подняли вверх, но я этого не почувствовал. Спустившись с ринга, я шагнул в толпу, раздвигая людей, желавших меня коснуться. Только тогда, когда грива каштановых волос уткнулась мне в нос, я успокоился, а затем мы с ней исчезли в коридоре, через который я вышел в зал. Петрович, Дед и Огонек были со мной.

Вылет состоялся только через три дня, за которые состояние Зои успело ухудшиться еще больше. В день моей победы над Кронштадтом все было хорошо. На следующий день ее тошнило, и вечером она упала в обморок. На утро она уже не могла сама подняться. На точку сбора мы отправились на машине Петровича, положив ее на задние сиденья и прикрыв. Она спала и лицо ее было бледным как мел.

— Я думаю, мне лучше отправиться с тобой, — сказал Огонек. Машина неслась по подмосковной дороге среди высоких елей.

— И мне, — добавил здоровяк.

— Я тоже не отказался бы, — вставил Дед.

— Вы и так достаточно сделали. Дальше я уже сам.

— Видишь ли, Малыш, тут собрались те, кому нечего терять, — Березовский

хмыкнул. — Поэтому отправится с тобой на край света это не проблема. Как ты вообще себе это представляешь?

— Сережа, скажи им.

— У пилота есть доступ в воздушное пространство Японии. Впрочем, как он сказал, даже если бы его не было, пролететь туда и скрыться не стало бы проблемой — это не НРГ и не Малайзия, куда пробраться почти невозможно.

— А как он тогда обратно прилетит?

— Раз может вылететь, значит может и влететь. У нас большая страна, старик. Она жесткая и строгая, но береговая охрана может наблюдать далеко не все вещи. Только уже по периметру нарваться, может быть, но это будет уже неважно, потому что самолет в небе никак не проверить.

Петрович, убрав с руля одну руку, почесал затылок.

— А дальше?

— Они залетят на остров и высадутся в самой восточной части, в том месте, где нет крупных городов, но есть небольшой аэродром. Им пользуются, обычно, всякие фермеры, военным он не годится. Рядом есть несколько сел, укрывшихся под горами, стоящими западней. В этих горах и находятся монахи, которые им нужны.

Дед хотел было что-то спросить, но не стал. Я знал, что.

Что, если никаких монахов там не окажется, а если и окажутся, то будут ни на что не способны? Думать об этом сил не было, потому что больше никаких других мыслей я не имел. Это путешествие было последней надеждой спасти жену.

— Костя оставит Зою в одном из домов, а сам отправится на поиски монахов. Те либо сами спустятся в деревню, либо придется поднять туда Зою.

— И вот один он ее точно не поднимет, — сказал Петрович. — Одно дело морды на рингах сносить, а другое поднять человека в гору. Даже сто метров адом покажется.

Я вздохнул.

— Хорошо. Петрович поедет со мной.

Дед и Огонек громко возмутились.

— Нет! Все. У нас и так из-за всего этого проблем может быть не счесть, нечего соваться туда бандой.

— Почему Петрович?

— Во-первых, он сильнее всех, во-вторых я не люблю соваться в гребаные джунгли целым отрядом. А почему, я думаю, вы и так прекрасно знаете.

В "Форде" наступила тишина. Затем Дед шмыгнул носом, хотел было сунуть сигарету в рот, но, увидев в зеркало заднего вида Зою, не стал. И молча уставился на проносящийся мимо лес.

— А она точно не заразная? — пилот внимательно глянул на спящую Зою. — Без обид, просто очково, — на вид ему было лет тридцать пять.

— Точно, — сказал я, не будучи уверенным до конца, — эта болезнь не передается касаниями или дыханием.

— Ладно. Тогда погружайтесь те, кто летит, через пятнадцать минут выдвигаемся. Лететь будем достаточно долго, но не так долго, как может показаться.

— О чем ты?

— Сами увидите, — мужчина махнул рукой и натянул потуже шапку, которую носят летчики. Затем сдвинул на нос очки.

Самолет, небольшой, но имеющий достаточный размер, чтобы погрузились мы вчетвером и какой-то груз, стоял на взлетно-посадочной полосе. Погода была пасмурной, но ни ветра, ни дождя не было. Я молился, чтобы никакая непогода и близко не думала появляться. Не дай Бог пришлось бы из-за этого садить самолет лишний раз и терять драгоценное время.

Огонек и Дед стояли у машины. Оба молчали.

— Возвращайтесь скорее, — сказал Березовский и протянул руку.

Гаргарьин кивнул и все же бросил краткое, но такое, как надо:

— Удачи.

А затем мы погрузились в самолет. Всюду стояли ящики, но мест было недостаточно, чтобы положить Зою на кресла.

— Возьми те одеяла в углу, — пилот, представившийся Маккуином, хотя ни на какого Маккуина он не походил, указал рукой. — И положите ее у ящиков. Иногда будет немного трясти, но если нормально укутаете, то будет мягко.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Маккуин начал щелкать что-то на панели, а затем самолет взревел. Винты в окнах начали вращаться набирая скорость. Потом мы тронулись. И через минуту взлетели.

Сидя рядом с женой я закрыл глаза, положив руку ей на лоб. Он был горячим и влажным.

— Сколько нам лететь? — чуть не прокричал Петрович. Прошло примерно полчаса.

— При обычном раскладе около пятнадцати часов.

— Сколько?!

— Но мы полетим не при обычном.

— О чем ты? — крикнул я, стараясь перекрыть винты. Несмотря на то, что они находились снаружи, все равно издавали достаточно шума.

— Вы многого об этом мире не знаете, да? — засмеялся Маккуин.

— Если ты про монстров, — прокричал усач, — то я отказываюсь лететь на драконе!

— Нет, дело не в них. Хотя, возможно, отчасти. Вы когда-нибудь задумывались над тем, как контрабандисты вроде меня так быстро доставляют груз с одного места на другое?

— Вы хороши в своем деле? — Петрович залез на соседнее кресло от пилота.

— И это тоже. Но дело, мой друг, в меж пространственных дырах.

— В чем?

— Да, в том самом.

— Вы проходите расстояние через дырку в небе?

— Грубо говоря, да.

— Но вторжение монстров началось не так давно, а занимаетесь вы этим явно долго.

— Чудовища — это просто чудовища, приятель. Бреши из других миров были и раньше, просто в гораздо более меньших количествах.

— А почему их теперь так много стало?

— Не знаю. Но что я знаю, что когда мы пролетим через одну такую, будет охрененная турбулентность, поэтому держитесь, как можно крепче. Придется потерпеть.

— Подожди! — крикнул я. — Я правильно понимаю, что когда мы влетим в дыру, то попадем в другое измерение? — От попыток понять все это сверхъестественное дерьмо, которое навалилось на мир после вторжения чудовищ, меня затошнило.

— Отчасти! — Маккуин, судя по всему, направил машину немного вниз. — Мы попадем в место, которое мы называем Коридором — тоннелем, связывающим разные измерения. При желании можно попасть в одно из них. Но мы пролетим просто прямо, а затем вырвемся — таким образом здесь, в нашем мире, мы за один мах преодолеем половину расстояния до японцев.

— А почему не сделать этого сейчас? — гаркнул Петрович.

— Я не волшебник, здоровяк! До бреши еще долететь надо.

— А кто такие вы?

— Не понял!

— Вы называете это Коридором. Кто вы-то?

Судя по всему, Маккуин усмехнулся, потому что несколько секунд я ничего не слышал.

— Вы задаете слишком много вопросов, парни. Когда-нибудь, может, я расскажу вам подробнее. А пока что... Придерживайтесь своей истории.

— Милый?

— Да, детка?

— Где мы?

— Уже летим.

— Нам еще далеко?

— Нет, детка. Но нужно еще потерпеть.

Зоя посмотрела на меня совершенно измученным взглядом. Каштановые волосы прилипли к мокрому лбу. Потом она неожиданно улыбнулась — слабо, едва ли не из последних сил, но улыбнулась.

— Я люблю тебя, — одними губами сказала она.

Я наклонился и нежно поцеловал ее.

— Я люблю тебя нежнее, чем солнце греет океанские глыбы.

Жена улыбнулась и закрыла глаза снова, провалившись в сон. Через некоторое время Маккуин прокричал:

— Через минут десять влетим в брешь. Будьте готовы и приготовьте пакеты.

— Зачем? — брови Петровича взлетели вверх.

— Не хочу, чтобы вы заблевали мне весь самолет. Аттракцион будет тот еще.

Мы с Петровичем послушались. Через минут десять-пятнадцать Маккуин сказал:

— На месте. Держитесь крепче, будет трясти.

Я, не упуская из виду жену, схватился за один из висящих сверху тросов и посмотрел в окно. Бесконечная, зеленая тайга. Серое небо Родины. Где-то вдалеке видно золотые колосья, по которым, наверное, недавно пробежался дождь. А потом...

Потом что-то стало меняться. Мир за окном словно стал вытягиваться по струнке, становясь темнее и тоньше, как случается, когда пытаешься добраться пьяным до кухни или туалета. Рассмотреть изменения меняющегося мира долго не удалось — потом резко трянуло, самолет будто увеличил скорость в несколько раз, а затем на мгновение все

исчезло, наступила полная чернота. Горели только приборы на панели самолета. А потом все резко появилось, только совсем не то, что я привык видеть, находясь на борту самолета.

Это больше походило на реалистичную картину Ван Гога, чем на какой-то непонятный коридор. Все за окном стало фиолетовым, розовым и отчасти красным — самолет будто нёсся, трясясь, на скорости миллион миль в секунду, и яркие вспышки этих странных, нежных красок за окном, напоминали какие-нибудь только-только зарождающиеся миры. Миры, далекие от варварства и коварства, от человеческих амбиций и зла. Миры, существующие по своим законам, законом того, какими они должны быть, а не того, какими их пытаются представить. Все это продолжалось недолго. Может быть, полминуты. Лиловые и сиреневые рисунки, светясь и двигаясь вокруг нас, резко исчезли.

Потом наступила тьма, и мы снова оказались в нашем мире. Первое, что сделали мы с Петровичем, это воспользовались пакетами. И только потом увидели, что пейзаж, открывающийся спереди, решил измениться: горы и бесконечные леса сменились береговой линией. Линией, за которой простёрся Тихий Океан.

— Значит так, — начал Маккуин, когда заветные зеленые острова показались внизу. — Несмотря на то, что у меня есть разрешение на влет и вылет, я контрабандист. Не стоит забывать, что все разрешения липовые, хоть липа и хороша. Поэтому говорю как есть: делайте что хотите, но на все про все у вас будет не больше двух дней.

— Я не уверен, что этого хватит, — сказал я.

— Это не мои проблемы, приятель. Если нас схватят, проблемы у всех будут. Одно дело в Японию на лодке приплыть, а другое на самолете прилететь. Это более заметно.

— Дай три дня, — сказал Петрович. — Если в течении трех дней мы не успеем, значит улетай без нас.

Пилот с минуту помолчал, раздумывая над словами. Затем ответил:

— Хорошо.

А потом добавил:

— Можете не спешить. Дело близится к ночи, а ночью вы там особо не погуляете. Придется дожидаться рассвета.

Я посмотрел на мирно спящую Зою.

— Да, так и поступим.

Когда Маккуин посадил самолет над Японией царилась ночь. Пусть тьма не была непроглядной, а небо достаточно светлым, усыпанным мириадами звезд, сразу отправляться в место, где должны были находиться целители, мы не стали. Во-первых, пространство вокруг представляло собой довольно густые леса, во-вторых, лунный свет туда почти не проникал, и мы могли бы вовсе заблудиться внутри. Поэтому первым, что мы сделали, покинув небольшую взлетно-посадочную полосу, это отправились в деревушку, находящуюся неподалеку. Петрович, как самый сильный из нас и успевший немного вздремнуть в воздухе, нес Зою на руках. Я шел рядом, без конца поглядывая на ее спокойное, но бледное лицо. Маккуин шагал в нескольких метрах впереди, постепенно спускаясь вниз.

Окна деревянных домов желтыми квадратами встретили нас, когда мы начали спускаться с холма. У некоторых из труб шел дым, всюду переговаривались в траве разные жучки и сверчки, затем подул прохладный ветер, взметнув волосы Зои за плечо Петровича. Через несколько минут мы спустились к одному из домов. Ни одного человека в деревне видно не было.

Маккуин постучался в дверь. Через полминуты ее отворила женщина лет шестидесяти. Выглядела она, несмотря на свой возраст, довольно хорошо и стройно, а руку держала на рукояти катаны, висевшей с левого бедра. Увидев перед собой летчика, она воскликнула:

— パイロット！ *(Летчик! — японск. яз.)*

— あなたの家に平和、私の素晴らしい、 *(Мир твоему дому, моя чудесная)* — ответил Маккуин и чуть склонился.

— 私はあなたを見てとてもうれしいです！ あなたは再び他の人の次元にあらゆる種類のものを提供してきましたか？ *(Я так рада видеть тебя! Ты снова толкал всякие штуки людям из других измерений?)*

— 含めて、私の種類。 お邪魔して申し訳ありませんが今日は問題があります *(В том числе. Прости, что беспокою тебя, но сегодня у нас проблема...)* — Маккуин сделал шаг в сторону, показывая меня, Зою и Петровича.

Лицо радостной японки мгновенно стало серьезным. Сразу поняв, что у нас проблемы, она, не колеблясь, тоже сделала шаг в сторону, открывая проход.

Первым прошел Петрович, которому пришлось согнуться, чтобы пройти в невысокую дверь. Следом я и Маккуин. Женщина закрыла за нами дверь, и я поклонился ей, не зная, что еще могу сделать хотя бы за то, что она нас в принципе пустила.

Ответив поклоном, она указала Петровичу место неподалеку от камина, куда можно было положить Зою, что тот и сделал. Положив рядом несколько влажных тряпок, женщина тут же стало что-то замешивать в деревянной кружке, добавив туда какие-то травы и специи. Затем она залила это водой и перелила в железную посудину, поставив ее кипятиться в камин. Языки пламени отбрасывали на нас тени деревяшек, трещащих в пасти камина. Японка, усадив рядом нас, вопросительно посмотрела на Маккуина. Он посмотрел на меня.

— Говори, — сказал он, — а я буду переводить ей.

И я начал говорить, с горечью понимая, что рассказать о самой болезни мне особо и нечего. Рассказав о симптомах, почти бессмысленных походах к врачам и постепенном ухудшении здоровья Зои, я поведал и о том, что нашел обо всем этом сам, сведя все к тому, как мы оказались здесь. Японка слушала почти не сводя с меня глаз. Когда я закончил, она глубоко вздохнула и помолчала с минуту. И тоже начала говорить. Маккуин переводил.

— То, о чем вы говорите, знакомо мне. Падение бомб стало не единственной печалью для Японии за последнюю сотню лет... Нацисты действительно разработали некое оружие, отравляющее мозг. После его медленного поражения начинают отключаться остальные органы. Всегда в разном порядке, не угадаешь. В случае вашей жены, нет какого-то явного органа, за исключением главного — сердца. Она не встаёт не из-за температуры или усталости. Сердце работает так медленно, что не может отправлять кровь по венам. Я думаю, оно может остановиться в любую минуту.

Я почувствовал, как лоб мой покрылся испариной, а японка продолжала говорить, пока Маккуин переводил:

— Когда-то и мой отец столкнулся с этой болезнью. Он продержался шесть месяцев. Потом легкие перестали принимать кислород, и он умер — это тоже сопровождалось

отсутствием физической или явной умственной активности. Однако больше я с этой болезнью не сталкивалась, хотя и слышала про нее от знакомых. Но эти слухи не помогут вам. Я сварю несколько отваров, которые расшевелят ее, приведут в чувство. Кровь будет идти по телу. Но утром вам нужно отправиться в гору, вверх, а затем вправо от вершины — примерно день пути отсюда. Если и возможно как-то помочь ей, то только там могут знать, как. Если знают.

Японка замолчала, а вместе с ней замолчал и Маккуин. Серые глаза летчика внимательно посмотрели на меня.

— Я пойду на рассвете, — сказал я. — Спасибо вам за оказанный прием. Я обязательно отблагодарю вас, когда мне будет чем.

Когда небо на востоке начало светлеть я был уже на ногах. На ногах были все, за исключением Зои — цвет ее лица нормализовался, дыхание стало ровным, но я не отважился разбудить ее, хотя мне очень хотелось послушать ее голос снова. Пусть слабым, не окрепшим, но снова. Желание услышать, если дело касается любви — это, наверное, одна из самых сильных вещей, когда-либо существовавших на Земле. Поцеловав ее в лоб, я взял небольшой рюкзак, куда положил немного еды, воды и медикаментов, после чего вышел из деревянного домика. Небольшая деревня, в которой мы находились, спала в утренней туманной дымке.

— Если ты будешь правильно идти, то увидишь их храм к закату дня, — сказал Маккуин, переводя слова японки. — Там еще должны быть небольшие постройки. Они не часто спускаются в город, а к ним не часто поднимаются, поэтому информации не так много.

— Этого достаточно, — я поклонился женщине, и она сделала тоже самое в ответ. Затем я посмотрел на Петровича. — Береги ее, ладно?

Уставшее, с морщинками на лбу и в уголках глаз лицо друга размягчилось. Седые усы поднялись в легкой улыбке.

— Когда было иначе?

Мы обнялись. Обменявшись рукопожатиями с Маккуином, мы кивнули друг другу.

И я пошел по направлению, которое указала мне женщина. Поднявшись на небольшой холм, ведущий в горы, обросшие древними лесами, я оглянулся посмотреть на деревню. Наш домик был все еще виден, но ни Петровича, ни Маккуина, ни японки снаружи уже не было. Затем подул легкий ветер, зашелестев листьями высоких деревьев, и, повернувшись, я пошел дальше, вдыхая прохладный утренний воздух. Для простого человека, не привыкшего к физическим нагрузкам, подъем оказался бы нелегким испытанием, даже такой небольшой, который одолел я — но, возможно, весь этот путь через бойцовский клуб был для чего-то большего, что я пока мог себе представить, потому что шел я с легкостью и уверенностью, пускай и прошел совсем немного. Крепкое тело, знающее силу, лишним никогда не окажется.

Привал я сделал только ближе к полудню, пройдя примерно половину пути, если шел по верному маршруту. Спустившись по верховьям одной из рек вниз, в небольшое скалистое ущелье, напоминавшее чем-то американские фильмы про Дикий Запад, где обязательно бежал десяток всадников в шляпах, я присел на один из камней. Камень находился в тени —

не теряя времени, я достал из рюкзака скромный провиант в виде бутербродов, сделанных еще вчера и переживших приключение через Силу Скорости, и перекусил ими, запив водой, которую тут же заполнил из ручья.

Просидев минут двадцать пять двинулся дальше, забирая на восток, как и говорила японка. Через некоторое время дорога снова пошла в довольно густой лес, и солнце перестало обжигать затылок. За исключением птиц и нескольких белок из других животных мне никто не попался. Проходя мимо небольшой поляны, на которой росло много неизвестных мне фиолетовых цветов, я повстречал лишь одну лань. Завидев меня, она постояла с минуту, не двигаясь, а потом убежала в лес, в противоположную сторону. Возможно, к океану. А потом снова подул ветер, удивительно холодный, и я пошел дальше, снова поднимаясь вверх.

Пункта назначения я достиг ровно к закату, как и сказала женщина. Сначала взору открылся сам храм, сделанный из дерева, как и деревня в которую мы пришли: затем показались небольшие хижины, где, видимо, и жили монахи. Чтобы подобраться вплотную, пришлось сделать небольшой круг, так как между нами находилась пропасть, на дне которой простиралось озеро. Обойдя ее, я прошел по каменным ступеням через деревню, аккуратно к храму. Через некоторое время вокруг меня начали собираться наголо бритые монахи. Одеты они были в простые серо-белые одежды. Через время появился и главный монах: послушники расступились перед ним, чуть склонив головы, и мы встали друг напротив друга, взглянув друг другу в глаза. На вид ему было лет семьдесят.

И тут я понял, что не знаю, что ему сказать, потому что не знаю языка. Будто прочитав мои мысли, он сказал по-английски:

— Вы можете говорить на вашем родном языке: я пойму его, если это не совсем уж редкий язык.

На мгновение растерявшись, а затем собравшись с мыслями, я ответил:

— Я из НРГ. Вам будет удобно говорить по-русски?

Монах кивнул.

— Я не хотел беспокоить вас своим присутствием, но мне нужна ваша помощь. Моя жена смертельно больна — боюсь, ей остались считанные дни, если не часы, — тут я ощутил, что мое сердце забилося быстрее.

Мужчина, словно чувствуя волнение, положил руку мне на плечо и повел в сторону, к обрыву. Послушники остались позади.

— Чем она больна?

— Я не знаю названия болезни. Она... Сейчас редкая, но вы, думаю, должны о ней знать. Ее разработали нацисты во время Второй мировой войны. Она затмевает разум, повреждая мозг: он, в свою очередь, постепенно умирает, и остальные органы перестают работать.

Монах в мгновение ока нахмурился. Затем мы встали у пропасти.

Синее небо простиралось до самого горизонта, откуда мы сюда прилетели. Белые облака неспешно ползли по нему, уносясь куда-то вдаль. Леса стояли молча, и на секунду у меня возникло чувство, будто они тоже слушают наш разговор.

— Да, я знаю об этой болезни. От нее погибла моя мать, когда я был еще ребенком.

— Мне очень жаль.

— И мне. Несмотря на ту философию, которую я преподношу моим ученикам, в основе которой лежит буддизм, от этой вещи мне до сих пор становится печально, — монах

вздохнул. Затем сказал: — Я думаю, можно стать самым настоящим буддистом или стоиком, обретя максимальное спокойствие в общности, а хладнокровие — в частности. Но от некоторых вещей нам, возможно, никогда не избавиться: они будут печалить наши сердца до конца отведенных дней. Потому мы и вздыхаем на смертном одре с облегчением — боль больше не будет мучить. Потому что и нас не станет.

— Вы сможете ей помочь?

— Я должен осмотреть ее. Это сильная болезнь, молодой человек. Где вы остановились?

— В маленькой деревне к юго-западу отсюда. Я вышел оттуда на рассвете.

— Деревня Плакучих Ив, — мужчина кивнул. — Я понял где это. Если выйдем через час, то к восходу солнца доберемся.

— Мы можем отправиться хоть сейчас.

— И верно, — мужчина улыбнулся. — Но вы должны хоть немного передохнуть и поесть, а мне нужно собрать вещи. Идите к моим ученикам, они все сделают. Встретимся здесь через час — мне еще нужно назначить старшего на время отсутствия.

— Спасибо.

— Не за что. Пока еще не за что.

К моменту, когда мы двинулись обратно, над Японией растеклась ночь. Мириадами звезд она глядела на нас, бредущих лесистыми холмами и оврагами на юго-запад, к Деревне Плакучих Ив, порой они часто и быстро мигали, будто показывая нам какие-то космические сигналы, но еще чаще сверкали безмолвно и недвижно, разгоняя вселенское пространство. К наступлению тьмы мир будто стал более живым, чем был при свете дня: невооружённым глазом можно было заметить белок и бурундуков, бегающих по ветвям тонких и толстых ветвей. Птицы, белые и синие, прятались среди зеленых листьев. Когда мы подобрались к устью реки, то слышали кваканье лягушек, царивших в густых зарослях бамбука и тростника. Мир ожил, а с ним оживали и надежды, царившие в моем сердце. Точнее сказать, надежда.

— Вы давно здесь живете?

— В Японии? Большую часть жизни.

— А на территории храма?

— Двадцать лет.

— Солидно.

— Да, — мужчина улыбнулся, поправив на плече лямку старого рюкзака. Негромко отстукивая палкой по земле, он двигался вперед, а я следовал за ним. — Был бы рад прожить еще лет двадцать.

— Уединение с природой настолько затягивает?

— Конечно. Но дело не только в этом.

— А в чем еще?

— Например, в наслаждении жизнью. Но я рад, что еще лет двадцать вряд ли проживу.

— Почему?

— Вы меня простите: я знаю, что вам сейчас этого не понять. Просто смысл созидания в том, что оно не вечно: если вы получаете удовольствие от какой-то вещи, это, конечно,

прекрасно, но если оно будет постоянным, то оно вам наскучит. Или еще что-нибудь. Счастье не может быть вечным — хотя бы потому, что все на свете ценится зачастую лишь тогда, когда оно находится в дефиците. Понимаете, о чем я?

— Да, — сказал, выдохнув, я, — поэтому, едва не потеряв что-либо, мы начинаем ценить это куда-то больше, чем ценили до этого. Я знаю, о чем вы говорите: я был на войне.

— Вот как! Наверное, много где побывали.

— Да. Но это одна из немногих вещей, которая действительно оказалась хорошей. Посмотреть на мир — ради этого стоит жить. Хотя порой мне кажется, что лучше бы я на той войне никогда не оказался.

— Да, — согласился монах, — но не забывайте о том, что именно события войны, как мне кажется, и привели вас к тому, где вы сейчас есть: пусть сейчас это не лучший период, но, думаю, за прошедшее время у вас было много чего хорошего.

— Да. Вы правы. Хочется думать, что много хорошего будет и дальше.

— Живете днем и дайте жить дню.

— О чем вы?

— Книжка какого-то американского писателя. Я это к тому, что как бы сильны не были ваши беды, чтобы справляться с ними лучше, поймите одну вещь: на свете есть вещи, которые вы можете контролировать, и есть те вещи, которые вы контролировать не можете. Ваша задача просто разделить их и принять.

— Сказать сложнее, чем сделать.

— Вы абсолютно правы, — ответил мужчина, и мы на долгое время замолчали, продолжая то спускаться, то подниматься в горы.

Луна, большая и яркая, освещала нам дорогу до самого конца.

Деревни мы достигли в то же время, что я ее и покинул: когда мы спустились вниз, дома еще утопали в предрассветном тумане. Было прохладно, и на пороге нашего дома уже стоял встревоженный Петрович.

— Как она? — первым делом спросил я, когда мы подошли к нему.

— Проснулась, — сказал друг, — но бледная как мел, что-то шепчет. Половину не ясно, а в другой тебя зовет.

Не говоря ни слова, я вошёл в дом, и они зашли за мной.

Жена лежала на полу, в небольшом отдалении от огня. Японка приложила мокрую тряпку к ее лбу. Я опустился рядом.

— Милая?

Зоя не ответила.

— Милая? — я коснулся ее плеча.

Тут она посмотрела на меня. Сначала растерянно и будто со страхом, а затем уголки ее губ растянулись в слабой улыбке.

— Милый.

— Как ты?

— Ты пришел, и стало лучше.

— Я привел врача. Он посмотрит тебя. Хорошо?

— Хорошо, — прошептала она. — Только не уходи от меня.

Я посмотрел на монаха, и он опустился рядом, с другой стороны от Зои. Затем, убрав тряпку, положил руку ей на лоб. Жена закрыла глаза, и я тут же понял, что она сразу же провалилась в беспамятство. Монах внимательно осмотрел ее лицо, затем посмотрел руки и ключицы, на которых отчетливо проступили вены. Потом тыльной стороной руки мягко коснулся ее груди. Вернул тряпку на лоб.

Обернувшись, он перекинулся несколькими фразами с хозяйкой дома, сидевшей неподалеку. Маккуин сидел у окна, не сводя с нас глаз.

Наступила тишина. Костер продолжал потрескивать в камине.

— Что же? — тихо спросил я.

Мужчина не ответил.

— Монах?

Затем он вздохнул.

— Мне очень жаль, молодой человек. Я думаю, ей уже не помочь.

— Что?

— Часть мозга, отвечающая за работу сердца и легких, почти полностью уничтожена. С каждой секундой кровь по венам идет медленней и вот-вот остановится.

— Ну так сделайте что-нибудь!

— Я не могу, — монах посмотрел мне в глаза, и его взгляд, полный сожаления и печали, пронзил меня будто током. — В моих силах снять напряжение с ее тела, улетучить боль. Но это не больше, чем анестезия перед смертью. Я не могу восстановить ее мозг.

— Это же полный бред, — прогудел Петрович, возвышаясь под потолком. — Не может какая-то неизвестная болезнь такое сделать! Должен быть выход! Он всегда есть!

— Не всегда, — тихо ответил монах, затем смочил тряпку и снова провел ей по лбу и щекам Зои. — Иногда мы становимся заложниками обстоятельств: тех обстоятельств, которые мы контролировать не можем.

Я посмотрел на жену, чувствуя, как воздух кончается в груди, а слезы обжигают уставшие глаза. Белая как мел, с синими кругами под глазами, она спала мирным сном, и вот-вот должна была умереть.

— Нет, — прошептал я. — Этого не может быть. Все что угодно, но только не это.

Я взял в свои руки ее ладонь и поцеловал ее.

— Мы должны с этим что-то поделать, — сказал я, какой-то частью понимая, что ничего сделать уже нельзя. — Должны.

Затем я почувствовал, как плечи и руки трясутся от рыданий, и на некоторое время я исчез, не чувствуя ничего, кроме ее теплой руки.

— Я уберу боль и приведу ее в чувство, — сказал Соухе. — Но времени будет совсем немного.

Я закрыл глаза, чувствуя, как холодный ветер обжигает мои щеки.

— Я знаю, что ты не готов, но сейчас тебе нужно принять одно из важнейших решений в твоей жизни. У нее будут от силы один-два часа.

Я кивнул. На несколько минут мы замолчали, смотря, как по сумеречному небу плывут облака. Небо на востоке постепенно становилось ярче.

— Почему Плакучие Ивы? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Неподалеку есть озеро в лесной чаще, — ответил монах. — В него впадают несколько небольших речушек, которые позже ведут на восток, к океану. У берегов стоит множество плакучих ив. Раньше там много времени проводили жены погибших воинов, оплакивая павших мужей. Место очень тихое. Поэтому деревню так и назвали — Деревня Плакучих Ив.

Я выдохнул, лихорадочно соображая. Затем открыл глаза.

— Сделай все, что нужно. Затем я заберу ее и отнесу туда.

Монах посмотрел на меня и кивнул. После этого он вернулся в дом, а я снова посмотрел на небо. Звезды холодно сияли на светлеющем небосклоне.

— Здесь так красиво, — Зоя чуть улыбнулась, глядя на совершенно спокойную и гладкую поверхность озера. Затем она прижалась ко мне. — Это хорошее место.

— Да. Хорошее.

Жена посмотрела на меня своими большими и зелёными глазами. Я почувствовал, как мое сердце сжимается под грузом того, сколько усталости и боли ей пришлось перенести.

— Прости меня, — прошептала вдруг она.

— Что? — я аккуратно сел на листве, не выпуская ее руки из своих. — Тебе не за что извиняться.

— Не за что? — Зоя, улыбнувшись со слезами на глазах, выдохнула. — Я лежу в далекой и красивой стране, так далеко от дома, и умираю, пока все что ты делал в последние месяцы — это работал для того, чтобы этого никогда не случилось. Но так не бывает, милый, — сказала она, увидев, что я хочу возразить, — это должно было случиться, рано или поздно. Либо ты, либо я. К этому, — она положила палец мне на губы, — редко бываешь готов. Все хорошо, дорогой.

— Нет, детка, нихрена не хорошо, — прошептал я, чувствуя, что начинаю взрываться, как сердце колотится в груди, понимая, что оно совершенно бессильно, — где справедливость в этом чертовом мире, если с тобой это произошло? Я не хочу жить без тебя. Когда я вернулся с войны и встретил тебя, я счел это настоящим чудом, чем-то вроде Божьего благословения, и, может быть, так и было, потому что ничего лучше чем ты в моей жизни так и не было. А теперь я абсолютно бессилен, — по моим щекам побежали горячие слезы. — Я не смог защитить тебя, а теперь не сумел вылечить. Я не смог уберечь тебя. Кто я теперь такой?

Зоя, смотря на меня, провела ладонями по моим предплечьям. Затем посмотрела в глаза, спокойно и серьезно.

— Ты мой муж. Самое лучшее, что со мной случилось, и ничего, даже смерть не в силах этого изменить. С нами может случиться все что угодно, но это что-то не в силах поменять наше отношение к этому, — она коснулась горячими губами моих пальцев. — Конец — это только часть пути, милый. Конец — это новое начало. Я знаю, что тебе тяжело, и я с тобой, даже тогда, когда все закончится. Может тебе в это не особо и верится, но это так. Я всегда буду рядом, как ты был всегда рядом вместе со мной. Знаешь, — Зоя выдохнула, посмотрев на поверхность озера. Небо над нами становилось все светлее, и солнечный свет подарил некоторым из деревьев золотое свечение, — иногда мне кажется, что мы родились для того, чтобы однажды встретиться. Иногда человек появляется на Земле только для того, чтобы

сделать всего одну вещь, но эта вещь очень важна, так важна, как неважны множество других вещей. Я думаю, мы с тобой — одна из них. Инь и Янь, — Зоя улыбнулась.

Я посмотрел ей в глаза, чувствуя, как утопаю в них так, будто только-только увидел ее в полутемной библиотеке Петербурга, в нашу первую встречу. Темно-зеленые, они напоминали могучие и спокойные волны какого-нибудь моря, которое было подвластно только мне, а иногда брало надо мной полный контроль, который никто не мог взять надо мной даже в малайской тюрьме.

— Я люблю тебя. Больше всего на свете, — прошептал я, чувствуя, как солнечный свет касается моего лица и шеи, опускаясь на Зою. Ее густые и темные волосы будто заискрились в нем, напоминая миллионы созвездий. Она вновь улыбнулась.

— Я люблю тебя, мой Итан Рокотански. Ты и есть мой свет, — сказала она.

И ее не стало.

Мотоцикл, рыча, мчался вперед, освещая себе дорогу желтым светом фары. В единственное зеркало заднего вида, оставшееся слева, где-то позади виднелся шторм. Его тучи и вихри словно рассеивались, вместе с этим теряя свой смысл и другие значения, которые, возможно, у него были.

Руки Зои обхватывали меня за торс, и я чувствовал ее запах — землянично-клубничный. Плечо, укрытое желтым платьем, также виднелось в зеркале фары, и я улыбнулся, чувствуя, что она улыбается тоже, прижимаясь своим тонким носом к моей шее. На мгновение мне стало щекотно, и я усмехнулся, крепко держа руль. Через мгновение она засмеялась, перекрывая своим смехом рев мотоцикла, и я засмеялся тоже.

Млечный Путь раскинулся миллиардами звезд на ночном небосклоне Канзаса. Звезды падали вниз, исчезая где-то в хребтах американских гор, часть из которых имела стальные, заснеженные вершины. Колосья пшеницы золотым морем наклонялись под порывами теплого ветра, и мы продолжали смеяться, направляясь куда-то вдаль, вместе с летящими звездами, державшими свой путь в неизвестном нам направлении.

Все было хорошо.

Авторское послесловие

Вот мы и подобрались к концу, дорогие читатели. Я не знаю, какие эмоции у вас вызвала по итогу эта книга — лишь хочу сказать вам спасибо за то, что прочли её. А ещё я хочу сказать спасибо следующим людям: Наде, без которой этот роман если и был бы написан, то явно выпущен гораздо позже, чем выпущен. Именно ты дала мне толчок к действию. Паше за техническую помощь, Наташе — за прекрасную обложку. Антону и Жене — за поддержку. Семье и Хоббитам — за помощь и то, что вы есть.

И ещё. У вас могло возникнуть чувство, что слишком многое осталось недосказанным. Это верно.

Где-то — потому что так нужно. Где-то — потому что я могу себе это позволить. А ещё где-то — потому что я надеюсь когда-нибудь это рассказать. Может быть. Однажды.

Спасибо вам всем. С уважением,

Нестор Штормовой, 2 ноября 2023 года, Москва.